

63.3(343)
А 58

Д. Н. Альшиц
НАЧАЛО САМОДЕРЖАВИЯ
В РОССИИ

А наши великие государи
от Рюрика до нынешнего госуда-
ря все государи самодержьцы
и никто же им не может
указу учинити и вольны добрых
жаловати а лихих казнити.

Царь и великий князь всея Руси
по бохъему изволению
а не по мятежному
теловееству хотению

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия
«Страницы истории нашей Родины»

Д. Н. АЛЬШИЦ

НАЧАЛО САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ

ГОСУДАРСТВО ИВАНА ГРОЗНОГО

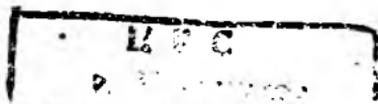
07

Ленинград
«НАУКА»

Ленинградское отделение

1988

В этой книге д-р ист. наук проф. Д. Н. Альшиц излагает свою концепцию начальной истории самодержавия. Опираясь на введенные им в научный оборот исторические источники — Список опричников Ивана Грозного, Официальную разрядную книгу московских государей, а также на неизвестные ранее литературные сочинения XVI в., — автор показывает, что опричнина была не случайным и кратковременным эпизодом, а необходимым этапом становления самодержавия, начальной формой аппарата его власти. Книга написана в живой полемической манере и рассчитана на любителей отечественной истории.

Ответственный редактор
академик Д. С. ЛИХАЧЕВ

Рецензенты:

чл.-кор. АН СССР,
проф. Н. Н. ПОКРОВСКИЙ,
д-р ист. наук, проф. Ю. Н. АФАНАСЬЕВ

СПОР, ЗАТЯНУВШИЙСЯ НА 400 ЛЕТ (вместо введения)

Объективная, научно обоснованная оценка исторической роли российского самодержавия на всех этапах его существования приобретает в условиях современной идеологической борьбы важное значение. Отрицание исторической правомерности социалистической революции и социалистического строительства в России неизменно опирается на искаженное истолкование до-революционной истории. Большое внимание уделяется при этом самодержавию как некоей надклассовой силе, будто бы сплотивавшей своих подданных без различия их сословной и классовой принадлежности на основе «общенационального идеала», единства веры и извечной морали.

Подобные представления весьма интенсивно связывают с начальным периодом истории самодержавия, чему немало способствует его недостаточная изученность. В науке нет единства взглядов даже по такому вопросу, как время возникновения самодержавного строя. Одни исследователи относят установление самодержавной монархии к концу XV в., другие ко второй половине XVII, некоторые усматривают ее начало в XVI в.

Наиболее спорными и противоречивыми суждениями изобилует историография эпохи Ивана Грозного, и особенно опричнины. Нет единого мнения о смысле ее учреждения и сроках существования, о ее роли и значении в истории русского централизованного государства.

Еще сравнительно недавно, в 40-х гг. нашего века, академик С. Б. Веселовский характеризовал итоги изучения этих проблем в самых мрачных тонах: «... в послекарамзинской историографии (эпохи Грозного. —

Д. А.) пачался разброд, претенциозная погоня за эффектными широкими обобщениями, недооценка или просто неуважение к фактической стороне исторических событий... Эти прихотливые узоры „нетовыми цветами по пустому полю“ исторических фантазий дискредитируют историю как пауку и низводят ее на степень безответственных беллетристических упражнений. В итоге историкам предстоит, прежде чем идти дальше, употребить много времени и сил только на то, чтобы убрать с поля исследования хлам домыслов и ошибок, и затем уже приняться за постройку нового здания».¹

Трудно принять столь мрачный взгляд на историографию Московского государства XVI в. Историки всех поколений внесли в нее свой значительный вклад. При постройке общими усилиями «нового здания» надо, следовательно, заботиться не только о расчистке «хлама», но и о сохранении тех прочных и надежных «строительных блоков», которые уже заложены в фундамент.

Тем не менее необходимо признать, что споры вокруг опричнины, о ее роли и значении, не в малой степени уводили историков от решения более общей проблемы — начальной истории самодержавия в целом. В результате не находили должного освещения ни история опричнины, ни начальный период истории царского строя.

Точка зрения дворянской историографии на опричнину как на бессмысленное порождение личной прихоти царя Ивана Грозного восходит к сочинениям А. М. Курбского и публицистов начала XVII в. — либо к прямым родичам казненных, либо к людям, выросшим в среде, живо и болезненно помнявшей опричный террор.

Многие исследователи, опираясь на непроверенные, зачастую фантастически преувеличенные свидетельства иностранцев об опричном терроре, также видели главную причину возникновения опричнины в личной жестокости царя Ивана IV. «Пьяный, развратный, кровожадный тиран», охваченный манией преследования, опираясь на таких «злейших врагов всех честных граж-

---

¹ Веселовский С. Б. Исследование по истории опричнины. М., 1963. С. 15—16.

дап», как Басманов, Малюта Скуратов, Вяземский, установил «бессмысленную тиранию» и «привел государство к разрухе». Наиболее ярко в дореволюционной историографии выразили эту точку зрения Н. М. Карамзин и В. О. Ключевский.

Историки другого направления, начиная от В. Н. Татищева, при всем различии их взглядов и позиций настойчиво искали реальные причины разразившегося во второй половине XVI в. «конфликта между царской властью и ее слугами». С. Ф. Платонов видел в опричнине борьбу Грозного с феодальной аристократией, в результате которой царь сумел ликвидировать вотчинное землевладение.

«Как сказочный Геракл успел одолеть Антея, потому что оторвал его от земли, его родившей, так исторический Грозный, — по мнению исследователя, — навсегда сломил политическую силу титулованного боярства, потому что оторвал его от наследственных вотчин и пересадил в новые условия службы и хозяйства».² Сравнивая творца опричнины с героем эпоса, пережившего века — Гераклом, С. Ф. Платонов, казалось бы, придает победам «исторического Грозного» над своими противниками поистине эпохальное значение.

Если, однако, рассматривать построение Платонова целиком, нельзя не взглянуть и другую его сторону. Столь великое и даже героическое дело, судя по уподоблению Грозного Гераклу, как разгром консервативных сил, воюющих за сохранение пережиточных отношений «вчерашнего дня», разгром удельно-княжеской аристократии и ликвидация ее землевладения, лишено при этом в изображении С. Ф. Платонова каких-либо позитивных, созидательных начал, не привело к каким-либо полезным результатам для дальнейшей истории страны, в частности, для реального укрепления русской государственности. Как раз напротив, по мнению С. Ф. Платонова, Грозный вел борьбу против феодальной аристократии не так, как следовало, «сложное политическое дело было еще более осложнено ненужными казнями, пытками и грубым развратом. Крутая

---

² Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XV—XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время. М., 1937. С. 138—139.

по сущности мера приняла характер общего террора именно потому, что ее прямой смысл был затемнен непонятными и страшными способами действия». В результате, как подчеркивает Платонов, не менее боярства страдали от опричнины и простые малоземельные служилые люди. «Таким образом, направленная против высшего служилого слоя, опричнина отзывалась на всем обществе». Опричнина лишь «попытка политической реформы», по попытка, в полном смысле этих слов, с негодными средствами. В конечном счете она имела выход в будущее только в виде плачевных для русского государства последствий.

Таким образом, Платонов, расходясь с историками направления Карамзина—Ключевского в оценке целей и намерений, вызвавших учреждение опричнины, отмечая как важный факт ликвидацию с ее помощью вотчинного землевладения, тем не менее солидаризируется с ними в общей оценке результатов и последствий опричнины. В построении Платонова противоречия, объективно возникающие внутри класса феодалов в процессе его консолидации вокруг монархии, а главное — резкое обострение противоречий между классом феодалов в целом и эксплуатируемой тягловой массой деревни и городского посада, изображаются в искаженном виде, лишь как противоречия между целями монархии и методами их осуществления.

Концепция Платонова ведет к ложному выводу, будто «тяжких обстоятельств», приведших страну к кризису, к «открытой смуте», т. е. к классовым битвам начала XVII в., не было бы, если бы методы монархии в проведении внутренней политики были иными, менее «крутыми», «грубыми» и не столь необдуманно жестокими. «Сильное правительство, — пишет С. Ф. Платонов, — могло бы господствовать над положением дел и искать выхода из государственных затруднений».

Представители дворянской, а затем и буржуазной историографии отнюдь не случайно стремились локализовать значение опричнины хронологическими рамками ее будто бы кратковременного существования.

Дворянская историография «стеснялась» опричнины, старалась отделить ее от истории самодержавия, изобразить явлением, чужеродным царизму, нехарактерным для него. С этих позиций подчеркивались

ужасы опричного террора, а также все, что позволяло изобразить опричнину явлением чрезвычайным, странным и уродливым, как бы выпадающим из последующей вековой истории царского государства. Историки монархического направления отказывались видеть в опричнине вообще какой-либо здравый смысл, а тем более признавать за ней сколько-нибудь серьезное значение в становлении самодержавия.

Буржуазная историография, не расстававшаяся с конституционно-монархическими иллюзиями, также была склонна локализовать опричнину в узких временных рамках, рассматривать ее как явление, не имевшее последствий для дальнейшей истории монархии. Отсюда унаследованный некоторыми представителями буржуазной историографии, в том числе В. О. Ключевским, взгляд на опричнину как на учреждение бессмысленное, не оставившее никаких следов в дальнейшем развитии русской государственности.

Локализация исторической роли опричнины способствовала поддержанию характерных для буржуазных историков иллюзий о будто бы присущей самодержавию тенденции к превращению в конституционную монархию, в царство законности и демократического порядка.

По мнению В. О. Ключевского, с которым солидаризируется С. Ф. Платонов, ход истории вел московского государя к демократическому полновластию, а действовать он должен был посредством аристократической администрации. «Такой порядок вещей привел к открытому столкновению московской власти с родовым боярством во второй половине XVI века».

Как видим, у представителей домарксистской историографии были достаточно серьезные историко-философские основания для того, чтобы ограничивать значение опричнины узкими временными рамками. Воспользовавшись терминологией Гегеля; можно сказать, что они рассматривали опричнину как факт, равный самому себе, не имеющий корней в прошлом и не давший ростков в будущем. Тем самым опричнину либо совсем вычленили из общего исторического процесса складывания царского государства, либо признавали за ней роль некоей «кувалды», которая единым махом добила остатки удельной старины, после чего и сама была отброшена прочь.

Предвзятый подход к изучению значительного исторического явления не мог не сказаться на характере обращения с историческими источниками. В результате оказалось, что труды даже наиболее выдающихся представителей дворянской и буржуазной историографии, посвященные исследованию печальной истории самодержавия, в частности истории опричнины, изобилуют примерами произвольных выводов, противоречащих источникам. Внимание на такое положение в этой области историографии было обращено еще в дореволюционной публицистике.

«Наша литература об Иване Грозном, — писал в начале нашего века Н. К. Михайловский, — представляет иногда удивительные курьезы. Солидные историки, отличающиеся в других случаях чрезвычайной осмотрительностью, на этом пункте делают решительные выводы, не только не справляясь с фактами, им самим хорошо известными, а... даже прямо вопреки им; умные, богатые знанием и опытом люди вступают в открытое противоречие с самыми элементарными показаниями здравого смысла; люди, привыкшие обращаться с историческими документами, видят в памятниках то, чего там днем с огнем найти нельзя, и отрицают то, что явственно прописано черными буквами по белому полю».³ В этих словах мы узнаем точку зрения на историографию эпохи Грозного, примерно аналогичную той, которую позднее высказал С. Б. Веселовский. Однако нельзя забывать, что Н. К. Михайловский выступил со своими оценками в начале нашего века. Некритически повторив ее 40 лет спустя, С. Б. Веселовский тем самым не учел многочисленных трудов историков, появившихся за истекшее время.

Новый этап в исследовании истории русского централизованного государства и царской монархии неразрывно связан с марксистско-ленинским учением о государстве как о продукте непримиримости классовых противоречий.

Исключительное значение для правильного понимания важнейших явлений и процессов периода становления самодержавия имеют ленинские положения о том, что в основании исторического развития вся-

---

³ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 2. С. 186—187.

кого государства лежат непреодолимые требования экономического развития, а в основе всех преобразований и реформ, проводимых «сверху», в частности в период становления самодержавия, лежит классовая борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататоров. В. И. Ленин указал на лицемерие и лживость монархического утверждения, будто «самодержавная власть царя... выражает всеобщие интересы всего народа».⁴

На основе марксистско-ленинского учения о государстве советская историография провела всесторонний классовый анализ социальных конфликтов, происшедших в Московской Руси во второй половине XVI в. Созданы обстоятельные труды по начальной истории самодержавия.⁵

Тем не менее, как справедливо замечает Р. Г. Скрынников, споры о времени возникновения самодержавия, «споры о значении опричнины и ее влиянии на политическое развитие России далеки от своего завершения».⁶

В свое время С. Б. Веселовский, о котором уже шла речь выше, смело и бескомпромиссно выступил против идеализации личности и деятельности Ивана

---

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 11. С. 181 (см. также: Т. 4. С. 231, 314; Т. 6. С. 363; Т. 16. С. 312; Т. 17. С. 325, 346; Т. 21. С. 32).

⁵ Смирнов И. И. Иван Грозный. Л., 1944; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950; Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963; Бахрушин С. В. Иван Грозный // Бахрушин С. В. Науч. тр. М., 1964. Т. 2; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; Скрынников Р. Г. 1) Начало опричнины // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1966. Т. 294; 2) Опричный террор // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1969. Т. 374; 3) Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1968; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М., 1973; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

⁶ Скрынников Р. Г. Самодержавие и опричнина: Некоторые итоги политического развития России в период опричнины // Внутренняя политика царизма: Середина XVI—начало XX в. М., 1967. С. 69.

Грозного, в котором некоторые писатели, кинорежиссеры и ученые-историки «после многих веков наветов и клеветы» разглядели наконец «подлинную фигуру борца „за светлое царство“».

Вполне разделяя пафос осуждения антинаучной идеализации Грозного и кровавых методов утверждения им своей власти, следует заметить, что в пылу полемики исследователь сам допускает предвзятый подход к явлениям. Вслед за В. О. Ключевским С. Б. Веселовский утверждает, что опричнина на деле свелась к истреблению лиц и «подействовала сильнее на нервы и воображение современников, чем на государственный порядок».

Близкой точки зрения на суть опричнины придерживается в наши дни В. Б. Кобрин. Поставив перед собой весьма полезную задачу — «разобраться в накопившейся разногласии и ... определить, в чем же состояли конкретные результаты опричнины в области феодального землевладения», — исследователь приходит к выводу, что традиционные представления о значении политической борьбы внутри феодального класса — между боярством и дворянством — ошибочно преувеличены. В действительности, как полагает В. Б. Кобрин, речь может идти лишь о противоречиях между верхами и низами одной социальной группы, о недовольстве рядовых феодалов привилегированным положением крупных, подобно тому как всегда возникали противоречия между рядовым приходским духовенством и епископатом, офицерством армейским и гвардейским и т. п.

Избранные В. Б. Кобриным аналогии, число которых можно было бы бесконечно увеличить (указать, скажем, на противоречия между купцами 1-й и 2-й гильдии, между унтер-офицерами и солдатами и т. п.), достаточно ясно говорят о том, сколь незначительными по своему социальному содержанию представляются ему причины ожесточенной политической борьбы, сотрясавшей Московское государство во времена Грозного и его опричнины. Борьбу боярства и дворянства в XVI в. В. Б. Кобрин в конечном счете объявляет мифом.⁷ Подобный подход объективно возвращает нас

⁷ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 134—135, 217—218.

к оценке опричнины как «бессмысленной» в принципе, т. е. не имеющей ни серьезных социально-политических корней, ни серьезных социально-политических последствий затее царя-тирана.

В противоположность такому взгляду большая часть советских исследователей считает, что в основе внутриполитической борьбы, разразившейся в эпоху Грозного, лежит значительный социальный конфликт. Разобраться в социальной сущности, в истинных масштабах и исторической значимости этого конфликта — серьезная, хотя и непростая задача.

Почти 50 лет тому назад Г. Н. Бибииков уверенно утверждал: «То, что режим террора был направлен в первую очередь против боярства, представляет собой настолько установившееся мнение, что вряд ли в настоящее время кто-нибудь будет против него возражать».⁸ Обратившись и к более поздним трудам, мы встретимся с тем же толкованием смысла и значения опричнины.

Характеризуя опричнину как «столкновение между могущественной феодальной аристократией и поднимающейся самодержавной монархией», Р. Г. Скрынников замечает: «Конфликт, вообще говоря, обычный». Именно так — конфликт абсолютно «обычный» в том, однако, смысле, что историки, признающие в основе внутренней политики Грозного реальный социальный конфликт, видят его обычно таким: на одной стороне — царь, опирающийся на новое служилое дворянство, на другой — родовитые вельможи — вотчинники и их вассалы.

Между тем количество фактов, не укладывающихся в прокрустово ложе теории «обычного конфликта», весьма внушительно. Это давно уже делало ее уязвимой для критики. «Царь бил не одних бояр и даже не бояр преимущественно», — констатировал В. О. Ключевский. С. Б. Веселовский показал, что политика земельных конфискации также была направлена главным образом не «против старого землевладения... бывших удельных князей». Жертвами земельных конфискации оказывались многочисленные представители

---

⁸ Бибииков Г. Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Тр. Гос. Ист. музея. М., 1941. Вып. 14. Сб. статей по истории СССР XVI—XVII вв. С. 19.

«худородной» служилой массы, интересы которой, согласно классической схеме, Иван Грозный защищал.

Исследование земельных переустройств времен Грозного, проведенное В. Б. Кобриным, подкрепило мнение С. Б. Веселовского о том, что политика земельных конфискации в годы опричнины была направлена в основном не против крупного землевладения.

Нельзя не заметить также, что теория «обычного конфликта» во многом напоминает концепцию С. Ф. Платонова, который видел смысл опричнины именно в борьбе монархии с могущественной феодальной аристократией.

С другой стороны, для теории так называемого обычного конфликта характерно представление о том, что опричнина всего лишь «кратковременный эпизод», который никаких принципиальных изменений в социальную структуру государства не внес, поскольку значительные социальные процессы — усиление феодального гнета, создание условий, предопределивших закрепление крестьян, «совершались подспудно, в глубинах общества». Это сближает указанную теорию со взглядами на опричнину Н. М. Карамзина и В. О. Ключевского.

Нельзя считать правление Ивана Грозного с помощью опричнины примером монархии, ограниченной сословно-представительными учреждениями, на том основании, что в 1566 г. царем был созван Земский собор и что в те времена продолжала существовать Боярская дума.

Земский собор в 1566 г. покорно и единодушно проголосовал за продолжение Ливонской войны, т. е. за решение, которого хотел царь. Но как только некоторые участники собора посмели в форме верноподданнейшей челобитной высказать протест против опричной системы управления, на них обрушились лютые наказания — тюрьма, пытки, урезание языков, смертная казнь четвертованием и другими способами.

Состав Боярской думы за период опричнины сократился в три раза. Большинство ее членов были казнены или пасальственно пострижены в монахи. Полными хозяевами в Думе с начала опричнины и до смерти Грозного стали его опричники. Таким образом, говорить об обезьязыченных земских соборах и об обезглавленной Боярской думе в годы опричнины как об

органах сословного представительства, ограничивающих власть монархии, не приходится. Факты говорят о том, что уже тогда было установлено самодержавие, т. е. «форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю».⁹ Именно так В. И. Ленин определял политическую суть понятия «самодержавие».

Как видим, в историографии начала самодержавия сохраняется немало серьезных противоречий и нерешенных вопросов. В трудах ряда современных исследователей нередко встречаются сетования на «загадочность» и даже на «великую загадочность» опричнины. Между тем большая часть «загадок» и недоумений возникает здесь как прямой результат искусственной, чисто умозрительной схемы этапов развития самодержавия в России. Суть этой схемы такова. Самодержавие установилось лишь в середине XVII в. До этого Россия оставалась сословно-представительной монархией, поскольку существовала и постоянно действовала Боярская дума, для решения важнейших вопросов государственной политики собирались земские соборы. При таком понимании политической действительности того времени опричнину трудно рассматривать иначе, чем аномалию, и притом весьма загадочную. Все дело, однако, в том, какую реальную, а не назывную роль играли органы представительной власти в каждый данный момент их существования.

Абстрагированная от реальности фактов оценка роли и значения тех или иных совещательных органов в самодержавных монархиях привела бы нас к «отмене» самодержавия едва ли не повсюду, где оно в действительности существовало. Например, при Петре I «господа сенат» единодушно приговорили к смерти царского сына. Если не учитывать реальную сущность данной ситуации, ее можно было бы истолковать как пример всеислия правительствующей коллегии, распоряжающейся даже жизнью членов царской семьи. В действительности, как известно, перед нами образец беспрекословного, верноподданнического подчинения «думы» начала XVIII в. «монаршей воле».

Что касается Ивана Грозного, то он вообще не

---

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 252 (см. также: Т. 22. С. 155).

испрашивал совета у своих думцев, как ему поступать со своим двоюродным братом, родным сыном, а тем более с любимым из них самих.

Необходимо подчеркнуть неправомерность встречающихся в историографии попыток приписать В. И. Ленину точку зрения, будто самодержавие в России возникло лишь в XVII в. Такие суждения строятся на формальном истолковании ленинских слов. Говоря о государственном строе России XVII в., Ленин действительно характеризовал его как «самодержавие... с боярской Думой и боярской аристократией»,¹⁰ из чего, однако, вовсе не следует, что предшествующий период представлялся ему чем-то иным, чем самодержавие. Как раз, напротив, Ленин противопоставляет самодержавие XVII в. с Боярской думой и боярской аристократией отнюдь не монархии XVI в., а более поздней абсолютистской монархии XVIII в. В. И. Ленину было хорошо известно, что боярская дума и боярская аристократия характеризовали собой не только самодержавие XVII в., но и самодержавие XVI в., — справедливо подчеркивал в этой связи Н. М. Дружинин.¹¹

Нельзя упускать из виду контекст, в котором читаются цитированные слова В. И. Ленина. Выступая против конституционных иллюзий эсеров, критикуя в этой связи их анализ итогов первой народной революции в России 1905—1907 гг., В. И. Ленин говорит о русском самодержавии лишь как об одном из примеров, подтверждающих высказанное им общее положение («например, русское самодержавие...»). Он требует не смешивать различные формы организации власти господствующего класса, ту «оболочку», в которой эта форма власти выступает на том или ином этапе своего исторического развития, с ее классовым содержанием. Русское самодержавие В. И. Ленин и приводит в качестве примера того, как, несмотря на некоторые изменения «оболочки», т. е. развития самодержавия с Боярской думой и боярской аристократией в сторону абсолютизма, его классовое содержание оставалось неизменным. Именно поэтому и не следует

¹⁰ Там же. Т. 17. С. 346.

¹¹ Дружинин Н. М. О периодизации истории капиталистических отношений в России: (К итогам дискуссии) // Вопр. истории. 1951. № 1. С. 68—69.

отождествлять момент перехода от одного этапа развития самодержавия к другому, в частности от самодержавия с Боярской думой к абсолютизму (в середине XVII в.), с моментом установления самодержавия.

Сегодня, в условиях значительного притока в научный оборот новых фактов неприемлемость прикладного подхода к высказываниям В. И. Ленина о начальных этапах становления самодержавия, при котором «одни и те же... цитаты кочуют из статьи в статью, из книги в книгу»,¹² становится все более очевидной.

Подводя здесь итоги рассмотрению историографии эпохи Ивана Грозного, вернемся к тому, с чего мы его начали. Вспомним слова С. Б. Веселовского, который сравнил необходимый пересмотр установившихся взглядов с построением нового здания на территории, очищенной от прежних домислов и ошибок. Это сравнение справедливо продолжить таким образом: пока «новое здание» строится, современные исследователи, нагруженные багажом новых фактов и наблюдений, размещаются в «старом фонде» выводов и обобщений. Одни в кабинетах Карамзина и Ключевского, другие, в еще большем числе, — у Соловьева и Платонова. Разумеется, интерьеры изменились — на книжных полках много новых книг, на стенах другие портреты, снесены многие перегородки. Но капитальные стены все те же, а из окон видна та самая перспектива, которая открывалась глазам прежних почтенных обитателей этих помещений. Иначе говоря, выводы общего характера в трудах ряда современных исследователей хотя и делаются с иных позиций, во многом сближаются с традиционными суждениями о начале самодержавия в России, принадлежавшими дореволюционным историкам. Объясняется это прежде всего состоянием источниковой базы, на основании которой происходило изучение начального периода истории самодержавия.

Число источников объективных — актового и другого документального материала — долгое время было крайне скудным. В результате источники тенденциозные, порожденные ожесточенной политической борьбой второй половины XVI в., прежде всего публици-

---

¹² Шмидт С. О. В. И. Ленин о государственном строе России XVI—XVIII вв.: (О методике изучения материалов к теме) // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 331.

стические сочинения Грозного и Курбского, а также записки иностранцев — авторов политических памфлетов, изображавших Московское государство в самых мрачных красках, порой явно клеветнически, оказывали на историографию этой эпохи большое влияние.

Историкам прошлых поколений приходилось довольствоваться весьма скудными и путанными сведениями. Это в значительной мере определяло возможность, а порой и создавало необходимость соединять разрозненные факты, сообщаемые источниками, в основном умозрительными связями, выстраивать отдельные факты в причинно-следственные ряды целиком гипотетического характера. В этих условиях и возникал подход к изучаемым проблемам, который можно кратко охарактеризовать как примат концепции над фактом.

Сегодня положение изменилось. Прежние историки не могли себе и представить того Монблана фактов, который выситя теперь перед учеными. В результате трудов многих современных исследователей изучение начальной истории самодержавия приобрело качественно новый характер. Его с полным основанием можно назвать этапом массового притока новых фактов и конкретных наблюдений, многочисленных публикаций и введения в научный оборот новых источников. Назову наиболее значительные из них. Исследования и публикации Д. С. Лихачевым и Я. С. Лурье сочинений Ивана Грозного и его переписки с Курбским; работы А. А. Зимина и В. Б. Кобринина о персональном составе Боярской думы и опричного двора; публикации А. А. Зиминим сочинений Пересветова; исследования и публикации Р. Г. Скрышниковым материалов о ссылке Ярославских и Стародубских князей в начале опричнины, а также списков сиподиков (поминаний казенных); исследования В. И. Буганова о разрядных книгах; опубликование В. И. Корецким указа о созыве Земского собора 1575 г.; исследования и публикации С. О. Шмидтом описей царского архива; исследования Б. М. Клосса о Никоновской летописи и Лицевых сводах XVI в.; исследования и публикации С. Б. Веселовским и С. М. Каштановым актового материала о земельных отношениях в XVI в.

Разысканием новых источников по истории эпохи Ивана Грозного с самого начала своей научно-исследовательской работы занят и автор этих строк.

В результате общих усилий количество фактов, не укладывающихся в традиционные построения, сегодня столь внушительно, что игнорировать их совокупное значение становится невозможным.

Таким образом, к обдумыванию новых концепций начальной истории самодержавия современного исследователя приводит не простое отрицание прежних взглядов только за то, что они «прежние», — такого рода отрицание уже не раз доказало свою бесплодность, — а требования, возникающие в связи с новым уровнем источниковой базы.

Глава 1

ЭКСПЕДИЦИЯ В НЕДРА СТАРИННЫХ ШКАФОВ

Спор о важнейших проблемах начальной истории самодержавия, как заметил Р. Г. Скрышников, может быть разрешен только с помощью новых фактов. «Но как трудно найти их, — сетует ученый, — когда идешь по пути, проторенному многочисленными предшественниками!».¹ Что верно, то верно. Поиски нового в любом деле требуют нового подхода. Разыскание новых исторических источников о событиях далекого прошлого — задача в современных условиях исключительно трудная.

У всех на слуху оптимистическое восклицание: «Рукописи не горят!». Оно вполне справедливо, если иметь в виду переносное значение этих слов: человеческая мысль, передовые идеи — не умирают. Произведения, их воплощающие, люди хранят, переписывают, спасают от уничтожения врагами передовой мысли, обскурантами, реакционерами, передают следующим поколениям. Но у рукописей как у таковых есть куда более страшный враг, чем инквизиторы и обскуранты всех времен и направлений. Имя ему — невежество, культурная бесчувственность. Рукописи отцов то и дело просто «за ненадобностью» жгут или пускают по ветру наследники. Рукописи «бывших жильцов» опять-таки «за ненадобностью» уничтожают новые владельцы домов и квартир, а также всякого рода администраторы. Наконец, во многих местных музеях и даже в библиотеках, куда порой свозят рукописи со всей округи, их «хранят» до полного уничтожения в каких-нибудь сырых подвалах или на протекающих чердаках.

---

¹ Скрышников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 108.

Горят рукописи и в пожарах. Особенно во времена войн и вражеских нашествий.

Именно поэтому каждая находка, открытие неизвестного исторического памятника, проливающего дополнительный свет на прошлые времена, имеет огромное, порой неопенимое историко-культурное значение, меняет иногда установившиеся научные взгляды и представления.

Значительные находки и даже большие открытия в области исторических материалов возможны, и они происходят. Некоторые из них могут показаться случайными. Однако и к ним абсолютно приложимы слова выдающегося французского ученого Ланжевена: «В науке бывают случайные открытия, но они достаются тому, кто этого заслуживает». И в самом деле, выявление новых исторических источников, ценных для науки памятников культуры требует больших знаний и большого труда, порой подлинного научного подвига.

Вспомним здесь в первую очередь ленинградского ученого В. И. Малышева, исходившего в поисках древних рукописей едва ли не весь северный Поморский край. Благодаря его неутомимым многолетним трудам в Пушкинском доме в Ленинграде образовалось большое собрание древнерусских рукописей, относящихся к различным периодам истории допетровской Руси. Деятельность другого известного собирателя рукописей — Н. Н. Покровского и его учеников справедливо называют археографическим открытием Сибири. Их походы по отдаленным старообрядческим скитам также принесли богатый научный «улов».

К сожалению, однако, запасы неучтенных рукописей истощаются. Современные археографические экспедиции шарят буквально по законам. Новые, неизвестные ранее науке исторические памятники и литературные произведения становятся в прямом смысле этих слов редкими ископаемыми.

Ввиду этого особо важное значение приобретают археографические экспедиции иного рода — «экспедиции» внутрь старинных шкафов, внутрь, казалось бы, давно известных фондов, внутрь отдельных рукописных книг, так или иначе описанных в каталогах.

Речь идет о раскрытии новых сущностей и значений в предметах вроде бы известных. Кстати сказать,

именно такими открытиями главным образом и двигается наука. Обнаружение какого-либо вовсе нового элемента — дело, как известно, редчайшее. Зато выявление новых свойств и качеств в вещах известных, например атомной энергии в ядре клеток определенных веществ или целебных свойств в обыкновенном одуванчике, — столбовая дорога научного поиска.

Если применить этот общенаучный метод к систематическому, целенаправленному поиску новых исторических источников, возможности открытий, в том числе и весьма значительных, в составе даже хорошо известных собраний рукописей окажутся весьма большими, если не сказать, безграничными. Увидеть новое в том или ином историческом памятнике современному ученому помогает научное видение, опирающееся на достижения всей предшествующей исследовательской деятельности.

В процессе научного описания одного из богатейших собраний Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, имеющего в соответствии с прежним местом его хранения — Эрмитажным, мною были обнаружены весьма ценные исторические документы.²

Эрмитажное собрание рукописей принадлежало Екатерине II. Царица усердно коллекционировала русские рукописные книги, так как писала многотомную историю России с древнейших времен. При этом державный историк силилась доказать, что лучшими в истории России всегда были те времена, когда на великом княжестве, а позднее на царском престоле находились женщины или когда они оказывали решающее влияние на политику своих мужей — великих князей или царей.

Когда граф А. И. Мусин-Пушкин преподнес императрице каллиграфически написанный список с приобретенной им рукописи «Слова о полку Игореве», она начертала на этой копии «Слова», сохранившейся в Эрмитажном собрании, резолюцию, в которой требовала «сыскать» родословные супруг тех князей, которые упомянуты в «Слове». Никаких других эмоций великое произведение у нее не вызвало.

² Результаты этой работы см. в кн.: Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. / Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968.

Историей Екатерина занималась между делом, чаще всего при «волосочесании», в то время как искусные парикмахеры — «куафёры» колдовали падее прической, или же во время болезней, когда, например, у нее, как она писала, «вышла рожа на роже».

Исторические концепции царицы не имеют научного значения. Тем не менее ее интерес к истории дал весьма полезный для исторической науки побочный результат. В течение тридцати лет собирала она древние рукописи. И, поскольку собирателем была императрица, ее собрание рукописных книг наперебой старались пополнять ценными рукописями губернаторы, митрополиты и коллекционеры. Так, например, уже упомянутый Мусин-Пушкин неоднократно дарил царице рукописи, а также постоянно обменивался ими с ней. В результате у Екатерины в Эрмитаже образовалась богатейшая коллекция древнерусских рукописей. В ее составе знаменитый «Изборник» 1076 г. — древнейшая книга для чтения, «Судебник» Ивана Грозного, больше шестидесяти летописей разных веков, написанных в различных русских княжествах, среди них уникальный по своей полноте «Московский летописный свод» 1480 г.

... Однажды я раскрыл шкаф, в котором хранятся рукописи Эрмитажного собрания, и взял с полки для описания в каталоге очередную рукопись. Я нес к своему рабочему месту этот тяжелый фолиант, так же мало догадываясь о том, что держу на руках нечто совершенно исключительное, как, например, кормилица, держащая на руках младенца, не догадывается, что из него вырастет Пушкин или Бетховен. Не испытал я особого потрясения и после того, как раскрыл эту изрядно толстую, более двух тысяч листов, исписанных мелкой, но четкой скорописью XVII в., рукопись и прочел заголовок: «Книга разрядная великих князей и государей царей московских и всеа Руси».

В такие книги в XVI и XVII вв. записывали назначения на службу воевод, командовавших полками русского войска, и другие военные, а также административные назначения. Разрядных книг в наших фондах немало, в одном только Эрмитажном собрании их не меньше двадцати. Разрядные книги много раз исследовались историками, все, что было в них сколько-

нибудь интересного для истории, давно изучено. Беда, правда, состояла в том, что «интересного» в каждой из них оказывалось порой даже слишком много, зато достоверного — куда меньше.

Как известно, в древние времена служилых людей на Руси, начиная от князей и кончая рядовыми дворянами, назначали на должность в строгом соответствии с прежними службами их отцов, дедов и прадедов, высчитывая эти прежние службы, как говорится, до десятого колена. Единственным «справочником», на основании которого можно было «старинные службы» отцов и дедов подтвердить, были книги, куда они записывались, т. е. разрядные книги. У многих представителей дворянских родов возникало, естественно, искушение завести свою собственную, «домашнюю» разрядную книгу и записывать в нее вымышленные задним числом высокие назначения своих предков. При этом выдумывали не только должности, которые те в действительности никогда не получали, но и целые походы, которых никогда не бывало, сражения, которые вовсе не происходили, и прочее, и прочее.

В одной из разрядных книг, принадлежащих Государственному Историческому музею, читаем такую запись: «... списана сия книга с Мелентьевской книги Клементьевича Квашнина, а Мелентьева книга — Фоминская книга Ивановича Квашнина, не зело справчива, много затеек написано. Писал затейки много Фома Иванович Квашнин, чего в государевых разрядах и не бывало, своими прилоги, для своего Квашниных роду. А где его затейки писаны и тут исправлено под теми статьяи, что он неправдою писал своею затейкою».

Разобраться в этом потоке сочинительства, порой весьма хитроумно смешанного с правдой, искажающего подлинную картину событий, невозможно. Вот почему историки всегда стремились разыскать среди множества малодостоверных, так называемых частных разрядных книг официальную, государственную разрядную книгу, которую вели в государевом, т. е. царском Разрядном приказе, или, как бы мы сказали сейчас, в военном министерстве. Официальная разрядная книга, свободная от частного сочинительства, отражающая подлинную картину военной истории Московской Руси, была бы ценнейшим историческим источником.

Усилиями историков нескольких поколений были обнаружены следы Официальной разрядной книги — ее краткие списки, отдельные фрагменты из нее. Однако обнаружить ее в полном и подлинном виде не удалось.

И вот у меня в руках список одной из разрядных книг. Как и все прочие рукописи Эрмитажного собрания, она была не однажды описана в прежних описях, однако внимания к себе не привлекала.

Сегодня можно считать вполне доказанным и общепризнанным, что эта рукопись (Эрмитажная № 390) и есть Официальная разрядная книга. Именно эту книгу составляли и вели в Разрядном приказе Ивана Грозного и продолжали в царствование Годунова. Теперь нельзя себе представить работу по истории той эпохи, не опирающуюся на богатейшие сведения Официальной разрядной книги. И неудивительно. В руках ученых оказался несравненный по богатству сведений источник для изучения истории Московского государства более чем за столетний период. При этом источник предельно надежный. В отличие от летописей того же XVI в., отразивших острейшую политическую борьбу, происходившую в царствование Грозного, и соответственно заполненных тенденциозными рассказами, Официальная разрядная книга — источник деловой и документально-объективный.

Более того, специальные исследования показали, что авторы и составители летописных рассказов, в том числе и сам царь Иван Васильевич Грозный, держали перед собой записи Официальной разрядной книги, используя ее материалы как документальную основу своих повествований.

Заглянем и мы в эту замечательную рукопись и хотя бы кратко познакомимся с ее содержанием. Но сначала необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что по ходу дальнейшего повествования мне представляется целесообразным цитировать особо интересные и яркие отрывки из древнерусских исторических документов и литературных произведений в их подлинном звучании, без перевода на современный язык. Читатель сможет воочию убедиться, насколько близок древнерусский язык языку нашего времени, как мало потребуются разъяснений каких-либо отдельных неясных мест. Он ощутит поэтическую прелесть древ-

него языка, его яркую образность, услышит живую речь исторических деятелей, подлинный голос самой истории. Поступить именно таким образом кажется мне весьма своевременным и полезным, поскольку с помощью нашей весьма обширной исторической беллетристики может сложиться совершенно искаженное представление о древнерусском языке. Трудно назвать современное художественное произведение на историческую тему, автор которого, не мудрствуя лукаво и со знанием дела, дал бы возможность своим героям говорить на обычном — современном или умело стилизованном — языке. Вместо этого зачастую идут по пути выдумывания какого-то немислимого древнерусского сленга, языка, на котором никто никогда не разговаривал.

Языковое мифотворчество принимает иногда прямо-таки пародийные формы. Чем больше язык исторического лица, полагает иной сочинитель, будет отличаться от языка наших дней, чем больше в нем будет «обращаться неудобь понимаемых слов» (оборот из словаря XVI в.), тем убедительнее он будет выглядеть для читателя как язык прошлых времен.

Подобным образом рассуждал, как известно, герой рассказа К. М. Станюковича «Максимка» — добрейшей души русский матрос Иван Лучкин. Взяв на себя заботу о спасенном в океане негритепке, он думал, что тот начнет понимать русские слова, если их произносить неправильно, например, не «рубаха», а «рубях».

Видимо, подобным приципом руководствовался, например, автор одного из романов о Куликовской битве, герои которого говорят так: «пяхает в шею», «кáко тáко?», «глазама и ушама». При этом они изъясняются исключительно высоким «штилем»: «испроговори слово» вместо «скажи», «отпрянь» вместо «отойди», «в сей рок» вместо «сейчас», «возградить церковь» вместо «поставить». Между тем во всей древнерусской литературе церкви просто «ставят» и никто ничего не «испроговаривает».

В качестве источника «удревнения» текста нередко используются обороты церковно-книжного языка. Между тем употребление в живой речи церковнославянизмов с давних времен было признаком некультурной речи, результатом вскогого влияния ограниченного

круга чтения (Псалтырь, Часослов, Катехизис). Активную позицию в длительной борьбе между живым народным языком и неживым церковно-книжным занимал В. И. Даль — автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка».

Есть в языковом сочинительстве и противоположная тенденция. Некоторые авторы безбожно модернизируют речи своих исторических героев, создавая перлы вроде таких: «Боярин держал в запачке...», «Борис Годунов дежурил», «Малюта Скуратов вышел из кабинета».

Надежный путь воссоздания колорита языка прошлого начертан в произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова и других русских классиков, а также в трудах замечательных русских историков — Карамзина, Соловьева, Костомарова, Ключевского, поднимавшихся в своем описании исторической жизни до уровня высокой литературы. Все они писали на языке своего времени, а колорит языка описываемой эпохи создавали за счет бережного сохранения интонационного строя, музыкальной прелести исторического языка.

Теперь, после этого небольшого предупреждения, мы можем обратиться к содержанию и подлинным текстам Разрядной книги московских государей...

Кому не знакомы с детства строки пушкинской «Сказки о Золотом петушке», в которых говорится о тревогах царя Додона:

Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга — глядь, —
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря.

Обстановка, обрисованная этими словами, отнюдь не сказочная. Пушкин гениально передал мотивы народных преданий, порожденных многими десятилетиями тревожной действительности. Такова была жизнь молодого Русского государства, сложившегося к началу XVI в. вокруг Москвы.

В непрерывной борьбе приходилось народу отстаивать свое единство и независимость, государственность и культуру. Не было мирных годов, не было месяца без сражений, не было дня без угрозы нападения, не было часа, когда бы не ездил вдоль всей бескрайней «украинной полосы» сторожевые заставы, когда бы не стояли «на годовании» (т. е. посменно по году) в опорных пунктах полки первой очереди. И со всех концов и днем и ночью «пригоняли» в Москву гонцы с тревожными вестями.

«Многочисленная рать» и в самом деле не смогла бы обеспечить безопасности страны и столицы, если бы не «золотой петушок», своевременно извещавший о нападении врагов, — служба разведки и оповещения.

«Ждут, бывало, с юга» — и действительно, дьяки Разрядного приказа записывают: «Крымский хан с царевичи и со всеми мурзы идет на русские украины». «Ан с востока лезет рать» — и снова в Разрядный приказ пришла весть: «Казанские и астраханские ханы перелезли через Оку и идут к Москве». «Справят здесь, — лихие гости идут от моря» — это «свидские немцы» (шведы) «на многих кораблях подошли под Орешек».

То литовские, то польские паны «пошли на русские грады». А вот и «ливонские немцы в Псковской земле государевых людей побили», позабыв уроки, преподанные их предкам Александром Невским.

Так изо дня в день, из года в год, из века в век. По всем этим вестям собираются войска, создается походный запас, снаряжается «пушечный наряд», назначаются воеводы и головы. В целях выяснения замыслов врагов изучаются данные о положении на его территории. Например, сообщение о грабеже русских купцов в Казани — свидетельство о готовящемся новом нападении татар на Русь. Вести о малейших изменениях на границе доставляют в Москву «вестовщики», передавая их по заранее подготовленным маршрутам эстафетным порядком. Полученные сообщения незамедлительно рассматриваются царем и Боярской думой. Интересно, что Разрядная книга за сто лет зафиксировала всего один случай, когда дума признала ошибочным сообщение пограничной стражи. В 1570 г. поступило известие о готовящемся наступлении на Русь крымского хана. Но и в тот раз ошиблась не разведка, а не

поверившая ее предупреждению Боярская дума. В этом году именно с указанного направления начался знаменитый набег Девлет-Гирея, закончившийся сожжением Москвы.

Разрядная книга дает лаконичное, но яркое описание этого события: «... и крымский царь посады на Москве зажег, и от того огня грех ради наших оба города выгорели, не осталось ни единые храмины, а горела всего три часа. А затхнулся в городе боярин Иван Дмитриевич Бельской, а был он ранен, да боярин Михайло Иванович Воронова (сын) Волынской и дворян много и народу безчисленно. А затхнулся от пожарного зною. И царь крымской пошел от Москвы в субботу... А государь был и царевич в ту пору в Ростове. И прииде государь к Москве, и видя ту великую беду, излил многие слезы и повеле град прятати (хоронить, убирать разрушения. — Д. А.) и мертвых людей...». Так бывало редко. Обычно русские воины давали врагам решительный отпор. Сохранился великолепный, поэтически звучащий отклик на обстановку непрерывной боевой обороны русской земли. В «Казанской истории», написанной в честь взятия войсками Ивана Грозного Казани, читаем: «Воеводы же московские, где убо ощутивше варвар, и на кою украину пришедших и тако там собравшихся, прогоняху их и, как мышей, даваху и побиваху. То бо есть от века... дело варварское и ремество — кормиться войною».³

Из Официальной разрядной книги мы впервые узнаем и о том, как в Московской Руси награждались за одержанные победы воины и военачальники. Сначала присланный от царя боярин говорил: «Государь царь и великий князь велел вам поклониться и велел вас о здоровье спросить». Затем следовали награды. Многих награждали монетами различного достоинства — «золотой притугальский» (португальский), «золотой корабленный» (т. е. с изображением кораблика), «золотой московский» и другими. Размер награды зависел не столько от конкретных боевых заслуг, сколько от служебного положения данного лица — «по человеку смотря». Награды вручались непосредственно в военном стане, возле шатра самого царя или присланного

³ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 176.

от царя боярина. Кроме того, составлялась «роспись, что дать боярам и воеводам и головам государева жалования за службу». Главнoначальствующим в походе воеводам давали за победу высшую награду — «из большие казны по шубе да по кубку». Именно такая шуба и называлась — «с царского плеча». Другим в зависимости от служилого достоинства давались шубы ценой в 100, 60, 50, 35, 20 и 15 рублей, серебряные кубки, ковши, чарки.

В Разрядной книге находим и редкую запись, которая, надо полагать, не прошла бы мимо внимания пушкинистов, изучающих родословную поэта, если бы они заинтересовались этим материалом: «Григорию Григорьевичу сыну Сулейше Пушкицу — шуба 20 рублей, да чарка 2 гривенки, да ему ж пять рублей за рану».

Торжества награждений да и царские пиры в честь тех или иных побед нередко омрачались ожесточенными местническими распрями. Картина печально знаменитого местничества и решительная борьба против него Ивана Грозного впервые предстает перед нами в таком полном виде на страницах Разрядной книги.

«Поруха государеву делу» от местничества была огромной. Тяжелые поражения, затянувшиеся осады городов, задержка снабжения войск — все это зачастую являлось прямым следствием местнических неурядиц. Правительство и царь вынуждены были без конца копаться в родословных, руководствоваться ими при назначениях и разбирать местнические споры. Для разбора этих дел во время походов при войске находился специальный дьяк «у челобитных». В ряде случаев из Москвы приходилось запрашивать родословные справки.

Иван Грозный ограничивал местничество в законодательном порядке и сурово наказывал злостных «местников». Многие документы местнических дел передают живой язык их авторов. То и дело раздаются грозные окрики царя Ивана Васильевича против заместничавшихся военачальников, вроде таких: «местничаешься бездельем!», «то князь Захарей плутует!», «чтоб впредь не врал!», «и он бы впредь не дуровал!». На непокорных сыпались наказания: «Бить батоги и списки (вверенного ему полка. — Д. А.) отдать!», — приказывал царь, и родовитого боярина секли специальными тонкими палками — батогами. Бывало и более

страшное наказание: «Будет поруха государеву делу, и ему от государя быть казнену смертью!». Разрядная книга зарегистрировала даже факт ссылки в Сибирь не пожелавшего подчиниться ни кнуту, ни тюрьме упрямого местника князя Петра Барятинского. Похоже, что перед нами имя первого ссылнопоселенца Сибири.

После смерти Грозного в расчете на мягкость царя Федора Ивановича бояре и воеводы открыли энергичную местническую кампанию. Ни один разряд не проходил без самых настоящих восводских «стачек». Однако эти расчеты не оправдались. Царь Федор, вернее его именем Борис Годунов, быстро дал почувствовать распоясавшимся местникам достаточно твердую руку. Отказывающихся «брать списки» князей тотчас сажали в тюрьму и держали, пока не одумаются. В царствование Бориса строгости еще больше усилились. Князя Федора Романова (отца будущего царя Михаила, основателя династии Романовых) царь Борис приказал сковать и вывезти к месту службы на телеге.

Дело доходило до смешного. Так, например, знаменитый воевода Петр Басманов и князь Михаил Капин, получив адресованную обоим царскую грамоту и не желая ехать один к другому, назначили друг другу свидание на улице, так сказать на нейтральной территории, для совместного слушания царского указа.

Следует заметить, что герои всех таких споров тяжело переживали несправедливые, по их мнению, назначения. Тот же воевода Петр Басманов буквально накануне своего перехода на сторону Лжедмитрия, прочитав указ о новом назначении, «патчи на стол, плакал, с час лежа на столе». Как знать, возможно, несправедливость именно этого назначения и вызвала его переход со службы царю Борису к самозванцу.

Неменьшую ценность для изучения эпохи Ивана Грозного и его опричнины имеет и другая находка. Речь идет о рукописи № 542 того же Эрмитажного собрания Государственной Публичной библиотеки. Она также числилась в описях, составленных в XVIII и XIX вв., но внимания исследователей опричнины не привлекла. И можно понять почему.

Науковедение пользуется термином «парадигма». Он обозначает установившееся в науке по тому или иному вопросу мнение, принимаемое как неизменяемое. Как известно, наука движется вперед путем преодоле-

ния своих парадигм. Однако происходит это преодоление не скоро и, как правило, небезболезненно. Для примера достаточно напомнить парадигму о том, что Солнце вращается вокруг Земли. Этот вывод Птолемея держался веками и не только потому, что был взят под защиту инквизицией, а прежде всего потому, что вращение Солнца вокруг Земли «очевидно» любому и каждому.

Для исследователей эпохи Грозного такой парадигмой было убеждение, что опричнина была отменена в 1572 г., поскольку ни в разрядных книгах, ни в других официальных документах слово «опричнина» после 1572 г. будто бы не встречается. Данное убеждение и помешало тем, кто заносил рукопись в инвентари и описи, а также и тем, кто эти инвентари и описи просматривал в поисках материала об опричнине, заподозрить в огромном списке служилых людей Ивана Грозного список опричников. В заголовке документа, который она содержит, читаем: «Лета 7081 (1573) марта в 20 день государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пометил боярам, и околничим, и дьяком, и приказным людям свое жалование по окладу».

Исследование рукописи показало, что обнаруженный документ — не что иное, как список опричников двора Ивана Грозного. Употребляя современное выражение, его можно назвать «ведомостью зарплаты», выдаваемой им в очередной раз на 1573 г.

Значение названного исторического источника для истории Руси XVI в. невозможно переоценить. Он документально подтверждает вывод, обоснованный также и многими другими данными, о том, что опричнина вовсе не была «отменена» через семь лет после ее основания как учреждение «бессмысленное» и неоправдавшее себя, а, напротив, продолжала существовать и выполнять свои функции аппарата власти самодержавия на начальном этапе его становления. Кроме того, благодаря этому документу мы впервые узнали поименно персональный состав ближайшего окружения Ивана Грозного.

На примере Официальной разрядной книги и списка опричников можно видеть, как с помощью всего двух рукописей высвечивается целый пласт исторической жизни из эпохи, вроде бы хорошо всем знакомой, а

в действительности знакомой лишь весьма приблизительно. Мифы, легенды, загадки и тайны уступают место сведениям, полученным из документальных источников, реальным представлениям о людях и событиях далекого прошлого.

Была также введена в научный оборот неизвестная ранее древнерусская повесть XVI в. про царя Ивана Васильевича и купца Харитопа Белоулина. Автор повести, очевидец московских казней 1570 г., сообщает много реальных деталей происходивших тогда событий. Повесть в самый разгар опричного террора восхваляет человека «из простого всенародства» — богатыря телом и духом, посмевшего открыто укорять царя в пролитии невинной крови.

В заключение этого краткого обзора исторических материалов, обнаруженных в свое время автором и использованных в этой книге, следует указать на то, что они на сегодняшний день уже не новые. В научный оборот они введены достаточно давно и сейчас невозможно найти такого исследования, посвященного эпохе начала самодержавия, которое бы их не учитывало.

Глава 2

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЦАРЬ

Двадцать один год прошел с тех пор, как из тысячи пятисот представленных ему знатных девиц великий князь Московский Василий III выбрал себе в жены красавицу Соломонию, дочь бояр Сабуровых. Выбор оказался неудачным: Василий старел, а наследника не было. «Кому править по мне во всех городах моих и пределах?» — эта мысль посещала его все чаще и чаще.

В 1526 г. Василий развелся с женой. Соломония была пострижена в монахини. Доверенный боярин великого князя — Иван Шигона отвез ее в суздальский монастырь. Через несколько месяцев, в январе, Василий собрался жениться на дочери выходца из Литвы князя Михаила Глинского — Елене.

По Москве поползли темные слухи. Уверяли, будто несправедливо обездоленная Соломония в дальнем суздальском монастыре родила сына, пророчили Василию Ивановичу недобрую жизнь с литовской княжной, еще до свадьбы начавшей над государем волю свою проявлять и заставившей его бороду состричь, так что он «в одних усах» ходил.

Но Василий был спокоен. Он ждал от предстоящего брака лишь одного — наследника. Мысль о сыне не покидала его нигде — ни за столом, ни в Боярской думе, ни в церкви.

Потянулись дни, месяцы, год, другой... Наследника все не было. Василий с княгиней странствовал пепком на молитву в дальние монастыри, воздвигал одну церковь за другой, раздавал деньги нищим.

Лишь через три с лишним года после свадьбы стало известно, что великая княгиня ждет ребенка. «Наследник или дочь?» — в этих сомнениях проли томительные для Василия месяцы 1530 года.

Вечером 24 августа стемнело быстро. Небо над Москвой заволокло грозными тучами. Улицы рано опустели. К полуночи дома и сады погрузились в непроглядную тьму. Наступившая тишина нарушалась лишь легким шелестом листьев. Вдруг, сразу, ветер, словно сметая тишину, завыл, засвистел, загремел ставнями, захлопал калитками, заскрипел вековыми стволами. Сверкнула молния, на миг расщепив темноту, и раздался удар грома небывалой силы. Началась гроза. Огненные сабли во всех направлениях рассекали тьму. Одни исчезали в вышине, другие вонзались в землю, в дома. Вот в долгих раскатах громового удара родился новый звук — назойливый и монотонный. Били в набат. Москва засветилась в нескольких концах. Люди тушили пожары, а ветер раздувал пламя. Неожиданно, сами собой, зазвонили колокола Спасского собора. С колокольни одной из церквей сорвался и упал на землю большой колокол. Все это были страшные приметы. Ожидали, что в эту ночь случится большая беда. Жители в страхе дожили до рассвета...

Так рассказывали потом о событиях в ночь с 24 на 25 августа 1530 г.

Этой ночью у великого князя Московского и всея Руси Василия Ивановича родился сын. Несколькоми днями позже дали ему имя — Иван.

Великий князь Василий III умер, когда его сыну было три года. После смерти матери, великой княгини Елены, Иван, которому исполнилось тогда восемь лет, остался круглым сиротой. Страной управляла Боярская дума. Реальная власть переходила от одной боярской клики к другой. В результате многолетних кровавых распрей верх одержали родичи покойной великой княгини — Глинские. Дядя юного великого князя Михаил Глинский и его бабка княгиня Анна сумели подготовить политический акт большой государственной важности. 16 января 1547 г. великий князь Московский и всея Руси был торжественно увенчан титулом царя. Первым русским царем стал шестнадцатилетний Иван IV.

После венчания Ивана на царство Глинские захватили неограниченную власть в стране и тотчас же принялись беззастенчиво грабить государственную казну, облагать горожан и крестьян новыми непосильными налогами, «чинить насильство и грабеж».

Появление на Руси царя опередило установление царского строя. В систему власти, которую позднее стали так называть, русскому централизованному государству еще только предстояло организовать.

Акт венчания великого князя на царство не положил конца боярскому правлению. С ним покончило восстание 1547 г.

Много лет спустя один из первых, если не первый историк этих событий — царь Иван обвинит бояр в том, что именно они «напустили» народ на него и на его родственников Глинских. В действительности восстание носило ярко выраженный антибоярский характер. Вслед за выступлением жителей столицы произошли крупные волнения в провинции. Восстания вспыхнули в те годы в таких городах: Гороховце, Опочке, Пскове, Устюге Великом. Небывалое по своему размаху и организованности восстание смертельно перепугало феодалов всех степеней, заставило их искать пути консолидации своих сил, пути дальнейшего укрепления централизованной власти.

Источники не позволяют нам восстановить подробности политических обстоятельств, при которых в конце 40-х гг. сложилось правительство, перенявшее руководство страной у Боярской думы, точнее, у последней из попеременно хозяйничавших в думе боярских группировок. Но мы знаем ту политическую фигуру, которая сыграла ключевую роль в формировании новой правящей группы. Этой фигурой был митрополит Макарий. Мудрый и спокойный политик, находившийся в окружении царя до и после бурных событий 1547 г., глава церкви — могущественного политического механизма, издавна поддерживавшего объединение Руси вокруг Москвы, — Макарий был сторонником укрепления единой державы. Он вел решительную борьбу против светских «синклитов», т. е. бояр, пытающихся «восхитить» власть великого князя, а потом и царя.

Само собой разумеется при этом, что консерватизм и церковный догматизм Макария постоянно оказывали сдерживающее, ограничивающее влияние на проведение реформ, вызванных к жизни самой социальной и политической обстановкой.

При участии Макария в окружении молодого царя оказались те лица, которым суждено было в глазах современников и потомства символизировать новое

правительство, так называемую Избранную раду. Речь идет в первую очередь об А. Ф. Адашеве и Сильвестре.

Бесспорно, что своим высоким положением и авторитетом Адашев, Сильвестр и другие приближенные ко двору лица были отчасти обязаны доверию и поддержке со стороны царя, а также митрополита. Но нельзя упускать из вида, что авторитет царя еще только складывался. Даже сам царский титул должен был еще войти в сознание, стать привычным для современников. Что же касается авторитета личности молодого царя, то его, скорее всего, не было. Его самостоятельные действия мало способствовали признанию значения его личности. Иначе говоря, авторитет как царского титула, так и самой личности царя предстояло еще создать. Это стало одной из важнейших политических задач времени. Без ее решения акт венчания на царство потерял бы смысл. И неизвестно, кто в ком больше нуждался — Адашев в авторитете царя или царь в Адашеве.

Когда Адашев «действует государевым словом», выступая в качестве выразителя воли самодержавной власти, он укрепляет ее авторитет. Когда Адашев от имени царя «приказывает казначеям», сам формулирует государев приговор (как бы мы сказали сейчас, резолюцию царя) на своем докладе о холопях отпущенных, когда «приказывает» выдачу жалованных грамот, возглавляет розыск по изменным делам крупнейших бояр, ведет дипломатические переговоры от имени царя, фактически контролирует деятельность всех приказов (министерств), проверяя результаты «розыска» по поступившим в Челобитенный приказ челобитным, контролирует воевод, проводивших казанскую политику, он укрепляет авторитет государя.

С именем А. Ф. Адашева связаны реформы 1540—1550-х гг. С его именем историки справедливо связывают и успехи внешней политики Русского государства в середине XVI в.

То, что Адашев правил от имени царя, приказывал «государевым словом», не умаляет его главенствующей роли в делах государственного управления, а лишь указывает на тот известный факт, что Адашев не был царем. «Государевым словом» в монархических государствах во все века действовали даже самые могущественные диктаторы.

Одной из главных забот правительства, пришедшего к власти после восстания 1547 г., было создание впечатления о решительной демократизации правления. Наиболее ярким шагом в эту сторону было создание Челобитенного приказа — символического моста между царем и народом, на котором любой человек чуть ли не из рук в руки сможет передать самому царю свое прошение или жалобу. А если все-таки не из рук в руки, то через вполне надежного человека, потому что во главе Челобитенного приказа поставлен не «ленивый» и хищный «богатыня»-вельможа и не мздоимец-дьяк, а человек, известный своим бескорыстием, праведной жизнью, своей близостью к простым, сырым и болезненным людишкам, к тому же «ангелоподобный» кротостью нрава и даже внешним обликом. Если бы такого человека не существовало, его в тот момент, как говорится, следовало бы выдумать. Но, по счастью, выдумывать нового «Алексея — человека божьего» необходимости не было. Такой Алексей реально существовал и был хорошо известен московскому люду.

Адашев по своим воззрениям был совершенно очевидным выразителем интересов служилых людей — широких масс дворянства, основной социальной опоры и вооруженной силы централизованного государства. Дворянство ожидало и решительно требовало немедленного удовлетворения своих чаяний.

Неоднократные вооруженные антиправительственные выступления служилых людей, опасная поддержка местными дворянами мятежей своих удельных князей против центрального правительства, солидарность некоторых отрядов служилых людей с восставшим в 1547 г. «черным людом», более всего напугавшая феодальные верхи, наконец, самая настоятельная необходимость поднять боеспособность дворянского войска — все это делало проблемы, связанные с положением дворянства, неотложными, а их решение — самой насущной задачей государства. Это также было источником силы и авторитета Адашева, обуславливало известное понимание его деятельности со стороны аристократической Боярской думы и обеспечивало ее участие в реформах 50-х гг. В сложившейся ситуации не только Адашев был необходимым сотрудником царя, но и царь был сознательным и активным сотрудником Адашева.

Нельзя отказать в доверии безыскусному, дышащему неподдельной искренностью и неподдельной достоверностью рассказу Пискаревского летописца начала XVII в. об Алексее Адашеве: «А как он был во времена, в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе. А кому откажет, тот в другорядь не бей челом; а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою (с неодобрением. — Д. А.), тот больши того не бей челом: то бысть в тюрьме или сослану. Да в ту же пору был поп Сильвестр и правил Рускую землю с ним за один и сидели вместе в ызбе у Благовещения, где ныне полое место между палат».

Итак, Адашев «правил русскую землю» вместе со священником Сильвестром — утверждает источник, совершенно независимый от писаний Грозного и Курбского, утверждающих то же самое.

Новорожденная монархия в лице Ивана Грозного имела к вопросу о характере царской власти свое отношение. Она тяготела к единовластию, к созданию и укреплению монархической системы правления, не ограниченной ни в какой форме, ни в какой степени и ни с чьей стороны. Однако для того чтобы стать реальностью, единовластие нуждалось не только в формальном его провозглашении, не только в намерении самого монарха быть самодержцем и даже не просто в поддержке тех или иных влиятельных социальных слоев. Как и всякое государство, оно нуждалось в организованной политической силе — в собственных вооруженных отрядах и в аппарате власти.

Восхождение Ивана Грозного к единовластию было долгим и трудным. Оно прошло через различные этапы, каждый из которых был необходимой ступенью этого восхождения. Даже собственная система взглядов царя приобрела законченный вид лишь в начале 60-х гг. Точнее, в эти годы она была впервые с предельной четкостью сформулирована.

До венчания на царство, в годы боярского правления, мальчик, а затем юноша великий князь московский был «пленником» боярской олигархии, правившей страной.

Несмотря на ранние проявления своего властного характера, молодой великий князь оставался

брудием в руках то одной, то другой боярской клики. Он мог проявлять «свою» власть лишь в тех пределах, которые ему порой предоставляла ожесточенная борьба между враждующими группировками феодальной знати. В этих случаях он мог выступать против одной из них при поддержке другой. Трудно сказать, как долго пришлось бы Ивану IV оставаться «боярским» царем и как развивалась бы дальше история его царствования, если бы не июньское восстание 1547 г.

Народное восстание было для юного царя огромным потрясением. Чуть ли не вчера отзвучали торжественные славословия и молитвенное пение, сопровождавшие его венчание на царство, гудели праздничные колокола, виделось сияние бесчисленных свечей. Только вчера при его появлении восторженная толпа подданных падала на колени и склонялась в земном поклоне. Разноцветный ковер из людских спин устилал землю внутри Кремля, всю Красную площадь, прилегающие улицы. . . И вдруг внезапно все так страшно переменялось. Вместо «свещного огня» — «огнь пожарный», вместо курения фимиама — удушливый дым пожара, в пламени вся Москва. Вместо торжественного перезвона — неумолкающий гул набата. Вместо коленопреклоненных, переполненных верноподданническим экстазом покорных людей — разъяренные толпы вооруженных горожан. Они собрались на вече, они требуют выдачи им на расправу бывших правителей во главе с царскими родственниками. Они врываются в церковь, выволакивают и побивают камнями родного дядю царя. Они движутся к царским палатам, требуя выдачи других царских родственников. В грозном реве толпы можно различить и царское имя. Явственно слышатся голоса, призывающие убить царя, который заодно со своими боярами и родственниками, грабившими народ и будто бы поджегшими Москву. Защитить царя и его семью от ярости восставших некому. Вчерашние всемогущие правители — бояре разбежались. Призывов митрополита и других священников не слушают. Своего надежного войска у царя нет. Некоторые отряды провинциальных служилых людей, находившиеся в Москве, перешли на сторону восставших. . .

Царь с семьей и небольшой охраной бежит из столицы в подмосковное село Воробьево. По призыву

городского палача, оказавшегося во главе восставших, мятежные толпы движутся вслед за царем «и со щиты и с сулицы, яко к боеви обычаи имаху». Царь был отчаянно перепуган, «узрев множество людей, удивися и ужасеся». Пережитый в тот момент страх не забывался еще много лет. «От сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирися дух мой», — признал он через несколько лет на Стоглавом соборе.

«От сего» времени молодому царю должно было стать вполне ясно, что высокий его титул сам по себе не дает ни силы, ни защиты и что звание «самодержец» не более, чем пустой звук, если носитель этого державного титула не имеет надежной опоры, не обладает реальной силой. Тогда, в 1547 г., ни достаточно прочной опоры, ни силы у царя не было.

Волна народного гнева, остановившаяся буквально у порога царской резиденции в Воробьеве, смыла с политической авансцены правившую боярскую группировку. Восстание деморализовало и ослабило власть всемогущей до того феодальной аристократии. Сохранившийся на местах созданный в годы ее власти аппарат, хищнически кормившийся за счет населения, был безнадежно скомпрометирован.

Объективным результатом этого было освобождение царя из-под тяжелой опеки прежних боярских правителей. В его окружение смогли выдвинуться новые люди, выступавшие от лица «всей земли», выражавшие интересы служилого дворянства и верхушки городского посада, с требованиями которых феодальной аристократии приходилось все больше считаться. Образовалось правительство, в которое вошли представители наиболее дальновидных кругов как боярства, так и дворянства и представители духовной иерархии. При этом, однако, следует подчеркнуть одно важное обстоятельство: компромисс, на котором было основано новое правление, имел не две стороны (о них постоянно идет речь в историографии: феодальная аристократия — с одной, и служебное дворянство — с другой), а три. Царь Иван также был участником компромисса в качестве одной из его сторон. На этом этапе царь выпущен был отказаться от претензий на неограниченную власть и удовольствоваться, как он сам позднее писал, «честью председания» сложившегося вокруг него совета.

Дух умиротворения и консолидации витал поначалу над этим общефеодальным союзом. В «Степенной книге» рассказывается о всеобщем — царя, вельмож, простого народа — покаянии: «Все же люди умилишася и на покаяние уклонишася от главы и до ногу, яко же сам благочестивый царь, тако и вельможи его и до простых людей вси сокрушенным сердцем... первая (прежние. — Д. А.) греховная дела возненавидевше и вся тщахуся и обещавахуся богу угодная дела сотворити, елика кому возможно».

Выражая общие настроения, царь и митрополит Макарий собирали соборы примирения, участники которых, в первую очередь царь и бояре, каялись в своих прежних «преступках». Цель всех этих усилий царь сформулировал в таком словосочетании: «смирить всех в любовь». Разумеется, ни царственный оратор, ни его слушатели не предвидели тогда зловещую символику того факта, что речи о любви, справедливости и добре произносились с высоты будущего Лобного места.

Представление о форме централизации, т. е. о форме объединения разрозненных ранее уделов в единое целое, неизбежно связывалось у людей феодальной эпохи с заменой многих местных владык одним властителем — монархом, в данном случае царем. Однако мировой исторический опыт, зафиксированный в Библии и в книгах Нового завета, в летописях и хронографах, с достаточной ясностью показывал, что цари могут быть разными — «хорошими», т. е. способными ввести «суд и правду» в своих землях, или «плохими» — неспособными это сделать и, напротив, готовыми «своим небрежением» принести гибель стране и «людям».

Поэтому борьба за установление единодержавия, которую от имени «всей земли» вели Адашев и Сильвестр, необходимым образом сочеталась с борьбой за «хорошего царя», включала множество форм воспитания царя, различные способы удержания его в «узде».

«Воспитание» царя в духе определенной этики поведения и взаимоотношений со своими «мудрыми советниками» было одной из форм ограничения монаршей воли, хотя отнюдь не самой существенной. Действительное ограничение провозглашенного в 1547 г. единодержавия естественным образом выросло из самого факта политического компромисса, внутри которого оно

вынуждено было делиться властью с другими политическими силами. Но в еще большей степени ограничение самодержавия вытекало из той системы управления государством, которую практически выстраивало правительство компромисса.

Когда мы говорим, что великокняжеская, а затем царская власть опирается на класс феодалов, это в общем виде верно. Однако это общее положение всегда имеет конкретную форму. В тот конкретно-исторический момент три основные прослойки феодалов — крупные светские землевладельцы, церковь и служилая масса — находились в серьезном противоречии друг с другом.

Феодальная аристократия, из которой выросла великокняжеская власть, по мере укрепления этой власти превращалась объективным ходом вещей в силу, оппозиционную, а то и враждебную по отношению к ней. Великокняжеская и тем более молодая царская власть стремилась от такой опоры отказаться и опереться на массу служилого дворянства, а также на верхи городского посада. В то время, о котором идет речь, самодержавию еще только предстояло организовать дворянство в качестве опоры своей власти. Для этого, как мы знаем, предстояло немало сделать.

Власть московского царя держалась тогда на основаниях скорее «духовных», чем материальных: на традиции подчинения подданных великокняжеской власти (хотя, как показало восстание 1547 г., традиция эта была недостаточно надежной гарантией спокойствия), на поддержке со стороны церкви, но главным образом на щедро выданных после восстания обещаниях.

Одним из этих обещаний и было «покаяние» царя и «всех людей», т. е. обязательство не допускать впредь прежнего произвола и грабежа со стороны власть имущих, провести большую программу реформ, отвечающих в основном требованиям служилой массы и верхушки городского посада. Для того чтобы укрепиться, а быть может, даже для того чтобы вообще удержаться, царская власть должна была, и по возможности быстро, по этим векселям уплатить. С этой точки зрения царь самим ходом вещей оказывался заинтересованным участником проведения программы реформ, создания общегосударственного законодатель-

ства, упорядочения «истязания» (взимания) всякого рода налогов и даней.

Для достижения важнейшей цели — увеличения и укрепления дворянского войска нужен был фонд выдачи «оклада» каждому дворянину, т. е. земля. В силу этой необходимости, а также в интересах укрепления своего авторитета главы государства царь Иван становится активным участником выработки внешнеполитической линии, направленной на расширение государства. Речь прежде всего идет о завоевании Казанского ханства.

Укрепление социальной базы государства, проведение значительных реформ, оздоровление и обновление аппарата управления, ведение активной внешней политики — все это естественно и неизбежно требовало исполнителей, способных взять на себя решение столь значительных задач. Круг людей, выдвинувшихся после потрясений 1547 г. к руководству государством, был в тот момент для молодого царя, беспомощного в бурном потоке событий, поистине спасательным кругом, за который он вынужден был держаться до тех самых пор, пока не почувствовал под ногами достаточно твердую почву. Тогда он этот «круг» оттолкнул. Но до этого в 1547—1548 гг. было еще далеко.

Позднее царь будет всячески чернить своих бывших соратников. Эти поздние его высказывания явно противоречат известной нам фактической картине тесного многолетнего сотрудничества его с «собакой» Адашевым и «невежей» Сильвестром, которые, как верно сказал Курбский, «утверждали царя». Утверждали не только объективно, своей политикой, но и глубоко и всесторонне продуманной системой его возвеличения и в своих посланиях, и в проповедях, и в летописи, и в поощряемой ими публицистической литературе. Вполне понятно, что в ответ они ждали от него поведения, не мешавшего созданию светлого образа благочестивого царя, старались держать его в руках. Общими усилиями Макария, Адашева, Сильвестра и горячо любимой царем жены Анастасии им это удавалось. Царь Иван держал себя вполне пристойно, не только перестал «человеков уропяти», но и оставил жестокие развлечения юности вроде швыряния с высоких теремов собак и кошек. Он стал образцовым христианином, ездил в далекие монастыри замаливать

даже малые грехи «непотребного слова малого ради». Он нес этот крест безропотно, потому что понимал абсолютную необходимость такого поведения, без которого формальному авторитету его высокого титула невозможно было наполниться реальным авторитетом его личности. Словом, вести себя иначе ему, с одной стороны, было поздно, так как он уже вырос из возраста безответственного юнца, а с другой — рано, так как он еще не достиг той безграничной власти, которая позволит ему в будущем обращаться со своими подданными так, как ему заблагорассудится.

С годами создаваемый общими усилиями авторитет царя подымался как на дрожжах. В первую очередь этому способствовали огромные внутри- и внешнеполитические достижения его правительства. Можно думать, что его самолюбие было всем этим не в малой степени удовлетворено. Вместе с тем влияние молодого царя на дела управления было, по-видимому, весьма ограниченным, с его мнением не всегда считались.

Трудно сказать, с самого ли начала испытывал Иван IV ненависть к своим советникам, вызванную вынужденным подчинением и смиренiem, которая позднее то и дело выплескивалась из него по любому поводу, или она созрела в нем постепенно. Так или иначе, его согласие с Адашевым и Сильвестром в течение многих лет стойко выдерживало весьма тяжелые испытания.

Для того чтобы представить себе царя в конце 40—50-х гг. не в качестве невольника своих же холопов, каким он себя потом изобразил, а в качестве «единомысленника» и «согласника» входивших в его правительство деятелей, необходимо ясно отличать Ивана IV конца 40—50-х гг. от царя Ивана Грозного 60-х и следующих годов его царствования. По многим пунктам своих воззрений, по крайней мере выраженных и зафиксированных, — это разные политические деятели.

Представить себе Ивана IV конца 40-х или даже середины 50-х гг. в качестве автора сочинения, подобного первому письму к Курбскому, так же трудно, как трудно представить себе Ивана Грозного в 1565 м или, скажем, в 1575 г. произносящим без иронии или откровенного фарса речи вроде тех, с которыми он выступал в 1549 г.

Иван Грозный, разумеется, изначально «сидел» где-то внутри Ивана IV, но то ли был глубоко укрыт в нем, то ли медленно и постепенно вызревал. Так или иначе процесс превращения Ивана IV в Ивана Грозного происходил в период правления Адашева и Сильвестра и с их помощью. Процесс формирования творца опричнины шел рука об руку с вызреванием тех социальных и политических предпосылок, которые привели к ее созданию.

Глава 3

ГОДЫ БОЛЬШИХ РЕФОРМ

Высказывание К. Д. Кавелина об опричнине («учреждение, оклеветанное современниками и непонятное потомству»), пожалуй, в еще большей степени применимо к Избранной раде. И в самом деле, трудно найти другой исторический пример, когда бы правительство страны, замыслившее и во многом осуществившее столько необходимых преобразований, подверглось бы столь ожесточенным нападкам современников, а затем и вторящих им историков. Многие исследователи вообще в той или иной форме отрицают существование политического института, который заслуживал бы самостоятельного наименования, предложенного для него Курбским, — Избранная рада.

В литературе об Избранной раде сложилась своеобразная историографическая ситуация. Обычно историки сетуют на противоречивый характер источников, мешающий изучению эпохи Грозного. В данном случае источники, которым «полагалось бы» противоречить друг другу ввиду крайнего расхождения во взглядах и непримиримой враждебности их авторов — Грозного и Курбского, выступают единодушно. Противоречия (которых в источниках на этот раз нет) историки вносят сами.

Утверждение о всевластии Адашева, Сильвестра и их сторонников первым высказал царь. Оно содержится в его ответе Курбскому 1564 г. Не кто иной, как Грозный, говорит о «злбесном совете», который «вся строения и утверждения по своей воле и своих советников творяще». Неоднократно подчеркивая всеилие этого совета, утверждая, что его вожди вышли в государстве «на первый чин», Грозный при этом никогда не отождествляет его со своим официальным, лучше сказать

традиционным, «синклитом», т. е. с Боярской думой или даже с Ближней думой.

Единодушные свидетельства Грозного и Курбского о большом политическом и государственном значении правления Сильвестра, Адашева и их сторонников на определенном этапе истории царствования Ивана IV объясняется тем, что в их полемике противостояли друг другу не сами факты прошлого, а их истолкование. Каждый из полемистов выстраивал свою концепцию «добра» и «зла». Грозный доказывал, что всеисилие тогдашних правителей было злом для государства, узурпацией власти царя и что, следовательно, изгнание их было благом. Курбский живописал время правления Избранной рады как золотой век, сменившийся тиранией царя Ивана, разогнавшего и погубившего своих добрых и мудрых советников.

Присмотримся внимательно к тому, что пишет об Избранной раде Курбский. В его изображении Адашев и Сильвестр «собирают к нему (царю. — Д. А.) советников, мужей разумных и свершенных в военных и земских вещах ко всему искусных, и еще ему их приязнь и дружбу усвоят, яко без их совету ничессоже устроить или мыслити».

Надо признать, что объективные результаты, достигнутые с помощью этих искусных, по мнению Курбского, и дурных, по мнению Грозного, советников в конце 40—50-х гг., явно говорят в их пользу.

Далее у Курбского читаем: «И к тому воевод искусных храбрых мужей супротив врагов избирают, и стратилатские чины устрояют, яко над ездными, так и над пешими; и аще кто явится мужественным в битвах и окровавит руку в крови врагии, сего дарованьми почитано, яко движными вещами, так и недвижимыми. Некоторые же от них искуснейшие, того ради и на высшие степени возводились». Здесь Курбский ставит в заслугу «мудрым советникам» Ивана IV 50-х гг. не что иное, как выполнение ими одного из важнейших пунктов программы публициста Ивана Пересветова, с которой последний в 1549 г., более чем за двадцать лет до написания Курбским своей «Истории», обращался к тем, кому тогда еще предстояло строить новое, сильное Русское государство: «Который воинник лют будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру христианскую стояти,

ино таковым воинником имена возвышати, и сердца им веселити, и жалованья им из казны своя государевы прибавливати; и иным воинником сердца возвращати, и к себе их близко припущати».

Можно выстроить немало предположений о том, почему Курбский в конце 70-х гг. заговорил «не своим голосом», почему он восхваляет дворянских реформаторов. Одно из них высказал известный исследователь истории этого периода С. О. Шмидт: время Пересветова, Адашева, Сильвестра по сравнению с временами опричного террора, с временами Малюты Скуратова, Басмановых, Грязновых, а затем и всех прочих опричных подручников царя Ивана казалось Курбскому золотым веком.

Кроме того, выступление в защиту Избранной рады и одновременно в защиту бояр и воевод было более выгодной позицией в полемике с Грозным, чем, скажем, защита узкокастовых интересов одной лишь аристократии. В последнем случае Курбский не мог бы рассчитывать на одобрение ни русского служилого люда, ни польской шляхты, т. е. тех, кто мог стать реальной силой в борьбе против самовластия московского царя. Факт тот, что он выступает здесь не как «идеолог боярства» (хотя и был им и выступал именно в этом качестве в своей первой «епистолии»), а от «всей земли», т. е. от имени всего класса феодалов.

Характеристика, данная Курбским правительству конца 40—50-х гг., в основном соответствует действительности. У Курбского нет причин исказить в данном пункте прошлое. Этого нельзя сказать об Иване Грозном, имевшем веские причины, для того чтобы вымазать дегтем своих бывших соратников. Царю нужно было оправдать тот крутой поворот, который он совершил в начале 60-х гг. от политики Избранной рады к политике опричнины.

Отсюда следует, что для выработки объективного взгляда на деятельность правительства конца 40—50-х гг. необходимо освободить изучение Избранной рады от влияния ее первого историка — царя Ивана Грозного.

Первое, что надлежит сделать в этом направлении — выяснить, правомерно ли царь отнес Курбского к числу лиц, определявших политику государства в конце 40-х и в 50-х гг.

Изучавший этот вопрос И. И. Смирнов пишет: «Действительно, то, что сохранилось о деятельности Курбского в источниках, скорее говорит о нем как о видном военачальнике-воеводе, чем как об одном из политических руководителей государства».

Данных о том, что в период «всевластия» Адашева и Сильвестра Курбский входил в число их друзей, соратников или хотя бы сторонников, что он участвовал в подготовке и проведении реформ конца 40—50-х гг. или хотя бы брался в те годы за перо публициста, с тем чтобы поддержать благие дела, которые стал воспевать после гибели Адашева и Сильвестра, не существует. Курбский не фигурирует ни среди «ближних» царя, ни в «кружках» Сильвестра и Адашева. Не замечен он источниками ни в каких течениях и борениях внутри Боярской думы, в которую вошел в 1556 г. Он не утратил доверия царя после падения Избранной рады и удаления Адашева и Сильвестра в 1560 г. Нет его среди бояр, выбывших в 1560—1564 гг. из Боярской думы по обвинению в единомыслии с Адашевым и Сильвестром. В 1560 г., когда происходил собор, осудивший Адашева и Сильвестра, знаменитый и заслуженный воевода, боярин князь Курбский ни в какой форме не возвысил голоса в их защиту. Страстный протест против их заглазного осуждения он выразил полтора десятилетия спустя в своих публицистических сочинениях.

Заметим, что сам Курбский ни разу не включает себя в число тех высших советников, которые окружали царя. Он говорит о них как бы со стороны — «онье». При этом он достаточно точно указывает и свое место в иерархии «нарочитых» и «искусных» мужей старого доброго времени. В его третьем письме Ивану Грозному есть примечательный в этом смысле текст. Курбский говорит о том, что «случилось» теперь с царем в результате «гнусных» действий «всегубителя» дьявола: «Вместо избранных и преподобных мужей, правду ти глаголящих не стыдяся, — прескверных паразитов и маньяков поднес тебе, вместо крепких стратигов и стратилатов — прегнуснодейных и богомерзских Бельских с товарищи и вместо храброго воинства — кроmeshников, или опришников».

Курбский, как видно из многих мест его писем и сочинений, числит себя во второй группе указанных

чинов, окружавших царя, а именно среди «крепких стратигов и стратилатов», которым предпочли нынешних «воеводишек». Мы знаем, что Курбский не стеснялся напоминать о своих заслугах. Но говорит он всегда лишь о своих воинских трудах и подвигах. Словом, в «избранном совете», в «мудрейшей раде», среди «избранных и преподобных мужей» Курбский себя не видит. Все это определенно наводит на мысль, что рьяным «согласником» Адашева и Сильвестра князь стал задним числом, когда он — бывший боярин — сам оказался таким же опальным, как бывшие худородные временщики.

Неосновательное причисление Курбского к Избранной раде способствовало созданию искаженного представления о ней. Оно повлекло за собой выводы о ее пробоярской ориентации.

Оба полемиста — Иван Грозный и Курбский надеются «совет», о котором у них идет речь, — Избранную раду функциями ~~директории фактического правитель~~ства. Поэтому точнее всего, на наш взгляд, ~~Избранную раду правительством и называть. Это тем более верно, что в отличие от органа совещательного и законодательного — Боярской думы Избранная рада была органом, который осуществлял непосредственную исполнительную власть, формировал новый приказный аппарат и руководил этим аппаратом.~~

✓ Царь входил в правительство, фактически управлявшее страной в конце 40—50-х гг., и был удостоен в нем «честью председания» (по его утверждениям, лишь номинального). Он участвовал в его работе вместе со своими «друзьями и сотрудниками» Сильвестром и Адашевым. Это важнейшее обстоятельство придавало Избранной раде характер управляющей инстанции.

На реформах фактического правительства здесь следует остановиться, для того чтобы лучше представить себе, на смену какому направлению развития складывавшегося в тот период русского централизованного государства пришло самодержавие. Без этого невозможно оценить «градус» того политического поворота, которым было введение царской опричнины, и, следовательно, масштаб самой опричнины как социально-политического явления, как решительного поворотного момента в истории страны.

Формула — «выражали интересы (или чаяния) широкой дворянской массы и верхушки городского посада» — стала популярным общим определением той социально-политической позиции, которую отстаивали Адашев и Сильвестр.

Те, что выступают от имени «обделенных» — в данном случае от лица служилой массы и верхов посада против традиционных верхов — «вельмож», «богатых» и «брюхатых», по сути выступают от имени всего народа, всего государства. Злоупотребления высшей касты касаются действительно всего и вся. Поэтому борьба, которую ведут «нижние» эксплуататоры с «верхними», и в самом деле имеет поддержку низов, охотно выступающих против высших, «главных» эксплуататоров.

Объективным выражением общих интересов этого «союза коня и всадника» является неизменное требование таких деятелей, как Адашев и Сильвестр, заменить правопорядок древний, децентрализующий новым правопорядком — централизующим, требование создать государство на единой правовой основе. Именно эту тенденцию и выражает на все лады повторяемый призыв, обращенный к царю, — ввести «закон и правду».

Начиная с 1549 г. правительство обрушивает на прежний удельно-феодальный порядок, царивший в стране, целую лавину новых установлений.

✓ Первой по времени реформой нового правительства был приговор от 28 февраля 1549 г. «Во всех городах Московския земли наместником детей боярских не судити ни в чем, оприч душегубства и татьбы и разбой с поличным». Сразу же «во вся города детем боярским» были посланы соответствующие «жаловальные грамоты».

Эту реформу многие историки считают исключительно продворянской — началом постепенного оформления сословных привилегий дворянства. Однако дело здесь, на наш взгляд, обстоит сложнее. Нельзя не учитывать, что служилые люди на местах были даным приговором освобождены от наместнического суда по всякого рода мелким делам, но для них сохранялась подсудность наместникам по наиболее серьезным делам — татьба, убийство и разбой. Мера вполне понятная, если учесть, что именно служилые люди, годами

не получавшие жалованья, неустроенные земельно (серьезные улучшения их положения были еще впереди), составляли шайки вооруженных грабителей, нападали на вотчины богатых феодалов и «торговых мужиков», терроризировали население грабежами и разбоями. Прекратить хозяйничание по уездам и волостям отрядов вооруженных разбойничьих шаек из провинциальных дворян было в момент становления централизованного государства первоочередной мерой, реально облегчавшей положение всех категорий населения, защищавшей жизнь и имущество как богатых, так и «всех христиан».

Если так посмотреть на приговор от 28 февраля 1549 г., то новым смыслом наполнится свидетельство И. С. Пересветова о «хороших порядках», якобы введенных в своей стране мудрым философом Магметом-салтаном: «А воишников своих велел судити с великою грозю смертною казнию...»; «...а станется татьба в войске или разбой, или что иное... ино на такая лихия люди, тати и разбойники, обыск царев живет накрепко...»; «...а который десяткою утаит лихово человека во своем десятку, ино десятник тот с лихим человеком казнен будет смертною казнию для того, чтобы лиха не множилося...».

Как видим, друг и защитник воишников И. Пересветов расхваливает жесточайшие меры против татей и разбойников из их числа. Нет причин полагать, что этот мотив присутствует у него случайно. Другое дело, что мера, подчеркивавшая неослабность действия прежней карательной системы в отношении служилых людей, подавалась в духе времени в качестве льготы и особой милости.

✓ Одним из первых решений правительства, которое ~~была вынуждена утвердить Боярская дума, явился указ о местничестве 1549 г. Вскоре, в 1550 г. он был дополнен более подробным указом.~~

В Официальной разрядной книге московских государей находим уникальную по своей полноте и достоверности картину местнических споров и приговоров XVI в. Благодаря этому мы можем составить себе представление о тех реальных последствиях, которые имели указы 1549—1550 гг. Произошло явное «огосударствление» местничества. Назначение на службу стало государственной обязанностью. Неисполнение ее

влекло наказание, иногда очень суровое. Арбитром в решении местнического спора стал глава государства, который для подготовки своего решения мог создать думскую комиссию. Служебное начало при назначении на должность было поставлено выше родового.

Укрепление нового государства (монархии) требовало решительной замены хищнического аппарата власти на местах, сложившегося при боярском правлении. В порядок дня встало создание аппарата чиновников государства,¹ деятельность которых исключала бы злоупотребления в отношении казны и произвол в отношении подданных со стороны практически бесконтрольных наместников.

В Служебнике второй половины XVI в. сохранилась молитва, которая рекомендовалась как образец покаяния для дурных наместников. В ней явно присутствуют элементы столь принятого при Грозном сатирического разоблачения «сильных» и «брюхатых» хищников и мздоимцев: «Съгреших пред богом и по бозе пред государем пред великим князем — русским царем. Заповеданная мне им нигде же его слова права не сотворих, но и все преступих и солгах и не исправих. Волости и грады держак от государя и суд не право, по мзде и по посулу. Праваго в вени доспех, а виноватого правым доспех. А государю суд неправо сказах — все по мзде и по посулу. Невинных на казнь и на смерть выдах, а все по мзде и по посулу. Ох мне, грешному! О горе мне, грешному! Како мене земля не пожрет за моя окаянные грехи преступившему заповид божию и закон, и суд божей, и от государя своего заповеданное слово. И богатства насильством, и кривым судом, и неправдою стяжах и преобретох. Отче, прости мя — съгреших, аще буду и свою челядь насильством и неправдою казних и наготою, и гладом, и босотою озлобих. . . И в том, отче, прости мя согреших и сотворих в сля, или в лихом ядении, или во пьянстве врагом зле прельщаем, падая в блюд и во прелюбодейство, и в клятвы во свады, и во игры злыи во свары, и во преступления клятвы. . .».

✓ Наиболее эффективной формой создания исполнительного аппарата явилось избрание на местах самими подданными чиновников для несения государственных,

¹ Слово «чиновник» уже употреблялось в XVI в.

«казенных» функций. Выбранные в городах и волостях целовальники и старосты становились «чиноначальными» людьми государства. Выборность и сменяемость этих лиц ставила их деятельность в пользу государства и контролируемую государством также и под контроль подданных.

Создавая таким способом широкую, разветвленную систему служащих ей чиновников, центральная власть избавляла себя от недовольства подданных за их злоупотребления.

Реформы, проводимые в этой области, больше, чем что-либо другое, помогали создать впечатление, что власть является защитником интересов «всей земли», что царь и его советники устанавливают «суд и правду» для всех, «кто ни буди».

Но дело, разумеется, не только в тех или иных впечатлениях и представлениях. Система выборности местных властей, реально сокращавшая масштаб злоупотреблений и произвола, реально увеличивавшая доходы казны и реально улучшавшая правопорядок, была решительным шагом в направлении ликвидации пережитков удельно-феодальной эпохи. Замена многочисленных наместников и кормленщиков — местных «царьков» прямыми связями между государством и его населением через органы местного самоуправления превращала жителей бывших уделов в подданных государства, подчиненных его законам.

Требование всеобщего подчинения единому закону оборачивалось требованиями к самому закону. Законность как установление против произвола не имела бы никакого смысла, если бы в ее установлении царил произвол. Тем самым система реформ, предпринятых фактическим правительством в конце 40-х и в 50-х гг., по самой своей сути была изначально связана с идеей ограничения царской власти «мудрым советом» — той или иной формой представительства, выражающим в отличие от кастовой Боярской думы преимущественно интересы служилой массы и верхов посада.

Важнейшие законодательные меры фактического правительства, охватывающие предельно широкий круг вопросов общественного устройства, — новый Судебник 1550 г. и учреждение повсеместно выборных земских властей — были связаны между собой неразрывно. «В древней России управление и суд всегда шли рука

об руку», — замечает известный исследователь русского права Ф. М. Дмитриев.² Земское устройство явилось условием для проведения в жизнь судебной реформы, как бы второй ее стороной. Следует обратить внимание на то, что сами суды по существу становились сословно-представительными учреждениями при назначенном государством наместнике. Тем самым суд становился прообразом взаимоотношений государственной власти в целом с выборными от сословий. Логическим завершением этой системы явилось бы создание (конституирование) сословно-представительного учреждения от «всей земли» также и при верховной власти. До решения о создании постоянных верховных сословно-представительных учреждений дело не дошло. Это, однако, не умаляет того факта, что введение «праведного», т. е. справедливого, суда, контролируемого «лучшими людьми» из данного сословия на местах, было шагом в направлении создания сословно-представительной государственной системы.

Судебник 1550 г. в категорической форме требовал участия «судных мужей» — присяжных заседателей — при каждом судебном разбирательстве, проводимом судьей, назначенным государством, — наместником или его подчиненным.

Судебник ставил наместников под прямой и жесткий контроль со стороны местных земских властей — городских приказчиков как представителей уездного дворянства, а также дворских старост и целовальников как представителей посадских людей и крестьян. Именно все эти лица выступают в статье как защитники интересов местного населения.!

Выборным от сословий вменялось, в частности, в обязанность следить, чтобы представители властей не брали «посулы» — взятки от одной из тяжущихся сторон. В целях исключения произвола наместников в истолковании характера судебного спора и приговора суда в Судебнике в качестве обязательного требования выставлялось протоколирование заселения в двух экземплярах, один из которых оставался у выборных присяжных «спору для».

² Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях // Соч. М., 1859. С. 7.

«Судные мужи» — выборные представители в наместничьем суде существовали уже и в XV в. Однако их участие в суде предоставлялось великим князем как пожалование, как привилегия. Ни всеобщего характера, ни серьезного значения прежние «судные мужи» не имели.

Глубина и значение судебных реформ фактического правительства конца 40—50-х гг. могут быть справедливо оценены при рассмотрении их в сравнительно-историческом плане. При таком подходе выясняется, что эти судебные установления своей последовательностью оказались выше всех попыток реформировать судебную систему в течение трех-последующих столетий, попыток, предпринимавшихся, в частности, при Петре I и при Екатерине II. Судебную реформу 50-х гг. XVI в. можно назвать предшественницей судебной реформы 1864 г. Сопоставление этих двух столь отдаленных во времени реформ вполне основательно. Реформа 60-х гг. XIX в. появилась после падения крепостного права и не могла появиться раньше, чем оно пало. Реформа 50-х гг. XVI в. появилась до установления крепостничества, исключаяющего судебную правовую систему, при котором присяжные, избираемые крестьянами, играли бы столь значительную роль в судопроизводстве.

В обоих случаях предпринятая сверху демократизация правосудия пришла в решительное противоречие с самодержавным строем. Многие наиболее значительные судебные реформы 60-х гг. XIX в. были постепенно, но все же довольно скоро взяты царизмом назад. И в XVI в., как только самодержавие в 60-х гг. обрело свою сущность, стало самим собой не только по названию, а уже и по сути, земский строй и судебная реформа были обречены на гибель.

Естественно, что приравнивать ситуацию и судебные реформы середины XVI в. к ситуации и реформам 60-х гг. XIX в. так же неправомерно, как, скажем, сравнивать зародыш с развившейся из него взрослой особью. Однако столь же неправомерно было бы оценивать значение зародыша для дальнейшего развития особи лишь по его малому размеру. При всей неразвитости судебных установлений фактического правительства середины XVI в., неразработанности их с точки зрения юридической мысли нового времени, в сравне-

нии, в частности, с судебной реформой XIX в., несмотря на сохранение в них таких пережитков средневекового права, как «поле» (т. е. поединок) в качестве судебного доказательства, необходимо все же признать их исключительно высокий уровень. «XVI столетие, столь замечательное в политическом отношении, составляет также эпоху и в истории русского права», — справедливо замечает Ф. М. Дмитриев.³ Не одно десятилетие понадобилось окрепшей самодержавной власти, чтобы отобрать у своих подданных тот «праведный суд», ту «правду», которые она дала им, когда еще только становилась на ноги.]

Проведение земской реформы. введение единого законодательства не могло быть осуществлено при сохранении прежней системы феодальных иммунитетов, системы исключительных прав тех или иных светских и церковных феодалов, освобождавшей их от подчинения общим нормам закона, прежде всего от уплаты налогов. Поэтому статья 47 Судебника, утвержденная на Стоглавом соборе, сформулирована весьма энергично: «Тарханных (т. е. освобождений от налогов. — Д. А.) вперед не давать никому, а старые тарханные грамоты поимати у всех».

Вокруг вопроса о тарханах и до и после Стоглавого собора происходила острая борьба. Однако сторонникам сохранения своих иммунитетных прав удавалось добиваться лишь самых незначительных послаблений общей политики государства, направленной на уничтожение феодального иммунитета.

Сущность земельной политики фактического правительства состояла в ограничении посягательств церковного и монастырского землевладения на земли светских феодалов, в том числе и детей боярских, т. е. служилого дворянства. Законодательство стремилось охранить от экспансии церковных феодалов также земли крестьянства.

Как и в ряде других важнейших направлений правительственной деятельности, переход к самодержавию и опричнине приведет к разрыву с политикой фактического правительства конца 40—50-х гг. и в сфере земельных отношений, к ликвидации политического компромисса, учитывавшего интересы крестьянства и

³ Указ. соч. С. 5.

посадских людей, в пользу которых после восстаний 1547—1549 гг. феодалам пришлось временно поступиться и своими «правами» на эксплуатацию.

Высшим проявлением политического компромисса феодальных верхов с верхами крестьянского и торгово-промышленного городского населения можно считать такой факт: феодалное государство пошло на то, чтобы отдать свою власть на местах на откуп «лучшим людям» волостей и городов. В 1555—1556 гг. в соответствии с указом об отмене кормлений отмена наместничьего управления и замена его выборной администрацией происходит по всей стране.

Исследователи заметили, что в районах вотчинно-поместного землевладения власть оказалась в руках дворянских выборных руководителей — губных старост. Это справедливо рассматривается как признак консолидации класса феодалов в борьбе за дальнейшее усиление эксплуатации крестьянства, за подчинение крестьянства власти дворян-помещиков. В этом смысле укрепление авторитета и силы губных старост на местах имело антинародный, антидемократический характер. Необходимо, однако, посмотреть на факт передачи власти на местах выборным от дворян и под другим углом. Со стороны центральной власти это был шаг в направлении отчуждения доли своей власти в пользу выборного дворянского самоуправления. Позднее самодержавие превратит губных старост в проводников своей опричной земельной политики на местах. Во второй половине XVII в., в пору окончательного укрепления абсолютизма, выборные губные старосты будут подчинены назначенным Москвой городским воеводам. Тем самым будет ликвидирован последний элемент самоуправления, даже самоуправления дворянского. В рассматриваемый момент дворянское самоуправление было только еще учреждено и набирало силу. В дворцовых и вотчинных землях оно сосуществовало с органами крестьянского земского самоуправления, постепенно подчиняя их себе. В землях черносошных, где не было помещиков, не было и губных старост. Там самоуправление, вернее, всю местную власть передали выборным «от простого всенародства». Выборное самоуправление вводилось и для городских посадов, за исключением таких городов, как Москва, Новгород, Псков, Казань и пограничных

городов-крепостей, где сохранились наместники-воеводы. Эти исключения указывают на тот предел, дальше которого правительство не решилось пойти в предоставлении городам выборного управления. Власть в руках своего наместника, т. е. безраздельно в своих руках, государство оставляло на форпостах пограничной обороны, в незамиреном только что завоеванном крае (Казань) и в столице. Кроме того, воеводское управление сохранялось в Новгороде и Пскове, исконные вольности которых традиционно внушали Москве серьезные опасения.

Развитие северных областей в годы правления фактического правительства представляет собой поразительную картину роста ремесла, торговли, мощного промыслового предпринимательства. Богатеи в Поморье — что подтверждено документально, — по, видимо, и во всей стране «купили» у феодального государства широкую судебную-административную автономию.

Историк Н. Е. Носов отметил, что первые торговые переговоры с Англией от имени Московского государства вели именно «торговые мужики» — двинские богатеи Фофан Макаров и Михаил Косицын. Именно они вместе с вологжанцем Осипом Непеем первыми отправились в качестве русских «гостей» в Англию в 1556 г. Эта внешнеполитическая акция целиком находилась в русле торгово-промышленной политики фактического правительства. Глава правительства Избранной рады А. Ф. Адашев обращал особое внимание на северные промышленные волости — Тотму, Двину, Пермь. Он всячески защищал интересы зажиточных — торгово-промышленное население. Политику укрепления торгово-промышленных верхов энергично поддерживал Сильвестр — выходец из среды зажиточных посадских людей Новгорода.

Надо сказать, что характер реформ меняется в зависимости от времени их появления. Реформы, а тем более проекты реформ, принятые в годы, близкие к 1547-му, носят значительно более демократический характер, отражают интересы действительно «всей земли». В середине 50-х гг. правительство проводит целый комплекс реформ, направленных на «огосударствление» взаимоотношений между классом феодалов и центральной властью. Важнейшими из них являются приговоры о кормлениях и о службе.

Эти факты убедительно подтверждают мысль В. И. Ленина о том, что «классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований».⁴

Кроме приговора о кормлениях правительство принимает в 1556 г. ряд других важнейших указов, регулирующих служебные обязанности землевладельцев. Устанавливается единая норма военной службы с земельных владений. В целях практического исполнения приговора о службе летом 1556 г. был проведен всеобщий смотр дворянского ополчения. Все феодалы-землевладельцы независимо от размера своих владений становились служилыми людьми государства. Даже вотчинная земля превратилась в государственное жалование за службу. Разумеется, княжеская латифундия не стала от этого по приносимым ею доходам равна малому владению мелкого помещика. Речь шла не об уравнении богатств, а об уравнении «сильных» и «богатых» со всеми служилыми людьми в служебной повинности перед государством, именно несмотря на их богатство, на их экономическую самостоятельность.

С середины 50-х гг., вскоре после проведения важнейших реформ фактического правительства, заработала мощная военная машина Московского государства. Через два года, в 1558 г., началась Ливонская война. Для ее ведения, а также для борьбы со степняками на юге и на востоке страны центральное правительство получило возможность постоянно держать под своими знаменами многие десятки тысяч вооруженных воинов, хорошо экипированных, снабженных лошадьми и продовольствием. Иван Грозный позднее отнял у Адашева заслугу создания могущественного русского войска централизованного подчинения. Он объявил рост и решительное улучшение действий вооруженных сил результатом удаления Адашева от власти: «Егда же Олексеева и вапа собацкая власть преста, тогда и тако царствия нашему и государствию во всем послушны учинишася, и множае троюдесять тысящ бранных исходит в помощь православию», — писал Грозный Курбскому в 1564 г. Разумеется, царь

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 333—334.

тенденциозно и неверно изображает действительную причинную связь фактов. Новое, многочисленное и хорошо организованное русское войско появилось не «по манию царя», освободившегося от мешавших ему советников. На это потребовались годы упорной работы правительства, для этого нужна была система мер, какими и были реформы середины 50-х гг. Снаряжение и содержание такого войска не было бы возможным, если бы оплата его землей и всякого рода «кормом» не была организована в широких общегосударственных масштабах.

Другое дело, что для последовательного проведения в жизнь перераспределения земель и неукоснительного выполнения большими и малыми феодалами служебных обязанностей перед государством политика «внутриклассового мира», проводившаяся правительством 50-х гг. и предопределявшаяся его компромиссным характером, была недостаточной. Для этого потребовалась «бескомпромиссная» рука самодержавия. Однако практическое начало «огосударствлению» отношений всего класса феодалов с центральной властью было положено реформами фактического правительства.

Во всех установлениях фактического правительства налицо признаки компромисса. Князья и бояре были еще настолько сильны и экономически, и политически, что с ними приходилось считаться. В известной мере их традиционные права поддерживал и царь. Исконность и «честность» его собственного рода была одним из оснований для признания его царем, т. е. первым среди князей. Поэтому при определении глубины и значения реформ правительства компромисса следует отмечать не тот факт, что они сохраняют те или иные элементы старого, векового уклада — отменить целиком веками установленные обычаи и порядки не удавалось никому и никогда, — важно объективно осмыслить, насколько удалось их надломить и потеснить. Так, например, указы о местничестве решительно потеснили прежний вековой порядок. С этой точки зрения надо рассматривать и все другие реформы фактического правительства конца 40—50-х гг.

События более поздних лет уничтожили многие результаты этих реформ. Отчасти именно их недолговечность, отчасти же настоячивое очернение деятельности так называемой Избранной рады, начатое Иваном

Грозным, привели к недооценке их глубины и масштаба.

Некоторые историки полагают, что в период деятельности фактического правительства решался вопрос — по какому пути пойдет Россия: по пути усиления феодализма введением крепостничества или по пути буржуазного развития, пути, для того времени более прогрессивному, а главное, менее пагубному для крестьянства. На наш взгляд, такую постановку вопроса следует смягчить. Вопрос о том, по какому пути пойдет Россия, был предрешен определенным соотношением объективных факторов ее развития. В этом объективно-историческом смысле он не «решался». Но то, что реформы фактического правительства имели тенденцию направить развитие страны на иной путь, чем военно-феодалная диктатура в политическом устройстве и крепостничество в основе экономики, а именно — на путь укрепления сословно-представительной монархии, представляется несомненным.

Глава 4

ТУРНИР ПУБЛИЦИСТОВ

Проектируя и проводя важнейшие реформы по устройению русского централизованного государства, двигаясь в этом направлении по пути новому и неизведанному, руководители правительства неустанно занимались публицистическим обоснованием своей деятельности. Все они — Макарий, Иван IV, Адашев. Сильвестр не раз брались за перо публициста. Произведения, создававшиеся ими в обстановке острой политической борьбы, ярко отражают кипевшие вокруг политические страсти.

Для многих из этих произведений, особенно для тех, которые создавались в начальную пору деятельности фактического правительства, в конце 40-х—начале 50-х гг., характерен еще и поиск, нащупывание путей развития новорожденного централизованного государства. И поскольку речь в них идет о путях развития нового для Руси государственного уклада, публицисты черпают свою аргументацию то из опыта всемирной истории, то из высказываний церковных авторитетов да и светских «мудрых философов», то создают утопические картины идеального государственного устройства, якобы существующего в тех или иных странах. Ветер перемен освежал застойную атмосферу удельной Руси и расчищал перед мысленным взором современников невиданные до тех пор дали.

«Поп-невежа» Сильвестр

Отношение к Сильвестру в исторической науке и в литературе, быть может, наиболее ярко показывает, какое сильное влияние имели на историков оценки

и характеристики Ивана Грозного. Многие исследователи повторяют прозвище, данное Сильвестру царем, — «поп-невежа».

Не следует, однако, забывать, что Грозный прозвонил свою хулу уже после смерти Сильвестра. При его жизни царь не решился вступить в спор с «попом-невежей» на «очевистном суде» и приказал судить его заочно. Именно продолжением этого заочного суда и являются те характеристики, которые даны Сильвестру в позднейших сочинениях царя.

Конечно, нельзя сомневаться в том, что арсенал педагогических средств Сильвестра, с помощью которых он сумел в свое время решительно повернуть юного царя от «отчаянных безобразий» в поведении к «благочестию», состоял из набора всевозможных запугиваний юного грешника ужасными божественными карами.

Курбский очень ясно написал об этом, подчеркнув, что такого рода запугивание было нормой тогдашнего воспитания. Он пишет, что Сильвестр различные «чудеса и аки бы явленные от бога поведающе ему (царю. — Д. А.), не вем, аще истинные, ибо так ужасование пуцающе буйства его ради, и для детских неистовых его нравов... яко многажды и отцы повелевают слугам детей ужасати мечтательными страхами...». Грозный также подчеркивает, что Сильвестр старался воздействовать на него «детскими страшилы».

Судя по всему, Сильвестр был сильным оратором и умел глубоко потрясать своего юного слушателя. Сам царь красочно описал, в каких ежовых рукавицах держал его до поры до времени суровый наставник. При этом он подчеркивает, что покорялся Сильвестру «безо всякого рассуждения».

До нас дошла исключительно интересная рукопись XVI в. — сборник сочинений нескольких духовных писателей, принадлежавший Сильвестру. В конце сборника помещены два послания Сильвестра. Они несомненно написаны им. Речь идет о его письмах 1553 и 1554 гг. Первое адресовано казанскому наместнику, князю А. Б. Горбатову-Шуйскому. Второе — князю Семену Ростовскому.

Относительно автора «Послания царю Ивану Васильевичу», находящегося в этом сборнике, единого мнения в литературе нет. Некоторые исследователи

склоняются к тому, что его автором также является Сильвестр.

В качестве важнейшего аргумента в пользу авторства Сильвестра следует привести такое наблюдение: и в послании царю, и в посланиях Сильвестра князьям — Горбатову-Шуйскому и Ростовскому много мест, сходных текстуально. Более того, и автор писем князьям, и автор послания царю опираются на один и тот же источник XV в.

В 1480 г. на Русь надвинулись полчища хана Ахмата, вознамерившегося повторить Батыев поход. Иван III под влиянием «дурных советников» был готов уклониться от битвы и бежать из Москвы. Намерения князя вызвали решительный отпор патриотических сил, в первую очередь простого московского люда. Толпа посадских людей, стаскивавших «в град, в осаду» свои пожитки, увидев великого князя Ивана III, покинувшего войско на Угре и явившегося в Москву, приступила к нему с требованием защитить их от нашествия. С этим же требованием к Ивану III, прибывшему в Кремль, обратились митрополит Геронтий и духовный отец великого князя владыка ростовский Вассиан. Последний «нача зло глаголати князю великому, бегуном его называя... и много сиде глаголаше ему, а граждане роптаху на великого князя. Того ради князь велики не обитав во граде на своем дворе, бояся граждан мысли злыя понимания, того ради обита в Красном селце».

Описанная здесь обстановка во многом роднит обстоятельства того времени с событиями 1547 г. И тут, и там дурные советники. И тут, и там «всколебались» посадские люди. И тут, и там убоявшийся своих подданных великий князь бежит из Москвы в подмосковное село. И тут, и там к великому князю с посланием обращается представитель церкви. Духовник великого князя Иван III епископ ростовский Вассиан не ограничился резким выступлением в Кремле, написав ставшее знаменитым «Послание на Угру к великому князю».

Именно это резкое и смелое послание духовного отца Вассиана своему духовному сыну великому князю Ивану III взял за образец и держал перед собой автор «Послания царю Ивану Васильевичу». Композиционное сходство с посланием Вассиана Ивану III, а также

прямые цитаты из него одинакового свойственны и «Посланию царю», и бесспорным произведениям Сильвестра. Таким образом, принадлежность «Послания царю Ивану Васильевичу» перу Сильвестра не должна вызывать сомнений.

Авторы обоих посланий — Вассиан и Сильвестр исходят из того, что действия государя определяются тем, какие советники его окружают. Поэтому в обоих посланиях вопрос о советниках и стоит с особой остротой. В послании Сильвестра так же, как и в послании Вассиана, а вернее, с еще большей настойчивостью звучит требование отвергнуть, отогнать, отсечь дурных советников. «Помысли убо, о великомудрый государь! От каковыя славы в каково бесчестие сводят твое величество», — риторически восклицал Вассиан. Сильвестр следует именно этой конструкции, во много раз усиливая ее. Риторический вопрос — «и тебе, государю великому, которая похвала в таких чюжих неразумных советах...» — повторяется в послании в общей сложности восемь раз.

Обратим внимание на характерный прием, заимствованный Сильвестром у Вассиана, — запугивание царя примерами наказаний, постигших, по преданиям, других царей. В письме опальному вельможе князю Семену Ростовскому, рассчитанному на прочтение также и царем, Сильвестр рассказывает, как «Навуходоносор царь в скота претворен бысть и на поле со зверьми питашеся седмь лет, душою и умом возопи к богу». И бог его помиловал — снова сделал царем. А царь «Манасея в вола медна всажен бысть гневом божьим... молитвою бога утоли, и помилован бысть».

В «Послании царю Ивану Васильевичу» Сильвестр обрушивает на царя множество всевозможных «страшил». Он напоминает царю и «вселенский потоп, и содомское горение», «иерусалимское нестроение», и многое другое. «Страшилы» не сводятся к карам небесным. Может пострадать сама власть царя, его престиж в иностранных державах и уважение собственных подданных. Решающий аргумент Сильвестра, доказывающий неотвратимость божьего наказания, состоит в том, что бог уже наказал Русское государство «грех ради наших», уже навел на него страшные казни. В этой связи прямо говорится о народном восстании 1547 г.

Повторяя текст Вассиана, Сильвестр призывает царя «творити суд и правду посреди земли» и поясняет, что его престол «правдою и кротостью и судом истинным совершен есть».

Мысль о том, что самодержец обязан во всем подчиняться богу и его установлениям, проходит через все «Послание царю». Догмат о низведении царя перед богом на уровень обычного смертного как бы сам собой переходит в подобных рассуждениях церковных иерархов в догмат подчинения самодержца представителям бога на земле — священнослужителям.

В одном из сборников собрания Погодина, хранящихся в фондах ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, содержится небольшое сказание второй половины XVI в., в котором по существу повторяется идея о равенстве царя со всеми смертными перед богом, о том, что он должен подчиняться своим духовным пастырям. Вот его текст: «Естеством телесным царь точен всякому человеку. Властью же сана подобен... богу. Не имет бо на земли вышша себе. Подобаает убо, яко смертну, не возноситься и, аки богу, не гневаться. К сему ж не мните... царь или князь, что (бог. — Д. А.) избавит вечная муки. Егда князь беспорочен будет всем нравом, то может... и мучити и прощати всех людей со всякою кротостью. А ярости, и буести, и сладости работая, то первые будет посмешен людем. Занеже аще и злат венец носит, украшен драгим камением, целомудрием же не венчан. Тело бо егда багряницею покрыто, а душа его скверная остане».

Нельзя избежать впечатления, что перед нами краткое переложение посланий Сильвестра царю и князьям.

Позднее Иван Грозный в письмах Курбскому и в своих приписках к Лицевому летописному своду сделает только Сильвестра мишенью своих обвинений в «зlobесном» умысле подчинить мирскую (царскую) власть власти духовной. Причина такого выделения Сильвестра вполне очевидна. Сильвестр — что позднее хорошо понял Грозный — олицетворял соединение церковных и светских сил, стремившихся к созданию ограниченной монархии, номинально возглавляемой «предобрим и умилительным всему... и смирением сердца украшенным... боголюбивым царем».

Конструкция изложения, с помощью которой Силь-

вестр стремится придать предельную убедительность своим государственным рекомендациям, весьма проста и своей основе. Бог поможет царю управлять царством и покорить под свою руку врагов только в том случае, если царь будет соблюдать целый ряд обязательных условий. Первое — он сам должен соответствовать необходимым нормам поведения и управления государством. Царь должен расстаться с прежними советниками — «богатыми» и «брюхатыми» вельможами, думающими лишь о своей наживе, «истязующими» в свою пользу бесконечные дани с «простых» и «нищих» людей, к тому же развратными, вставшими в «безудие», в «свинское житие». Царь должен ввести в своем царстве «правду» — справедливый суд, равный для всех, для великих и малых, закон. Вот тогда, предрекает Сильвестр царю, станешь «умилителен» и «на супротивныя храбр», «обладаеши от моря до моря» и «от рек до конец вселенныя... и поклонятца тебе вси цари земстие и вся языцы поработают тебе».

И в самом этом построении, и в содержании рекомендаций и перспектив при их исполнении, и, более того, в самом тексте Сильвестра нельзя не увидеть нечто весьма знакомое. «Только его (царя. — Д. А.) бог соблюдет от того уловления велмож его, ино таковаго под всею подсолнечною не будет мудрого война и счастливого к воинству, и введет во царство свое великую правду и утешит бога сердечною радостию, и за то ему господь бог многия царства покорит», — так писал в конце своей «Большой челобитной» царю современник Сильвестра — Иван Пересветов.

Послание Сильвестра, в котором названная схема проступает исключительно ярко, написано раньше, чем Пересветов подал свою челобитную. Кроме того, источник, которому следовал Сильвестр, из которого он позаимствовал композицию и в значительной степени также аргументацию для своего обращения к царю, — намного старше и самого Сильвестра, и автора «Большой челобитной». Как уже говорилось, — это «Послание» Вассиана Ивану III 1480 г. Таким образом, арсеналом, из которого Пересветов черпал свои «великие мудрости», явились для него отнюдь не одни «философы и дохтуры латынския», мудрецы турецкие и греческие, на которых он ссылается. Мудрость эта имела в первую очередь национальную почву и традицию,

сложилась в ходе длительной борьбы различных социальных и политических сил за создание русского централизованного государства.

Послание Сильвестра царю Ивану Васильевичу, отразившее одно из направлений этой борьбы, оказало влияние на сочинения Пересветова, стало как бы одним из слагаемых в той широкой программе реформ, которая нашла в них свое литературное выражение. Так, например, тема «сильных», «богатых» и «брюхатых», прозвучавшая в послании Вассиана Ивану III, энергично подхваченная Сильвестром, стала традиционной и в дворянской публицистике. Пропаганда против «сильных» и «богатых» помогала и духовным феодалам в их борьбе со светской феодальной верхушкой за власть, за влияние и в конечном счете за землю. В данном пункте сходились интересы церковных верхов и широких масс дворян, также мечтавших улучшить свое материальное состояние за счет земельных владений крупных латифундистов, а свое политическое положение за счет оттеснения их от политической власти. Можно думать, что в начале на этой почве слились интересы Сильвестра и Адашева, т. е. представителей церковно-иерархических кругов и представителей интересов дворянской массы. В дальнейшем Сильвестр перешел на более широкие, «адашевские» позиции. Наиболее четко переход или, лучше сказать, обогащение политической позиции Сильвестра можно увидеть, обратившись к его посланиям князьям А. Горбатову-Шуйскому и С. Ростовскому в 1553—1554 гг.

Сильвестр выступает как ярый поборник завоевания и колонизации Казанского края. Он горячо одобряет обращение неверных в христианскую веру, «аще и не восхотят».

Сильвестр призывает представителей военных и других властей довольствоваться государевым жалованием, не «истязать» в свою пользу никаких даней и налогов с населения сверх установленных государством. Он требует от начальных людей всякого чина не допускать в своих действиях по отношению к населению произвола. Злоупотребления в торговле и обмене, такие как обмер и обвес с помощью неправильных мер, Сильвестр объявляет тягчайшим преступлением. И эти поучения Сильвестра касаются вопроса, который позднее неоднократно будет поднимать Пересветов.

Красной нитью проходит в посланиях Сильвестра тема справедливого *суда и правды*.¹ Требование «праведного суда» явится одним из лейтмотивов публицистических сочинений пересветовского цикла.

В письме к А. Горбатову-Шуйскому находим весьма примечательную цитату из послания Вассиана Ивану III. «Слыши, что глаголет Демокрит, философ первый: князю подобает имети ум ко всем временным (приближенным. — Д. А.), а на супостаты крепость, и мужество, и храбрость, а к своей дружине любовь и привет сладок».

Благодаря капитальному труду С. Я. Лурье, изданного дошедшие до нас тексты Демокрита, есть возможность отыскать этот фрагмент его сочинений: «Правитель должен правильно оценивать момент, быть храбрым с врагами и благожелательным к подчиненным».

Сочинения Демокрита в виде различных цитат из них знали на Руси еще во времена Киевского государства. Они вошли в состав сборников типа «Пчела». Интерес к античной философии был характерной чертой культуры Киевской Руси. Знаменательно, что обращение Вассиана к тексту Демокрита совпало с моментом свержения монгольского ига и оказалось тем самым символом возвращения русской культуры в лице ее наиболее просвещенных представителей к прежней широкой приобщенности к мировым культурным ценностям.

Сильвестр обращается к Демокриту именно как к проповеднику рационалистических взглядов, воспевавшему человека — не носителя «божьего разума», а обладателя могучей силы мышления, и предваряет цитату из Демокрита восклицанием: «Великое богатство человеку ум». Он дополняет в своем изложении отрывок из Демокрита, процитированный Вассианом, следующим выводом: «Добродетель (а в нее, как мы только что видели, входит и «ум», т. е. разумное отношение к действительности) есть лучши всякого сана

---

¹ Небезынтересно отметить, что сочетание понятий «суд и правда» в качестве обозначения высшей справедливости устойчиво сохранялось на протяжении веков. Желая охарактеризовать произвол николаевских царедворцев, жертвой которого пал Пушкин, Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта» написал: «Пред вами суд и правда — все молчи!».

царского». И далее: «Ничто ж тако пользует человека, яко же самому себе розсужати: аще ли не тако, то далече есть таковой благаго разума».

Не приходится удивляться тому, что автор такой ограничительной по отношению к самодержавию доктрины в конце концов заслужил у Ивана Грозного кличку «невежа».

При всем сходстве многих программных моментов посланий Сильвестра и сочинений Пересветова есть в позициях и взглядах этих авторов и некоторые различия. Они обычно рассматриваются исследователями как различия во взглядах «прогрессивного» Пересветова и «реакционного» Сильвестра. Если от такого заданного отношения освободиться, то придется признать, что имеющиеся между ними расхождения — это, скорее, расхождения между союзниками, расхождения (а может быть, даже полемика) внутри одного лагеря.

Пересветов решительный противник всякой «кротости» царской власти: «Не мочно царю без грозы быти. Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». Сильвестр также побуждает царя на дальнейшую борьбу с казанцами и крымцами. И Сильвестр, и Пересветов одинаково утверждают этим общую политику правительства того времени, направленную на покорение и колонизацию Казани и Крыма. Отнюдь не к кротости и миру с соседями призывает Сильвестр, цитируя вслед за Вассианом слова Демокрита о том, что правителю «подобает имети... на супостаты крепость, и мужество, и храбрость, а к своей дружине любов и привет сладок».

Осуждение дурных советников, вельмож, советующих великому князю («шепчущи») «не противиться супостатам», со страстной силой прозвучало в послании Сильвестра царю до того, как его литературно разработал Пересветов. Слова — «напрязи и стой и царствую истины ради, и кротости, и правды» — не помешали Сильвестру утверждать: «Царь еси... на супротивныя храбр яко, да покорены будут врази твои под ногами твоима». Что касается «грозы», с помощью которой Пересветов советует царю управлять своим царством, то и у него «гроза» имеет направленный характер. Она должна обрушиваться на «ленивых» вельмож, не желающих служить и «смертною игрою играти», на всякого рода дурных людей — татей,

шляниц, разбойников. Сильвестр тоже ратует за такую «грозу».

Вместе с тем Пересветов, как и Сильвестр, призывает царя и вообще властителей к милостивому и справедливому отношению не только к воинникам, но и ко всем подданным. «Аще ли властель еси, не насилуй и не лихоимствуй, но егда приключится власть, покажи правая». Мы видим, что и Сильвестр не без «грозы», и Пересветов не без «милости».

Между силами, соединившимися в политическом компромиссе в конце 40-х гг., шла острая борьба по ряду важнейших социальных вопросов. Сильвестр, как видно из рассмотренных свидетельств, не принадлежал к числу тех, кто тормозил становление нового и тянул назад. Считать его «консерватором» или даже «реакционером» нет оснований. Напротив, есть основания разглядеть в нем политическую фигуру, выразившую интересы более широкого социального слоя, чем тот, который представлял дворянский публицист Пересветов.

Сильвестр был против рабства — кабального холопства. Он «изодрал» кабальные своих холопов и «попущах» их на свободу. Аргументация Пересветова в пользу освобождения холопов предельно ясна — освобожденные из холопства и кабалы «боецы» вернуться в царское войско и будут наилучшим образом нести военную службу.

У Сильвестра преимущественный объект заботы и внимания иной. Холопы, которых он освободил, и те, кого выкупил «из рабства» у других владельцев и «на свободу попущах», — это не «боецы», вернувшиеся, став свободными, в царские полки. Это горожане, посадские люди. Своего собственного сына — Анфима Сильвестр пристроил не в «храбрые» и «лучше люди», не на военную службу, а в торговлю, затем испросил для него у царя назначение ведать в казне таможенными сборами.

В письме сыну Анфиму Сильвестр, священнослужитель по профессии, раскрывается и как выходец из определенной социальной среды, усвоивший весь комплекс присущих именно ей взглядов на жизнь. Это зажиточная верхушка городского посада, притом именно новгородского. Нравственные и деловые советы, которые Сильвестр дает сыну, в громадном объеме до-

полняются содержанием книги, в виде послесловия к которой письмо к сыну и было написано. Книга эта — знаменитый «Домострой» — свод бытовой и нравственной мудрости для городского, посадского человека, складывавшийся в течение долгого времени. Не исключено, что Сильвестр, будучи священником в Новгороде, принимал участие в записи и редактировании данного свода.

Если при оценке практической деятельности и идейных позиций Сильвестра мы будем учитывать и его происхождение из среды новгородского посада, и бесспорную связь его жизненных воззрений с воззрениями этой среды, станет ясным, почему священник Сильвестр, пугавший впечатлительного юношу-царя всевозможными божественными чудесами, являлся вместе с тем поборником рационализма, разумных основ государственного управления. Станет яснее, что могло сблизать Сильвестра с его современником — «еретиком» Матвеем Башкиным, «затронутым», как пишет исследователь той эпохи А. А. Зимин, идеями европейского реформационного движения и объективно представлявшим интересы бюргерских кругов.

Близость Сильвестра к интересам зажиточной верхушки посада делает понятной и его борьбу со стяжательством церковников, за секуляризацию монастырских земель и сел.

Популярность нестяжательства в качестве истинно праведного для служителей бога образа жизни возростала в периоды антифеодальных волнений. Возвышение вслед за Адашевым священника, являющего пример бескорыстного служения православной вере, было также вполне последовательным шагом для создания впечатления о демократизации правления в соответствии с громогласными заверениями царя на Красной площади.

Целый ряд идей Сильвестра вошел в качестве слагаемого в правительственную программу и проправительственную публицистику конца 40-х и 50-х гг. При этом многие из тех идей, которые он высказал, были отнюдь не только его идеями. Одни из них разделялись Макарием или даже принадлежали ему, другие разделялись Адашевым или принадлежали ему, третьи разделялись в то время царем или принадлежали ему. Словом, сочинения и деятельность Сильвестра кроме

его собственных взглядов в значительной степени отразили программную сущность и практическую деятельность правительства политического компромисса.

Кто таков «Иванец Пересветов»?

О публицистических сочинениях середины XVI в. и об их предполагаемом авторе — И. С. Пересветове существует огромная литература. Многие ученые отстаивают реальность существования писателя Пересветова. По их убеждению, этот бывалый «воинник», служивший многим королям, приехав на Русь и присмотревшись к существующим здесь порядкам, сменил меч на стило публициста и создал цикл сочинений, в которых доказывая необходимость коренных политических преобразований в стране на пользу таким, как он, «воинникам» — служилым людям.

Другие исследователи высказывают мнение, что фамилия Пересветов — не что иное, как псевдоним, под которым видные политические деятели бурной эпохи Грозного высказывали свои программные политические взгляды.²

Издание сочинений И. Пересветова, подготовленное А. А. Зиминим, усиливает сомнения в том, что все они принадлежат одному лицу. Кому бы, однако, ни принадлежали эти сочинения, несомненна исключительная близость их содержания к программе реформ правительства Адашева—Сильвестра—Ивана IV.

Заметим, что гипотеза о существовании Пересветова — автора всех произведений цикла — придает их изучению известную предвзятость: мешает видеть серьезные различия между ними, и прежде всего различия тех политических позиций, с которых они написаны. Так, в частности, приписываемое Пересветову «Сказание о книгах» дошло до нас в двух редакциях, резко различающихся между собой. «Сказание о книгах» в его первой редакции — произведение церковное. В нем отсутствуют малейшие признаки проблематики, столь характерной для дворянской публицистики середины XVI в. «Сказание о царе Константине» по со-

² Обстоятельный обзор литературы о Пересветове и его сочинениях см. в кн.: *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. С. 217, 225—227.*

держанию несовместимо с повестью Нестора Искандера «О взятии Царьграда», рядом с которой его поместили составители многих «пересветовских» сборников XVII в. В повести Искандера Константин — великий герой. Для Нестора Искандера падение Царьграда объясняется лишь «греховной» природой человечества; он рисует идиллическую картину трогательного единения царя Константина со своими вельможами. В «Сказании о царе Константине», так же как и в «Сказании о Магмете-салтане», вельможи — главные виновники гибели Византии.

Наиболее существенным является вопрос о соотношении «Сказания о Магмете-салтане» и «Большой челобитной» — двух главных произведений, приписываемых Пересветову. Написаны они с различных политических позиций. Если даже допустить, что автором этих произведений является один и тот же человек, придется заключить, что «Большую челобитную» он написал для того, чтобы заменить ею свое прежнее сочинение — «Сказание о Магмете-салтане».

Исследование «Сказания о Магмете-салтане» неизбежно приводит к выводу о близости позиций автора этого произведения к взглядам и к практической деятельности А. Ф. Адашева. Если предположить, что автором «Сказания о Магмете-салтане» является Адашев, получает разгадку тайна его внезапного приближения к Ивану IV и его неограниченного влияния на царя, она получает объяснение в глубоком уме, широких общественных взглядах и литературном таланте выдающегося публициста.

Полное соответствие большинства проектов Пересветова реформам Адашева неоднократно отмечали все исследователи. Основной пафос «Сказания о Магмете-салтане» — критика боярского правления времен малолетства Ивана IV, предложение кардинальных реформ для оздоровления государства и укрепления его могущества, призыв к завоеванию Казани, утверждение самодержавия как единственной формы власти, способной прекратить хаос и произвол вельмож, предотвратить развал государства и провести необходимые реформы — по существу выражает пафос деятельности Адашева и его соратников в правительстве компромисса. Именно этими идеями насквозь проникнут и «Летописец начала царства», составленный под руко-

водством Адашева, а в некоторых частях и написанный им самим.

Напомним главные пункты проекта реформ, изложенных в «Сказании о Магмете-салтане» и воплощенных правительством Адашева.

Во главе государства царь-самодержец, но не деспот. При нем его «верная дума». Это явная Избранная рада.

Ограничение прав наместников на местах. Регламентация поборов с населения. Кормления по выданному правительством «доходному списку». Наместничество и кормления были практически ликвидированы правительством Адашева к 1556 г.

Создание местного управления. «И по городам у него... десятския установлены и тысящники на лихих люди... на тати... и на ябедники...». То же в царском Судебнике 1550 г.: «...да устроил по всем землям старосты, и целовальники, и соцкие, и пятидесяцкие по всем городам».

Магмет-салтан дал «судебные книги», т. е. кодификацию законов. Это предложение предвосхитило издание Судебника 1550 г. Закон у Магмета-салтана — единственный источник права. Это требование сформулировано и в статье 97, предписывающей судить только по Судебнику. Магмет-салтан посылает во все города «прямых» судей. Суд равен для всех. Мера наказания определяется в соответствии с совершенным деянием. Над судьями устанавливается строгий контроль. В принципе такие же меры приняты в Московском государстве правительством Ивана IV.

Огромное внимание уделено в «Сказании о Магмете-салтане» вопросам (проектам) организации военной службы и устройства воинов. Автор его предлагает создать постоянную личную охрану монарха. Правительство Адашева учреждает постоянное стрелецкое войско в 3000 человек, располагающееся сначала в селе Воробьево — в том самом месте, куда в дни московского восстания укрылась царская семья. Войско Магмета в «Сказании» организовано по десяткам, сотням и тысячам во главе соответственно с «десяцкими», «соцкими» и «тысящниками». Русское войско, идущее на Казань, организуется точно так же.

Во главе войска Магмета-салтана стоит «мудрый папа». Правительственные указы 1549—1550 гг. усили-

вают единоначалие в русском войске. Для «воинников» у Магмета-салтана установлен особый военный суд своих начальников. Указом от февраля 1549 г. отменяется подсудность русских служилых людей наместникам «оприч душегубства».

Рассмотрим и отличия между проектами публициста и практикой правителя.

«Правительство А. Ф. Адашева, — пишет А. А. Зимин, — много сделало для привлечения в центральный и местный аппарат власти талантливых выходцев из рядовой массы дворянства. . . Однако система преимущественного назначения на высшие должности представителей родовитой княжеско-боярской знати осталась непоколебленной. Мечты Пересветова о выдвижении „воинников“ лишь по их „мудрости“ и воинским заслугам в феодальных условиях вовсе не могли осуществиться».

Разумеется, далеко не все зависело от воли реформатора и могло быть воплощено им в жизнь.

Магмет-салтан установил ежегодную денежную оплату служилым людям. Правительство Адашева—Ивана IV ввело в 1555—1556 гг. для части дворян ежегодную плату, а для других — плату раз в 3—4 года. Такого рода «зазор» между намерениями реформаторов и реальными финансовыми возможностями государств встречается в истории, пожалуй, наиболее часто.

Магмет-салтан был явным и решительным противником закабаления, обращения в холопство. Между тем в Судебнике 1550 г. осуществлено только ограничение приема в холопы «детей боярских служилых и их детей». Но мы знаем, что на «пересветовской» точке зрения стоял ближайший соратник Адашева Сильвестр.

Таким образом, немногочисленные отличия «пересветовских» проектов реформ от их практического воплощения правительством, возглавляемым Адашевым, отнюдь не доказывают, что последний не мог быть автором названных проектов.

Исследователи давно заметили, что автор «Сказания о Магмете-салтане» хорошо осведомлен о реалиях жизни турецкого государства. В этой связи интересно обратиться к тому, что сказал об авторе «Сказания» выдающийся востоковед И. Ю. Крачковский: «Знание ислама у него отрицать нельзя. При всей идеализации

он вернее отражает действительность, чем яростный полемист Максим Грек». Адашев имел о Турции непосредственные впечатления. В 1538—1539 гг. он ездил к турецкому султану в составе посольства, которое возглавлял его отец Федор Адашев. Известно, что Адашев хорошо помнил мельчайшие детали своей поездки в Турцию и вносил их в 50-х гг. в летопись в качестве дополнений к летописному рассказу. В Константинополе Алексей Адашев прожил не менее года. После возвращения из Турции он был представлен царю и рассказывал ему о своих странствиях.

Обратим внимание на произведение Пересветова, названное издателем «Концовка» и помещенное в издании между «Сказанием о царе Константине» и «Большой челобитной». В «Концовке» читается явное окончание «Сказания о Магмете-салтане»: «Рече Магмет-салтан своим пашам и сеитам: „Не приказал бог вельможам, ни воинником давати власти судити праведнаго суда и казны цареvy збирати. Приказал бог от мудрости великия человека vybrати мудраго и ему приказати цареva казна збирати и праведен суд судити, кто бы неповинно не осудил рода человеческого и крови бы и слез не проливал, на мзду бы не утекся и тем бы бога не разгневил“».

«Этот „мудрый великий человек“, — справедливо заключает исследователь сочинений Пересветова Я. С. Лурье, — неизбежно напоминает читателю А. Ф. Адашева».

Действительно, неизбежно напоминает. Если в момент величайшего потрясения, пережитого правящими верхами из-за народного восстания 1547 г., Адашев подал как нельзя более соответствующий требованиям времени проект преобразований в форме «Сказания о Магмете», его восхождение «на первый чин» получает убедительное объяснение. Уподобление грозному Магмету-салтану, победителю Византии, самовластному государю, который ввел в своем царстве «великую правду», должно было понравиться и молодому, ищущему опору царю Ивану, и всем, кто хотел установления в стране твердого порядка.

Гипотеза о принадлежности «Сказания» перу Алексея Адашева, т. е. о том, что проект реформ принадлежал тому, кто их проводил в жизнь, представляется более реалистичной, чем прежнее предположение

о писателе-прорицателе Пересветове, предназначения которого воплощал глава правительства Адашев.

Господствовавшее до сих пор в литературе убеждение, будто «Сказание о Магмете-салтане» и «Большая челобитная» — произведения одного автора, притом поданные царю почти одновременно, игнорировало вопрос о многочисленных различиях этих произведений между собой. Между тем различия весьма значительны и характерны.

«Сказание о Магмете-салтане» по всему своему стилю и духу — осторожное, можно сказать первичное, предложение реформ. Все в Русском государстве хорошо: греки «ныне» хвалятся «государевым царством русского царя», в русском царстве живет «великая божия милость». Пожелание о введении нового порядка управления выражено в условном наклонении — эх, если бы к той истинной вере христианской «да правда турецкая» — «ино бы с ними аггели беседовали». В «Сказании о Магмете-салтане» все устремлено в будущее, здесь еще нет следов практического осуществления предложенных порядков.

«Большая челобитная», написанная от имени Ивана Пересветова, выдержана в совершенно ином ключе. Сам факт, что возникла потребность написать на основе «Сказания о Магмете-салтане» другое, новое произведение, говорит о многом. Смысл предпринятой переделки состоял в том, чтобы перевести иносказание в прямую речь о насущных социально-политических задачах русской монархии.

Условно-сослагательное наклонение «есть ли бы» сменилось в «Большой челобитной» уверенными, безапелляционными утверждениями, что русский царь Иван Васильевич осуществит все то хорошее и нужное, что ему предрекают: «Ино так пишут о тебе, благоверном царе: ты — государь грозный и мудрый, на покаяние преведешь грешных, и правду во царстве своем введешь, и богу сердечную радость воздашь». Или: «Знаменуется в мудрых книгах... о благоверном царе русском и великом князе Иване Васильевиче... что будет у него в его царстве таковая великая мудрость и правда... от его мудрости от бога прироженныя»; «...мудрые философы... молвили ... что быти тебе царю великому, покорит бог недруги твои тебе, царю... что обладати тебе, государю, многие царства». Одно

за другим следуют в «Большой челобитной» уверенные заявления: «А мочно ему таковому силному царю, то все учинити».

Другой автор, другая рука и другое время. Последнее означает не столько длительное временное расстояние, сколько различие в социальной и политической обстановке до и после происшедших перемен.

Поскольку о взятии Казани говорится как о деле еще только предстоящем, крайней датой написания «Большой челобитной», как полагают многие исследователи, является канун последнего большого похода на Казань — весна 1552 г. Но эту дату можно и уточнить. В «Большой челобитной» опущены те предложения судебных реформ, которые были уже реализованы в Судебнике 1550 г. Вопрос о «воинниках» претерпел разительные изменения по сравнению со «Сказанием».

Автор «Большой челобитной» не разделяет демократизма в отношении всей служилой массы, проявленного автором «Сказания». Он охотно повторяет призывы к служилым людям «люто против недруга смертною игрою» играть. Он за то, чтобы наиболее отличившимся в бою воинникам «имена возвышати» и щедро их вознаграждать. Однако он далек от признания равных возможностей за каждым, «кто ни буди», от признания личных достоинств главным основанием для выдвижения служилого человека на высокие государственные посты. Он не пожелал повторить в этой связи тезис — «а ведома нет, какова они отца дети», не захотел повторить и содержащуюся в «Сказании» похвалу Магмету-салтану за то, что тот «на величество подымает и имя... велико дает», и тому, кто «хотя и меншаго колена, но против недруга крепко стоит». Опустил он и примеры о возвышении турецким султаном бывших «полоняников» на высшие военные посты. Он допускает, что «к любви царской» можно доходить «по мудрости». Но этот путь к царской «любви» назван последним. В первую очередь до нее «доходят» все-таки «по роду» и «по вотчине». Вспомним, что и сам челобитчик, от имени которого написана «Большая челобитная», — Иван Пересветов назван представителем весьма почтенного рода. Линия уважения к «роду» и к «вотчине» прочерчена здесь четко и без единого от нее отклонения.

Откорректировав таким образом демократические увлечения автора «Сказания», автор «Большой челобитной» вместе с тем усиливает мотивы задабривания служилой массы, демагогического заискивания перед ней. Здесь нет никакого противоречия, поскольку и восхваление храбрости воинов, и слова о царской щедрости к ним не выходят за пределы отеческого обращения высшего к низшим. Именно в такой нарочито опрошенной разговорной тональности обращается автор «Большой челобитной» к воинам. Это наводит на мысль, что «Большая челобитная» родилась в то время, когда обращение к ним с такого рода призывами и обещаниями приобрело особую остроту. Известно, что накануне и во время похода на Казань весной 1552 г. царь вынужден был не раз обращаться к служилым людям с призывами, увещеваниями и обещаниями, поскольку те выражали явное недовольство своим положением, а порой и нежелание идти в поход.

1 или 2 июля в царской ставке в Коломне царю били челом служилые люди, которые объявили «нужды свои и недостатки». «Государю же о сем не мала скорбь, но велия бысть, еже так неудобно вещают!».

Царь обратился к служилым людям с речью. Летописец передает их ответ: «Готови с государем, а он, государь, наш промысленник...». В августе под Свияжском царь снова обратился к войскам с «многими жаловальными словесы». Летописи не сохранили текстов самих этих обращений. Но вполне возможно, что в строках «Большой челобитной» о том, как царю «годится» «держати» своего воина, звучат слова царя Ивана, который с теми же или с подобными словами, по выражению летописи, «умилно» обращался к своим слушателям, отправляющимся в поход на Казань, обещая «и сердца им веселити, и жалования им из казны своея государевы прибавливати; и иным воинам сердца возвращати, и к себе их близко припущати, и во всем им верити, и жалоба их послушати, во всем их любити, аки отцу детей своих, и быти до них щедрю».

Здесь, в «Большой челобитной», едва ли не впервые было сформулировано понятие «царь-отец».

Царь обещал тем, кто пойдет с ним на Казань, «жаловати и под Казанью перекормити», т. е. наделить

поместьями на вновь завоеванной земле. В этом контексте как бы живой речью, обращенной к войску, собранному для похода, звучат слова «Большой челобитной»: «Да слышал есми про ту землицу, про Казанское царство, у многих воинников, которыя в том царстве в Казанском бывали, что про нее говорят, применяют ея подрайской земли угодием великим. Да тому велми дивуемся, что таковая землица не велика, велми угодна, у такова великаго у силнаго царя под пазухой, а в недружбе...; хотя бы таковая землица и в дружбе была, ино бы ея не мочно терпети за такое угодие».

В «Сказании о Магмете-салтане» читаем жестокую угрозу турецкого царя воинникам: «А кои не хочет честно умерети на игре смертной с недругом моим за мое государство... ин здесь умрет же от моей государевой опалы, да нечестно ему будет и детем его, кои воинник с отпяткою биется». Через несколько страниц автор «Сказания» счел нужным повторить угрозу еще раз: «Царь говорит и жалованием своим жалует и грозою всею: „Кто не хочет умерети доброю смертию. играючи с недругом смертною игрою, ино он умрет от моей же опалы царския смертною казнию, да нечестно ему будет и детем его“». Из «Большой челобитной» этот мотив исключен. Ее автору момент для угроз и запугивания показался неподходящим. Исключил он и предупреждение против «татбы, и разбою, и игры, и костарства, и пианства» в полках. В «Сказании» восхваляется режим в войске, когда вместе с «лихими» людьми, для которых «обыск царев живет накрепко», казнят смертною казнию и начальников, их покрывших. Даже об этом автор «Большой челобитной» предпочел не говорить применительно именно к служилым людям. Все это также наводит на мысль, что «Большая челобитная» предельно близка по времени ее написания к событиям, предшествующим походу на Казань.

Обратим внимание на изображение в «Большой челобитной» самого государя Ивана Васильевича. Если в «Сказании» в центре повествования было другое лицо — Магмет-салтан, а русский царь лишь упоминался в конце, то здесь царь Иван Васильевич — главный герой. «Большая челобитная» открывает список произведений, посвященных апологии самодержавия царя Ивана IV. Вслед за ней будут написаны соответствующие страницы «Летописца начала царства»,

приписки к «Царственной книге», «Послания Курбскому», «Казанская история» и «Степенная книга». «Большая челобитная» открыла поток восхвалений и самовосхвалений, дала ему направление, предопределила ряд положений, которые найдут затем свое развитие в огромной работе по идеологическому обоснованию «российского самодержавства», проделанной в эпоху Грозного.

В «Большой челобитной» использовано не только «Сказание о Магмете-салтане», большая часть текста которого включена в это произведение. Использована и челобитная дворянина — делателя щитов, которая находилась, скорее всего, в Челобитенном приказе.

Видны также в «Большой челобитной» следы сочинений Сильвестра. Автор ее хорошо усвоил тезис «Послания царю Ивану Васильевичу» о том, что прежние советники — «брюхатые» и «богатые» вельможи толкали его в «безстудие» и в «свинское житие». В тексте «Большой челобитной» царя Константина (читай: Ивана Васильевича) «учинили в безпутном житии» именно вельможи. Сам царь в своем «безпутстве», разумеется, не был виноват.

Охотно и почти дословно повторяет автор «Большой челобитной» и предсказание Сильвестра, что ему «поклонятца... все цари земстие», если царь «очистится» от влияния своих дурных советников. «Только его (царя. — Д. А.) бог соблюдет от того уловления велмож его, ино такового под всею подсолнечною не будет мудрого война... и... ему господь бог многия царства покорит».

Автор «Большой челобитной» не пожелал повторить похвалу обычаю Магмета-салтана, который «в поту чела своего уживал (ужинал. — Д. А.), и ничего же из казны своя царския во уста своя не положил: что сам зделает, да пошлет продати, да на то себе велит ясти купити». Призыв питаться плодами своего труда он переадресовал царским подданным. Магмет-салтан говорит им: «Держитесь заповеди божия, уживайте лица своего поту».

«Большая челобитная» повторяет тезис о необходимости и полезности царской грозы. Однако, если автор «Сказания о Магмете-салтане» и автор «Послания царю Ивану Васильевичу» видели в ней инструмент для обуздания бояр (аристократии) в интересах дво-

рян и всех, «кто ни буди», автор «Челобитной» понимает царскую «грозу» как инструмент для обуздания всех, «кто ни буди».

Различна ориентация авторов «Сказания о Магмете-салтане» и «Большой челобитной» в вопросе о том, где, в чьем опыте искать государственную мудрость. Первый видит пример для подражания на Востоке, в системе правления турецкого образца. «Латинския веры дохтуры фигурируют у него в конце «Сказания» в качестве статистов. Но и они видят идеальное решение проблем русского государства в том, чтобы к христианской вере прибавить «правду турецкую».

Автор «Большой челобитной» смотрит на Запад. Из западных стран привез мудрые «книжки» латинских философов и «дохтуров» его герой — Иванец Пересветов. «Мудрые речи» вместо Магмета-салтана приносит западнославянский государь — воевода Петр.

Даже оставшиеся в «Большой челобитной» упоминания о «правде», введенной в своей стране Магметом-салтаном, вложены в уста воеводы Петра. Как бы ни был мудр Магмет-салтан, автор «Большой челобитной» не мог допустить, чтобы он выглядел по своим достоинствам чуть ли не выше русского царя. Поэтому он решительно сбрасывает Магмета-салтана «надол» с той «горы», на которую Магмет возведен в «Сказании». Все это свидетельствует о том, что «Сказание о Магмете-салтане» и «Большая челобитная» написаны разными авторами, расходившимися во взглядах на ряд явлений и проблем. Представление, будто произведения так называемого пересветовского цикла, оказавшиеся рядом в сборниках XVII в., изначально предназначались неким одним автором для того, чтобы стоять рядом и дополнять друг друга, является ошибочным.

Автор «Большой челобитной» не раз подчеркивает, что «Магмет-салтан турецкой царь» «от нискаго колена», «разбойнический род». Заметим, что раздача подобных дискредитирующих ярлыков чужеземным государям весьма характерна для Ивана Грозного. Стиль и характер «Большой челобитной» давно уже наводили исследователей на мысль, не скрывается ли под именем Пересветова сам Иван Грозный. Как видим, эта мысль не лишена оснований.

Итак, в двух основных произведениях пересветовского цикла изложены две различные точки зрения на

реформы, проведенные правительством Адашева—Сильвестра—Ивана IV и их единомышленниками. В «Сказании о Магмете-салтане» мы видим как бы проект реформ, весь размах намерений одного из реформаторов. В «Большой челобитной» отразилась та позиция, с которой первоначальный проект был откорректирован. При этом если позиция автора «Сказания» предельно близка к взглядам представителей дворянства и верхушки посада — Адашева и Сильвестра, то позиция автора «Большой челобитной» близка к воззрениям Ивана IV. Мы получаем возможность разглядеть своеобразную полемику ближайших политических союзников того времени. С течением времени их разногласия резко обостряются и пути разойдутся. Перспективу дальнейшего исторического развития обретет та линия, на которой они сходились: линия укрепления царского единовластия.

С помощью замечательных произведений русской политической публицистики середины XVI в. мы получаем возможность увидеть самый исток формирующейся идеологии самодержавия, что необычайно важно для лучшего понимания его дальнейшего развития.

Глава 5

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПЕРЕХОДА К ЕДИНОВЛАСТИЮ

История Руси, переписанная заново

Трудно найти в мировой истории фигуру монарха, который обладал бы столь же ярким талантом политического писателя-публициста, абсолютно неколебимого в своей апологии единовластия, в своем отрицании всех и всяческих, исторических и современных ему форм ограничения власти государей, как первый русский царь.

Однако писателем и публицистом Грозный был все же во вторую очередь. И его литературное творчество интересует нас здесь лишь в той мере, в какой оно отразило его творчество государственное.

Одним из важнейших направлений в идеологической борьбе Грозного за установление единовластия было историческое обоснование исконности русского самодержавия. До сих пор, кажется, не было обращено внимания на один примечательный факт. Сам Грозный, а вслед за ним и официальные документы его времени затушевывали то, что он был первым русским царем. Грозный жертвовал своим приоритетом первого царя, для того чтобы утвердить вопреки исторической правде идею исконности русского самодержавия. Он создавал представление, будто венчание его на царство было не чем иным, как принятием им родительского, прародительского и вообще исконного царского венца русских самодержцев.

«Российского царствия самодержавство божиим изволением почен от великого царя Владимира... и великого царя Владимира Мономаха... Мы же... божьим изволением... яко же родихомся во царствии, тако и воспитахомся, и возрастохом, и воцарихомся...», — так писал царь в своем «отвещании» Курбскому.

Не раз присваивал он титул царя своему отцу — великому князю Василию III. «Блаженной памяти великим государем, царем и великим князем всея Руси» назван Василий III и в летописном рассказе о введении опричнины. Великим государем и царем всея Руси именуется Иван Грозный своего отца в письме к Стефану Баторию в 1581 г. Однако Иван хорошо знал, что действительная история Руси была иной. Иначе она и выглядела в прежних летописных рассказах, в памятниках литературы и публицистики прежних веков. Это ставило царя и его книжников перед необходимостью создать новый вариант русской истории, который послужил бы обоснованием концепции извечности русского самодержавия.

Во второй половине XVI в. официальные московские книжники под руководством, а иногда и при непосредственном участии самого Ивана Грозного создали ряд монументальных историко-литературных памятников: многотомные летописные своды, «Степенную книгу», «Казанскую историю». Все эти сочинения имели задачу возвеличить власть московских государей и дать исторические обоснования их исключительному праву на русское единодержавие.

Приведем здесь всего один, но зато весьма яркий пример переделки книжниками Ивана Грозного ранней русской истории на свой лад.

В Шестой степени «Степенной книги» есть рассказ о том, как Всеволод Суздальский организовал накануне похода путивльского князя Игоря в половецкую степь свой большой победоносный поход на половцев (в действительности этого не было); о том, как Ольговичи во главе с Игорем, позавидовав успеху этого похода, сами двинулись в степь, где были разбиты, и как Всеволод Суздальский и Роман Волынский (все это тоже сплошная выдумка) двинулись выручать и выручили несчастных пленников. Как видим, утверждение автора «Слова о полку Игореве» о бездействии некоторых князей в момент, когда им надлежало действовать, показалось неподходящим книжникам XVI в. И вот, спустя четыре сотни лет, они выступают с опровержением автора «Слова о полку Игореве», создавая ложный рассказ о походе Всеволода на помощь князю Игорю.

Разумеется, эти усилия были затрачены неспроста. Для составителей «Степенной книги», этих трудолюби-

вых зодчих, строивших многоступенчатое здание истории русского «скипетродержания», возведение шестого этажа их конструкции доставляло особенно много хлопот и беспокойств. Им важно было показать плавный переход единой державной общерусской великокняжеской власти рода Мономаховичей из Киева во Владимир. Но в жизни было не так. Киевское государство, как известно, распалось на отдельные княжества, и Владимиро-Суздальское было всего лишь одним из них. Более того, само оно долгое время раздиралось внутренней войной Ростова и Суздаля против Владимира, а также вело непрерывную борьбу со своими же «подручниками» — рязанскими князьями. В тяжелой и упорной борьбе вырос авторитет Всеволода, не приведший, однако, даже к концу его жизни к какому бы то ни было действительному единодержавию.

Ввиду этого при написании Шестой степени своего грандиозного труда составители «Степенной книги» должны были проявить много изобретательности для приведения рассказа в соответствие с поставленной задачей. Они вынуждены были пойти и пошли на перекраивание древних памятников, на умолчание об одних фактах и выпячивание других, на создание новых версий о событиях и опровержение старых.

Повествование о Всеволоде открывается в «Степенной книге» торжественным предисловием, которое составители почти дословно взяли из некролога, помещенного по поводу смерти Всеволода в Лаврентьевской летописи. Затем идут различные рассказы о времени Всеволода. В качестве главного сюжета, характеризующего Всеволода, взята история, связанная с походом Игоря на половцев.

Постановка событий 1184—1185 гг., в действительности никак не связанных с деятельностью Всеволода, в центр повествования о нем, не может не вызвать законный вопрос — в чем же здесь дело? Вопрос встает еще острее, когда выясняется, что рассказ о мнимом участии Всеволода в борьбе с половцами в 1184—1185 гг. занимает столь большое место за счет умолчания о многих его действительных походах и победах.

Назовем важнейшие факты, которым была предпочтена выдумка о походах на половцев в 1184—1185 гг. Всем этим фактам посвящены большие рассказы в Лаврентьевской летописи, отброшенные составите-

лями «Степенной книги»: 1178 г. — взятие Торжка; 1184 г. — второй поход на Торжок; 1184—1186 гг. — два знаменитых, доставивших Всеволоду громкую славу похода на болгар (в «Степенной книге» лишь жалкое, в полторы строчки, упоминание о походе 1186 г.); 1195 г. — поход на Киев; 1197 г. — поход на Ольговичей.

Но самое интересное в другом. Если составителям легенды нужно было отметить победоносные походы Всеволода на половцев, то ведь в его реальной биографии они были. В 1199 и 1205 гг. он совершает свои знаменитые походы на половцев, подробно описанные в летописи.

Почему же составителям «Степенной книги» потребовалось все это опустить, почему им «не подошли» рассказы о подлинных победах над половцами и почему надо было связать имя Всеволода именно с походами 1184—1185 гг., к которым он не имел отношения?

Заметим при этом, что на всем протяжении «Степенной книги» не встречается ни одного — подчеркнем: ни одного! — другого случая вымышленного похода на половцев.

Мы никогда не смогли бы объяснить, чем руководствовались составители «Степенной книги», поступая таким удивительным образом, если бы до нас не дошло «Слово о полку Игореве».

Составители «Степенной книги» очень ясно показали, в какой связи им понадобился вымышленный рассказ об участии Всеволода в походах 1184—1185 гг. Этот рассказ составляет целую главу, содержание которой выражено в ее названии: «О добродетелех самодержьца и о знамени на небеси, и о победе на половецы и о зависти Ольговичев и о милости Всеволожи».

Как видим, интересующий нас сюжет понадобился как решающая иллюстрация добродетелей Всеволода. Дальше идет главная во всем повествовании о Всеволоде характеристика его деятельности:

«Богохранимый же великий князь Всеволод Юрьевич, благоденственно пребывая во граде Владимире и правя скипетром Руського царствия... и всему множеству Владимировых сродником своим старейшинствуя... Аще же некогда нецыи от сродних его завистию побежахуся и бранию к нему прилежахуся, он же

противу их вооружашеся и междуусобному кроволитию быти не даваше, но своим благосердным долготерпением и медленным пожиданием брань утоляше и братолюбие составляше, господоначалие и прочая грады русския и всех праведно управляя. И все послушаху его и покоряхуся ему».

С точки зрения того, что здесь сказано, «Слово о полку Игореве» является произведением абсолютно еретическим. «Слово» с огромной силой рисовало совершенно обратное тому, что хотели утвердить московские книжники XVI в. В самом деле: в «Слове» Всеволод вовсе не общерусский самодержец, а один из многих князей. Но что еще хуже — первым по значению среди русских князей провозглашается «великий, грозный» Святослав Киевский. В «Слове» Всеволоду брошен прямой упрек — «не мыслю ти прилетети издалеча отня злата стола поблюсти!» — упрек в равнодушии к киевским делам, в частности, к борьбе южнорусских князей с половцами.

Все это как нельзя больше противоречит создаваемой «Степенной книгой» легенде о Всеволоде — общерусском самодержце, о Всеволоде, дарующем «во одержание» киевское господоначалие, о Всеволоде, возглавляющем борьбу с половцами. Все это требует ответа и опровержения в официальном памятнике, который должен отныне на века покончить с прежними «заблуждениями» и утвердить единственно «правильную» версию истории Руси. Прежде всего надо было развенчать Святослава Киевского, вознесенного «Словом» на высоту действительно незаслуженную. И развенчать не вообще, а именно в той роли, в какой его превознесло «Слово». И мы читаем в «Степенной книге» удивительный рассказ о знаменитом победоносном походе князей на половцев накануне похода Игоря, организатором которого был, оказывается, вовсе не Святослав Киевский, а Всеволод Суздальский. В походе участвует князь по имени Святослав Всеволодович, но вовсе не тот, что на самом деле, а сын Всеволода, якобы посланный своим великим отцом. Зато в отношении Владимира Глебовича, являвшегося родичем и подручным Всеволода, сохранен правдивый летописный рассказ вместе с описанием его геройских дел. В летописи были перечислены по именам еще шесть князей, пошедших вместе со Святославом Киевским. В «Степенной книге»

все эти имена скрыты за формулой — «и иных князей шесть». Это сделано для того, чтобы скрыть южнорусский состав участников похода и создать впечатление, что поход и по составу участников был владимиро-суздальским. Далее идет довольно точный пересказ летописного описания похода, повторяющий даже явно ошибочную цифру летописи о 417 половецких князьях, захваченных в плен. Заканчивается рассказ следующими словами: «Сице преславно победу даруяй бог прово-славным, на поганяя враги ходящих по повелению старейшего им самодержателя, богохранимого Всеволода».

Так официальные книжники XVI в. зачеркнули гениальные строки «Слова»: «...отец их — Святослав грозный, великий киевский грозою бьет притрепал своими сильными плъкн и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльмы и яругы, взмути реки и болота... А поганого Кобяка из луку моря от железных великих полков половецких яко вихрь, выторже... Ту немцы и венедици, ту греки и морава поют славу Святославлю...».

«Степенная книга» «славу Святославлю» переписала на «самодержца» Всеволода Суздальского.

Теперь предстояло опровергнуть другой, недопустимый с точки зрения составителей «Степенной книги» момент «Слова» — прямой упрек Всеволоду в равнодушии и бездействии по поводу поражения князя Игоря. И вот вслед за описанием победы князей, якобы «ходящих по повелению... Всеволода», идет рассказ «О зависти Ольговичев и о милости Всеволожи»:

«Егда же сему позавидеша Ольгови внуцы, и кроме Всеволожа повеления, уповающе собою, идоша на половцы и многу сотвориша победу и за Дон устремишися в самые луки моря, хотяще до коньца победити их, забывше божие строение, яко же негде пишеть: „никто же уповая собою спасется“ и в Лукоморие словохотием приидоша и сами от половець победишися и без вести быша, донде же гостие нецый возвестишися на Руси, благосердый же самодержець Всеволод умилосердися о них и, богом подвижаем, сам подвижеса на половцы, всячески тыщашеса свободити плененных своих. Половцы же и с вежами своими бежа к морю».

Вот, оказывается, как было дело. Автор «Слова» лукавил, когда писал о Всеволоде: «Не мыслю ти при-

летети издалеча отня златастола поблюсти». Всеволод тотчас пошел выручать Ольговичей, т. е. Игоря и его родичей, когда, «позавидеша» Всеволоду и «кроме его веления», они пошли на половцев. Связь между именем Всеволода и походом Игоря, родившаяся в мозгу автора «Слова», — «не мыслю ти прилетети издалеча...» — нашла, как видим, в XVI в. отклик в виде решительного опровержения. Интересно, что слова «половцы же и с вежами своими бежа к морю», заключающие вымышленный рассказ о походе Всеволода на помощь Игорю, сами по себе не вымышлены. Они взяты составителями «Степенной книги» из рассказа Лаврентьевской летописи о походе Всеволода на половцев в 1199 г. Это ясно показывает, насколько сознательно, с какой тонкостью в стремлении создать впечатление правдоподобия проводили составители «Степенной книги» подмену подлинных фактов желательной для них версией.

Книжники XVI в. решили защитить от обвинений в бездействии, выдвинутых в «Слове», еще одного князя, который так же, как и Всеволод, в действительности не имел к этому событию никакого отношения и только по воле автора «Слова» оказался вместе со Всеволодом в числе князей, очерченных широким кругом авторского к ним обращения.

Цитированный выше рассказ о том, как Всеволод ходил выручать Ольговичей, продолжен таким образом: «...князь же Романь Мстиславичь Галичский, внук Изяславль, правнук Мстислава Владимировича Маномаша, взя вежи половецкия и множеству плена христианского возврати».

На вопрос — почему из трех «больших» князей, к которым обращался автор «Слова», в «Степенной книге» дано отпущение «греха» только Роману и Всеволоду, а Ярослав Осмомысл не упомянут — ответ дан в самом тексте: Роман потомок Мономаха. К тому же он родственник Всеволода по жене.

Отношение между «Словом о полку Игореве» и легендой о Всеволоде такое же, как между голосом и эхом. Второе не может возникнуть само по себе — оно отголосок первого, но отголосок искаженный.

Поход Игоря Святославича на половцев в 1185 г. относится к числу тех военно-исторических событий, громкая слава которых создана не мечом, а пером.

Таких походов перечислено в русских летописях не одна сотня. «Частный факт военной неудачи» — вот что такое, по справедливому выражению Н. К. Гудзия, поход Игоря в степь. И тем не менее в истории Древней Руси не много таких военных событий, к которым в течение веков было бы приковано столько пытливого внимания, сколько к незначительному походу Игоря. Такова сила художественного слова, «свивающего славу».

Автор «Слова» был первым, кто в описании данных событий поднялся до понимания общерусских задач и интересов.

Важно подчеркнуть, что придание походу Игоря значения центрального события русской жизни и установление связи между этим походом и именами таких русских князей, как Всеволод Суздальский, Роман Волынский или Ярослав Осмомысл, является результатом индивидуального творческого акта художника — автора «Слова о полку Игореве», существует только в рамках его произведения и только для тех, кто его читал.

Официальные книжники XVI в. признали силу «Слова о полку Игореве» самим фактом того, что в выборе материала для своего построения пошпи не за действительностью и документами, а за автором «Слова», выбравшим поход Игоря основой своего повествования. Не считая возможным пройти мимо «Слова», они выступили против изображения его автором трех весьма значительных героев. Если он гиперболизировал роль Святослава Киевского в происходивших событиях, то они ее вовсе зачеркнули. Если он с укоризной в бездействии обращался к Всеволоду и Роману, то они сочинили версию об их решающем участии в событиях.

«Слово о полку Игореве» не только в этих пунктах, но и в целом должно было прийтись не по душе составителям «Степенной книги». Оно наиболее ярко из всех памятников древности запечатлело картину разобщения и междоусобиц, которую сочинители «Степенной книги» старались скрыть и заменить картиной единой державы. Оно возмущало их своим пренебрежительным отношением к Владимиру Мономаху, родоначальнику царствующего над ними дома.

Сказанное позволяет сделать вывод: появление в официальном памятнике XVI в. вымышленного рас-

сказа об исторических событиях XII в., являющегося прямой контрверсией «Слову о полку Игореве», сказа совершенно непонятного и немыслимого независимо от этого памятника, доказывает, что «Слово о полку Игореве» было хорошо известно составителям «Степенной книги».

Этим, кстати сказать, еще раз доказывается несостоятельность точки зрения о том, что «Слово» — подделка XVIII в.

Парламентаризму — нет!

Было в идеологической подготовке перехода к единовластию и другое, может быть, самое главное направление.

Поползновения собственных подданных на полноту царской власти могли найти опасное подкрепление в дурных, по мнению Грозного, примерах государственных устройств в других монархиях. Царя Ивана IV постоянно и неотступно преследовал кошмарный, в его представлении, призрак парламентаризма. Впрочем, только ли призрак?

Стоило царю обратить взор на Запад и перед глазами вставали те самые системы государственного устройства, которых он во что бы то ни стало хотел избежать в своей стране. В зависимом от дворянства положении находилась королевская власть в Швеции. Английская королева должна была обсуждать свои государственные дела в парламенте. От воли парламента во многих важнейших вопросах, таких как финансы, объявление войны и заключение мира, зависели и французские короли. Различного рода палаты и форумы управляли республиками в Италии.

«А о безбожных языцах, что и глаголати! — пишет царь Курбскому. — Понеже те все царствами своими не владеют: како им повелят работные их, и тако владеют». По мнению Грозного, от такого порядка (ограничивающего власть самодержца) хорошего ждать не приходится. «...А в государственной воле подданным взгоже быти, а где государственной воли над собой не имеют, тут яко пьяны шатаютца и никоего же добра не мыслят». Только сильная власть самодержца может, как утверждает царь, спасти страну от междоусоб-

ных войн: «Аще убо царю не повинуются подвластные, никогда же от междоусобных брани не перестанут».

В шести словах Иван Грозный сумел выразить основную социальную сущность своего отрицания представительной системы правления: «Тамо особь каждо о своем печеся...». Вот в чем, по его убеждению, корень зла всякой демократии. Соответственно единовластие государя, неподвластного чьим бы то ни было частным или сословным интересам, является единственной действительной гарантией соблюдения всегда и во всем только общегосударственных интересов. Самодержавие — истинный представитель не «особь каждого» и не отдельных сословий, а «всей земли». «Со дня творения» самодержавия устами первого царя высказано утверждение, которое затем будет постоянно внедряться в сознание поколений царских подданных, утверждение о надклассовой сущности самодержавной власти, являющейся будто бы представительницей всенародных интересов. Неограниченная власть оказывалась, таким образом, воплощением столь желанной всеми «правды».

Царь искренне верит, что народовластие или хотя бы его подобие — нечто безобразное по сравнению с властью самодержца, руководимого одной лишь силой провидения. «Мы же уповаем на милость божию... и, кроме божия милости и пречистыя Богородицы и всех святых, от человек учения не требуем, ниже подобно есть, еже владети множества народа от инех разума требовати».

Грозный «убивает» Курбского иронией, заключенной в вопросе: «Ино се ли совесть прокаженная, яко свое царство во своей руце держати, а работным своим владети не давати? Или се ли сопротивен разумом, еже не хотети быти работными своими обладанному и овладеющему?».

Немало полемических усилий затратил Иван Грозный на доказательства тезиса: и церковь тоже не смеет покушаться на государственную власть. «Или мниши сие быти светлость и благочестие, еже обладатися царству от попа невежи, от злодейственных и изменных человек, и царю повелеваему быть? — с явным сарказмом спрашивает царь Курбского. — Нигде же обрящещи, еже не разоритися царству, еже от попов владому».

Он приводит множество примеров гибели различных царств, где управляли священники — «попы». Из-за них, утверждает Грозный, погибли Израиль, Рим и Византия. Обзор примеров на эту тему он заключает выводом: «Смотри же убо се и разумей, каково управление составляется в разных начелех и властех, понеже убо тамо быша царие послушные епархом и сикклитом, и в какову погибель приидоша, — пишет он Курбскому. — Сия ли убо нам советуеши, в еже таковой погибели приитти?».

По мнению Грозного, православная вера исключает поддержку церковью притязаний подданных государя на власть. «И се ли православие пресветлое, еже рабы обладающему и повеленному быти?».

Всемирная история была для Грозного неистощимым арсеналом аргументов против ограничения власти монархов, к которому он неустанно обращался. В первом послании Курбскому царь в наиболее законченном виде излагает свою собственную историческую концепцию всемирной истории от империи Августа до падения Константинополя. В ней все подчинено единой мысли, все служит доказательству главного опыта мировой истории, как его понимал Грозный: при единодержавии царства процветают, при самоуправстве знати они падают.

Но Иван Грозный опасается не только «самоуправства знати», он опасается попыток ограничения единодержавия со стороны более широких социальных слоев, чем феодальная верхушка. Его представление о надклассовом (надсословном, поскольку понятием «класс» он не располагал) характере самодержавной власти имеет своей оборотной стороной представление о надклассовом (надсословном), всеобщем характере оппозиции, способной угнездиться в любых слоях общества. Угрозу самодержавию, как это очевидно из его сочинений разных лет, Грозный видит со стороны различных сил.

Одна из них — удельная фронда, выступающая с позиций старинных прав, привилегий и обычаев, с позиций «вчерашнего дня». Поскольку борьба против «ленивых богатин» и «изменных бояр» находила понимание и поддержку всех неаристократических слоев населения, царская пропаганда сознательно «обояривала», именовала боярскими доброхотами и соучастни-

ками боярских заговоров всех, кого обвиняла в измене или «не прямой» службе царю. Этот маневр имел успех не только у современников Ивана Грозного, но и у ряда историков.

Самодержавие видело перед собой и другую фронду, иного социального происхождения, с иными социальными целями. Слой недовольных то и дело порождала служилая масса с ее постоянными требованиями жалования и притязаниями на земли, на привилегии, с ее стихийными вооруженными выступлениями, с ее мятежными колебаниями в моменты выступлений царского войска в походы. Служилая масса была главной политической и военной опорой самодержавия, его социальной базой. Именно поэтому ее необходимо было организовать и укрепить. Иначе говоря, служилая масса с точки зрения самодержавия нуждалась не только в хорошем «корме», но и в «обуздании», в приведении к полной покорности, наподобие верного боевого коня, который несет своего седока, подчиняясь каждому движению повода, хорошо «чуя господскую волю». Чтобы добиться такого положения, необходимы были немалые усилия.

Из незнатного служилого люда Адашев и Сильвестр создали огромный и разветвленный аппарат государственных чиновников, воплощавший в жизнь политику реформ фактического правительства. Между тем, как утверждает Грозный, приказный аппарат приобрел самодовлеющее значение и не был тем беспрекословно послушным рычагом в руках царя, каким он хотел его видеть.

В летописном рассказе об отъезде царя из Москвы и об учреждении опричнины неоднократно подчеркнуто, что он положил свою опалу не на одних бояр, но и на «околничих, на казначеев, и на дьяков, и на детей боярских, и на всех приказных людей». Формула «все приказные люди» без единого случая пропуска слова «все» фигурирует в этом рассказе шесть раз в одном и том же контексте: все они «делали измены и ... были государю не послушны». Именно поэтому царь отобрал для себя новый аппарат — бояр, «дворян ближних», приказных людей, дворян и детей боярских «выбором изо всех городов», которым приказал ехать с собою в Слободу, в новый «особной» двор.

Нельзя рассматривать изолированно от проблемы взаимоотношений царя со служилой массой постоянные нападки Ивана Грозного на государственное устройство Польши. Польша, непосредственный сосед Московского государства, была образцом полного бессилия короля перед шляхтой, «страной классической феодальной разнузданности, где „вольное“ анархическое вето шляхтича-одиночки, — как отмечал И. И. Полосин, — срывало любую благодетельную для государства реформу». Король на польском престоле был не «помазанник божий», а избирался шляхтой.

По этой причине польский король Сигизмунд II Август был главным объектом нападков и презрительных насмешек царя: «...еже ничем же собою владеюща, но паче худейша худейших рабов суща, понеже от всех повелеваем, а не сам повелевая...», — так писал о нем царь в 1564 г. в своем «ответчании» Курбскому. Так же писал он и самому Сигизмунду II от имени боярина М. И. Воротынского в 1567 г. В послании, написанном царем пану Григорию Ходкевичу от имени того же боярина М. И. Воротынского, варьируется та же тема.

Едва только Грозному в 1581 г. показалось, что нанесший ему поражение в Ливонии новый польский король Стефан Баторий испытывает трудности и что военное счастье может ему — Баторию изменить, как он тотчас включает в свое послание к нему (в котором добивается мира!) иронический намек, указав в своем титуле: «...царь и великий князь всеа Русии... по божию изволению, а не по многмятежному человечества хотению...».

Все эти уничижающие, по мнению Грозного, характеристики польских королей, не обладающих властью над своей шляхтой, отнюдь не были беспочвенными и преувеличенными. Еще до конституции 1505 г. польский король ничего не мог предпринять без вольного сейма, сообщает И. И. Полосин. Сигизмунд II Август в те самые годы, когда Грозный установил опричнину, тщетно боролся с сеймом — с вельможами и шляхтой за право создать свои собственные королевские владения. Люблинский сейм 1569 г. вынудил его отказаться от идеи создания «опричных», т. е. не контролируемых сенаторами (боярами) и сеймом (шляхтой) владений.

С полным презрением относится Грозный и к шведскому королю: «А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичий род, а не государьской». Царь Иван ни за что не хотел быть «старостой в волости», каковым представлялся ему король шведский, замечает И. И. Полосин.

В письме, написанном в 1570 г. английской королеве Елизавете, Грозный, пожалуй, наиболее четко формулирует свое абсолютное и бескомпромиссное неприятие системы правления, вынужденной считаться с парламентом: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь, и своей государьской чести смотришь, и своему государству прибытка... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не только люди, но мужики торговые, и о наших о государьских головах, и о честех, и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица». Раздражение Грозного было столь велико, что не нашло для себя выхода в одной лишь брани. «А мужики торговые, которые оставили наши государьские головы, и нашу государьскую честь, и нашим землям прибыток, смотрят своих торговых дел, и они посмотрят, как учнут торговати. А московское государство покаместо без английских товаров не скудно было», — пригрозил он английским купцам.

Гнев Грозного против английских парламентариев — «торговых мужиков» отнюдь не был свободен, очевидно, от опасения, как бы на подобное вмешательство в «государьские дела» не покусились их партнеры — русские «торговые мужики».

Постепенно мужая и укрепляясь в убеждении, что он является единственным и непререкаемым властелином, наместником самого бога на русском царстве, Иван IV все более отчетливо вырабатывал в себе представление о том, что политический компромисс, в котором он вынужден был до поры до времени участвовать, являлся формой слияния разрозненных оппозиционных сил воедино, сговором его политических противников между собой. Адашев и Сильвестр, энергично старавшиеся «примирить к себе» виднейшие княжеские роды, защищавшие интересы служилых людей и верхов посада, неизбежно должны были стать и стали для Грозного, фанатически стремившегося к установлению дей-

ствительного самодержавия, лютейшими врагами, «всего зла соединителями». Четко и ясно сформулировал царь в письмах к Курбскому суть своего конфликта с ними: «Ни едины власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша. Посем же с тем своим единомысленником от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша... ничто же от нас пытая, аки несть нас, вся строения и утверждения по своей воле и своих советников хотение творяще», «... всю власть с меня снясте, и сами государилися, како хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел...». Между этими заявлениями прошло тринадцать лет. Первое относится к 1564-му, второе — к 1577 г. Как видим, его обвинения в адрес бывших советников не изменились ни на йоту.

Грозный утверждает, что по сути был уже сведен своими советниками на положение, подобное положению польского короля или любого другого монарха, власть которого ограничена его думцами: «Ибо убо сие свет, попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царствия честию почтенну быти, властью ничем же лутчи быти раба... Како же и самодержец нарицается, аще сам не строит?».

Как итог, как общий вывод всех обвинений царя против бывших своих советников звучат слова: «Понеже бо есть вина и главизна всем делом вашего злобесного умышления, понеже с попом положиште совет, дабы яз лиш словом был государь, а вы бы с попом во всем действе были государи: сего ради вся сия сключашася».

Итак, Иван Грозный обвиняет Адашева и Сильвестра в сговоре — утвердить в Русском государстве систему ограниченной монархии, где царь «почтен» лишь «председанием», обладает лишь номинальной властью, в то время как власть реальная находится в руках его советников. Вот в чем, по ясному и неоднократно его утверждению, «главизна всем делом». Вот в чем причина всего, что «сключашася» между царем и его бывшими советниками, причина распада политического компромисса и начала «войны» между ним и его подданными.

Не приходится искать для объяснения причин этой «войны» оснований более серьезных, чем борьба вокруг

вопроса — быть или не быть самодержавию. Здесь и лежит ключ к разрешению «загадки» опричнины.

Одновременно с высказываниями против всякого ограничения своей власти и неотрывно от них, Грозный говорит и о средствах для воплощения самодержавной власти и для ее защиты. Обоснование своего права на неограниченную власть он постоянно сопровождает обоснованием права самодержца на неограниченный террор.

Власть, по мнению царя, должна внушать всем покушающимся на нее страх. «Хощеш ли бо не бояться власти? Благое твори; аще ли злое твориши — бойся, не туне бо меч носит, в месть убо злодеям, в похвалу же добродеем», — пишет он Курбскому.

Бояться власти должны все подданные независимо от их общественного положения: «...дати слабость вельможе — ино и простому», — поучает царь. Он делит подданных только на две категории: на «благих» и на «злых», на преданных ему и на изменников. Жалование первых и наказание вторых — главная добродетель христианского царя: «... а наш государь, его царское величество, как есть государь истинный и православный христианский ... и благим жалование подает, а злых наказует».

Грозный вовсе не считает себя, как это принято утверждать, врагом боярства как такового. Бояре, как и все прочие группы и сословия подданных, делятся на «наших» бояр, «угодных», т. е. преданных, и «наших» же бояр, но мятежных и изменных: «И тако ли доброхотно подобает нашим боярям и воеводам нам служити, еже такими собраниями собацкими, без нашего ведома, бояр наших побивати, да еще в черте кровной нам». Итак, «нашими» обязаны быть все, но не все таковыми являются на самом деле.

Необходимость государственного террора для утверждения власти самодержца Грозный подтверждает ссылками опять-таки на международный опыт и опыт истории. «А в ыных землях сам узриши, елика содеваетца злым злая: тамо не по здешнему! То вы своим изменным обычаем утвердили изменников любить, а в ыных землях израдец не любят: казнят их да тем и утверждаютца...», — пишет царь Курбскому в 1564 г. «А государь наш, как есть государь правый христьянский, всех жалуует по достоинству и по службам, а го-

сударство свое бережет крепко от всякого лиха, а виноватых и израдец везде казнят», — повторяет он в послании к Сигизмунду II Августу от имени боярина И. Д. Бельского в 1567 г. «А и во всех землях зрадцов казнят», — вторит он себе и в послании Г. А. Ходкевичу от имени боярина М. И. Воротынского.

Вековая история Руси также неоднократно используется Грозным для обоснования права государя на террор: «А наши великие государи, почен от Августа кесаря обладающего всею вселенною, и брата его Пруса и даже до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя его царьского самодержьства, все государи самодержьцы, и никто же им не может указу учинити и вольны добрых жаловати, а лихих казнити».

В подобных заявлениях царя о том, как якобы выглядела история московских государей, звучат прямые указания официальным книжникам, как им следует изображать прошлое Руси.

Подтверждение своему тезису о том, что подданных надо держать в постоянном страхе, Грозный находит и в писаниях церковных авторитетов: «Яко же рече апостол: „Овех убо милуеши разсужающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе“. Видишь ли, яко апостол страхом повелевает спасати?» — далее он ссылается на Иоанна Златоуста, Афанасия Великого и апостола Петра.

Послание Курбскому идеологически подготавливает переход к политике неограниченного самодержавия, опирающегося на специальный аппарат осуществления царской воли с помощью неограниченного террора против всех «безсогласных». Царь очень ясно определил, в чем состоит основное содержание письма Курбского к нему: «Все бо едино, обращая разными словесы, во своей бо составной грамоте писал еси, похваляя еже рабом мимо господий своих владети». Соответственно он резюмирует суть своего ответного послания: «Тщуже ся со усердием люди на истину и на свет наставити, да познают единого истиннаго бога... и от бога данного им государя».

УСТАНОВЛЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ

Конец правительства компромисса

Опричнина... Характеризуемая этим словом система политических и экономических мер, потрясшая современников и оставившая по себе громкую, хотя и разноголосую славу в веках, — была важнейшим делом жизни Грозного царя.

Изучение исторических явлений начинается обычно с изучения их корней, уходящих в прошлое. Исследование опричнины оказалось в этом смысле в исключительном положении. Некоторые историки полагали, что у опричнины корней в прошлом не было, поскольку она являлась творением искусственным, возникшим по маниакальной прихоти царя Ивана IV. Другие объясняли ее появление единственной причиной — усилением борьбы против утверждающегося самодержавия со стороны удельной фронды и необходимостью дать ей отпор. Объяснение, как показывают факты, по меньшей мере недостаточное.

Такому подходу к изучению опричнины способствовало традиционное представление, берущее начало в сочинениях А. М. Курбского, будто предшествующий ей исторический период во всех отношениях опричнине только противостоял, подобно тому как добро противостоит злу, а солнечный свет кромешной тьме.

Что же касается руководителей фактического правительства — Адашева и Сильвестра, их опять же с легкой руки Курбского изображали некими антиподами опричной политики и, само собой разумеется, отсекали от всякого участия в формировании идеи опричного порядка. Да и сам Иван IV того периода изображался по этой схеме абсолютным «антиподом самому себе».

Период деятельности правительства компромисса и в самом деле может быть охарактеризован как пе-

риод многих благотворных реформ, которые в памяти большинства современников и потомков не могли не вызывать одобрения. Вместе с тем многие реформы и установления фактического правительства, направленные на укрепление централизованного государства, объективно явились ступенями, которые в перспективе вели к опричнине, создавали предпосылки и условия для перехода к ней.

Уложение о службе 1556 г. установило прямую зависимость земельного обеспечения служилого человека от государевой службы. Без этого переход к земельной политике опричнины был бы невозможен. Установление прямой зависимости между «количеством» службы (один вооруженный воин со 100 четвертей земли и т. д.) и земельным владением служилого человека любого ранга неизбежно влекло за собой зависимость между «качеством» службы — верностью, преданностью, храбростью и тем же земельным владением.

С. Б. Веселовский был прав, считая недоразумением то, что некоторые историки ставят знак равенства между «испомещением» под Москвой тысячи «лутчих слуг» в 1550 г. и созданием опричного корпуса. Охранных, карательных и прочих специфических функций опричнины эта тысяча и в самом деле не имела, тем не менее не следует разрывать прямую связь между нею и созданием в опричные годы корпуса избранных царских дворян. Это разные ступени одной лестницы. Указом 1550 г. был заложен принцип, который лег затем в основу формирования опричного корпуса, принцип «выбора из всех городов» «лутчих слуг», выбора, свободного от оглядки на родовитость княжат, на заслуги старомосковских родов. Дворяне «по выбору» рекрутировались в основном из неименитых городских служилых людей. Многие тысячники 1550 г. влились позднее в опричный двор Грозного. Они занимали высшие должности на государственной службе и в войске, они, как отмечал А. А. Зимин, были представителями той социальной среды, на которую опиралась Избранная рада и которая впоследствии поставляла основные кадры для войска опричников.

Фактическое правительство провело значительную реорганизацию царской военной и административной служб. Мероприятия в этой области можно разделить на два основных вида: первый — превращение всего

класса землевладельцев независимо от размера владений и родового достоинства в служилую массу, второй — создание конкретных форм централизованного военного и административного управления.

Создание в конце 40-х гг. Челобитенного приказа придавало всей системе взаимоотношений подданных с государством и государства с подданными законченный вид. Было декларировано и внедрено в практику положение, при котором государственная власть становилась могучим союзником любого жителя страны против сановника любого ранга, допустившего злоупотребление. Соответственно и «все христиане», «кто ни буди», становились союзниками верховной власти, проникались верой в ее высшую справедливость. Таким образом, уже здесь, в начальный момент становления царизма, в народную почву были заброшены зерна наивной веры в «царя-батюшку».

Вместе с тем основание Челобитенного приказа таило в себе отрицание того самого сословно-представительного начала в устройении государства, к которому стремились многие участники политического компромисса. Существование Челобитенного приказа создавало впечатление, будто справедливость и правду для всех обеспечивает сам царь с помощью назначенной им для этого администрации. И чем прямее будет путь до царя, чем менее плотно будет он окружен всевозможными «думами» и «палатами», состоящими в основном из тех же «богатых» и «сильных», которые «чинят всяческие продажи» людям «низшим», тем ближе к защите своих интересов эти «низшие» окажутся. Если царь — источник справедливости для всех подданных, всякое ограничение его власти явится ограничением его возможностей эту справедливость творить, будет на руку тем же «сильным» и «богатым». Подобного рода представления московских посадских людей сыграли не последнюю роль в том, что в момент установления опричнины царю так легко удалось поднять их на свою защиту против всех покушавшихся, как он утверждал, на его единовластие — против Боярской думы, против правительственных чиновников и даже против церковных иерархов.

Ярко выраженный противоречивый характер имели и публицистические выступления руководителей фактического правительства. В них постоянно соседствуют

мотивы непомерного возвеличения царя в качестве самодержца с мотивами ограничения самовластия «мудрыми советниками», всяческого обуздания царской воли. «Со страшным и грозным запрещением» обращался Сильвестр к царю в своем послании, выдвигая всевозможные ограничения самовольству и свободе поведения царя. Органом воспитания и удержания царя в узде должна была стать его «верная дума», без которой он не должен был делать ни шагу.

Наряду с этим участники политического компромисса хотя и с различных позиций, но неустанно укрепляли и словом и делом авторитет царя-самодержца. Царь — помазанник божий и высший судья, именем которого можно удерживать в послушании и «простое всенародство», и военно-служилую массу, царь — справедливый заступник «низших» против «сильных», способный противостоять их произволу. Царь — символ и олицетворение единого государственного начала, представитель страны во внешних сношениях.

Призывы Адашева и Сильвестра, направленные на то, чтобы одновременно с усилением самодержавия его ослабить, «встроить» в него препятствия, ограничивающие установление единодержавной власти царя, носили идиллический, точнее сказать, утопический характер. Напротив, усилия, направленные на укрепление самодержавия, независимо от различных субъективных намерений и устремлений тех, кто их предпринимал, вливались в единое русло, в единый процесс реального укрепления царской власти.

Кто бы позднее не «нашептал» царю идею создания опричнины, Алексей Басманов или жена-черкешенка Мария Темрюковна (подобные объяснения «корней» опричнины встречаются в литературе), впервые эта идея была высказана публицистами правительства Адашева—Сильвестра—Ивана IV. В «Сказании о Магмете-салтане» — произведении, несомненно близком А. Ф. Адашеву, — прямо говорится о необходимости создать специальные воинские части для охраны внутренней безопасности государства. } «Царь же турецкой умудрился на всяк день по тысячи янычан при себе держит, гораздых стрелцов огненныя стрелбы, и жалование им дает, алафу по всяк день. Для того их близко у себя держит, чтобы ему в его земли недруг не явился и измены бы не учинил. А иныя у него верныя любии-

мыя люди, любячи царя верно ему служат, государю про его царское жалование».

Предложенная здесь модель охранного корпуса, состоящего из преданных (за хорошую плату) воинов, во многом похожа на опричнину. Призыв к делению служилого сословия на «любимых», «верных» и на всех остальных, деления, сопровождавшегося особым царским жалованием, основой которого был земельный оклад, по существу предусматривает будущий опричный передел земельных владений в пользу «верных» и «любимых» за счет прочих — не усердных и не верных.

Фактическое правительство осуществило ряд практических мер в духе этих предложений, в том числе создание личной вооруженной охраны царя — трехтысячного корпуса стрельцов «огненные стрельбы».

Советники и воспитатели царя — Сильвестр и Адашев — объективно внесли немалый вклад в обоснование будущего опричного террора. Многократно (девять раз!) повторенные в «Сказании о Магмете-салтане» призывы к государю быть грозным, казнить и жечь провинившихся подданных были усвоены и подхвачены автором «Большой челобитной», а затем претворены в жизнь царем Иваном Васильевичем. «Никогда еще литература не играла такой огромной роли в формировании действительности, как в XVI веке», — справедливо замечает Д. С. Лихачев.

Насквозь проникшись убеждением в земных и небесных основаниях своего единодержавия, царь, что вполне естественно, пошел значительно дальше своих учителей. Прибегая к известному сравнению, можно сказать, что деятели периода политического компромисса — прежде всего Адашев и Сильвестр — высадили в «цветочном горшке» политического компромисса зерно баобаба. Зерно это упало на исключительно благодатную почву, ибо самодержавие — неограниченная центральная власть монарха — более других государственных форм соответствовала реальным социально-экономическим и политическим условиям развития страны. Это привело к неизбежным последствиям: политический компромисс треснул и распался...

Укрепившийся самодержец видел все большую помеху и угрозу своему единовластию в союзниках по политическому компромиссу, в системе «мудрого со-

вета», выступавшего и вершившего управление государством от имени интересов «всей земли».

По мере роста и укрепления аппарата и служб централизованного государства все явственнее вставал вопрос — в чьих руках будут находиться рычаги управления. До момента раскола политического компромисса они сосредоточивались в руках у Адашева и Сильвестра. Именем царя они правили страной, намечали и проводили внешнюю политику. Несогласие царя с их внешнеполитическим направлением стало одним из главных поводов для разрыва между ним и его советниками. Это был первый случай, когда царь высказал собственный взгляд по важнейшему политическому вопросу. Адашев, Сильвестр и их сторонники считали необходимым продолжить активную внешнюю политику на востоке и на юге, царь устремил взор на Ливонию. Тот факт, что расхождение во взглядах привело к скорому разрыву и к вражде царя с бывшими советниками, показывает, что к 1558 г. царь как политическая сила достаточно окреп для того, чтобы занять и отстаивать самостоятельную политическую позицию.

Причина разрыва и яростной, не оставлявшей Ивана Грозного до гробовой доски ненависти к своим бывшим советникам и к их единомышленникам была значительно глубже, чем то или иное конкретное расхождение даже по весьма важному политическому вопросу. Царь формулировал эту причину неоднократно. Речь идет о бескомпромиссной войне, объявленной самодержавием в лице первого царя Ивана IV политическим силам, которые олицетворяли тенденцию ограничения самодержавия той или иной формой представительства. Власть на местах, отданная на откуп выборным «чинам», — где «излюбленным» старостам, избранным «от простого всенародства», а где и дворянским губным старостам, — как бы изымалась из царских рук. Логика развития земских учреждений и созданных по всем градам и весям судов, являвшихся представительными учреждениями в миниатюре, вела в перспективе к становлению и укреплению представительных учреждений и в высших сферах государственной власти.

Сохранение положения царя в качестве почетного подопечного своих советников — положения, сложившегося в период его юности и политической незрелости, —

грозило стать нормой взаимоотношений царя с его правительством. Дальнейшее развитие централизованного государства в условиях сохранения этого положения вело бы ко все большему закреплению несамостоятельности царя в управлении страной, к той или иной форме раздела власти между государем и его подданными. Формы подобного раздела в изобилии демонстрировала Европа. Наиболее пугающим Грозного примером неполновластия монарха была Польша, где шляхта фактически управляла страной. Предотвращение такого развития требовало решительных действий. И царь «за себя встал».

Подготовка и проведение опричного переворота

Выехав в декабре 1564 г. из Москвы в Александровскую слободу, царь объявил, что покидает свое царство потому, что «бояре и все приказные люди» чинили всяческие убытки и населению страны, и государству, а «понаказати» их ему мешали.

«И в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, так же и служилых князей и детей боярских похочет которых в их винах понаказати и посмотретьи, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, сложася с бояры, и з дворяны, и з дьяки, и со всеми приказными людьми, почали по них же государю царю и великому князю покрывати».

Далее в сообщении летописи об установлении опричнины четыре раза повторен ультиматум царя всем перечисленным духовным и светским чинам. Исполнение его было единственным, но непременно условием его возвращения на царство: «Хто будет государские лиходеи которые изменные дела делали, и в тех ведает бог да он, государь, и в животе и в казни его государская воля...», и чтобы царь «государствы владел и правил. яко же годно ему...».

Нетрудно заметить, что те же самые тезисы порой в дословных формулировках царь излагал в письме Курбскому.

Можно сказать вполне определенно: в летописном рассказе об учреждении опричнины и в самом указе об ее учреждении, переданном летописью, нет ни единого тезиса, ни единой мысли, которые не были бы уже

высказаны в политической публицистике, прежде всего в сочинениях самого царя. Иначе говоря, указ об учреждении опричнины, излагающий причины, вынудившие царя на эту меру, является документом, завершающим идеологическую подготовку опричнины, начатую еще в «Челобитной», написанной от имени Пересветова. Вместе с тем этот указ открывает новую полосу апологии опричнины как опоры самодержавия, оправдания ее в качестве учреждения.

Соответственно в более поздних сочинениях царя тезисы и формулировки, обосновывающие введение и поддержание опричного порядка, будут повторяться в целях утверждения и оправдания уже происшедшего перехода к единовластию.

Теория (апология) самодержавия Ивана Грозного, формулированию и отстаиванию которой он уделил столько внимания, пронизана идеей опричнины. Она предполагает разделение государевых слуг на тех, кто «служует близко», и на тех, кто не столь надежен и «служует отдалее». Первые «служуют близко» к царю для того, чтобы охранять его от «лиходеев», чтобы неусыпно и беспрекословно выполнять царскую волю, быть по существу аппаратом ее воплощения.

Мысль царя о методе создания такого аппарата и до учреждения опричнины и во время ее существования работала в одном направлении. Корпус верных слуг, с помощью которых можно защитить себя и свою власть от покушений окружающих его и ненадежных «сигклитов», следует пополнять из худородных низов. Сам факт возвышения служилого человека «из грязи в князи» должен, по мнению Грозного, навечно привязать его к царю как верного и преданного слугу. Наиболее ярко ход мыслей царя проявился как раз в тех случаях, когда он сетовал на то, что эти «новые люди» обманули его ожидания. Вспомним, как объясняет царь задним числом накануне опричнины обстоятельства возвышения А. Ф. Адашева. «Нам же такая измены от вельмож своих видевше, и тако взяв его от гноища и учиних с вельможами, а чаючи от него прямые службы». Абсолютно по той же схеме излагает он в письме к Василию Грязному в 1574 г. причину приближения к себе как самого Грязного, так и других опричников из «худородных»: «...ино что по грехом моим учинилось (и нам того как утаити?), что

отца нашего и наши князи и бояре учили изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды».

Отсюда отнюдь не следует, что Грозный создавал свой аппарат власти из одних худородных. В опричнине на самых высоких постах служили и родовитые князья. Важно, однако, другое. Родовитые в опричнине были «прослоены» худородными. Такая система снижала значение родовитости как таковой и поднимала до небывалой в прежние времена высоты людей, взятых из служилой массы, порой из самых ее низов.

Переход к единодержавию произошел не сразу. Первым шагом в этом направлении был разгром верхушки фактического правительства, изгнание и осуждение Адашева и Сильвестра.]

Источники единогласно говорят о том, что уже к 1560 г. царь в борьбе против своих бывших союзников опирался на крепко сплоченную когорту преданных ему людей и на вполне надежный вооруженный отряд, состоявший из «лутчих слуг». Именно тогда царь, по выражению А. Курбского, «учинив уже окрест себя яко пресильный полк сатанинский». Уже тогда будущие опричники осуществляли террор против сторонников Адашева и Сильвестра. Весьма показательны, что обыск в доме умершего Адашева и арест его бумаг производил будущий опричник А. П. Телятевский. По свидетельствам Курбского и самого царя, многочисленных сторонников Сильвестра и Адашева преследовали и изгоняли из службы. Их заменяли преданными царю людьми. [В эти годы, следовательно, проходил интенсивный отбор новых слуг, нового состава царского двора, который стал в дальнейшем ядром опричнины.

В эти же годы складывался и своеобразный быт будущего опричного двора — шумные ежевечерние пиры сплоченной вокруг царя опричной братии.] На неугодных и ненадежных, в первую очередь на родственников и друзей членов Избранной рады, составлялись проскрипционные списки, в которых на равном положении опальных оказались представители титулованной знати, приказные и служилые люди. Начались казни. Все это вело к поляризации служилых всех рангов по отчетливо различимому признаку: «близкие» царю, верные, надежные люди и все остальные.

Важнейшим катализатором, ускорившим окончательный переход к единодержавию, была война в Ливонии. Она требовала сосредоточения командования в едином центре. В условиях войны едва ли не со всеми окружающими страну государствами отъезд с царской службы и переход на службу к другому государю, еще недавно считавшийся исконным правом служилого феодала, неизбежно становился прямой военной изменой. Война создавала благоприятную обстановку, для того чтобы обвинить в неудачах, поражениях и прочих тяготах, ложившихся на плечи населения, воевод, думных бояр, дворян и приказных людей. Захватив инициативу в такого рода обвинениях, царь и его верные слуги могли управлять всплесками народного гнева, придавая им угодное направление.

Что касается формы перехода к единовластию, она в значительной степени зависела от своего творца. Окажись на месте Грозного другой архитектор верхушечного политического переворота и перехода к реальному самодержавию, он, надо полагать, не придумал бы термина «опричнина»; возможно, обошелся бы без отъезда из столицы; вероятно, окружил бы себя другими Басмановыми и Малютами. Однако логика развития монархии в сторону установления единодержавия естественно и неизбежно вела к такому порядку, который по своей сути не мог быть ничем иным, кроме порядка опричного. В лице первого царя Ивана Грозного исторический процесс становления русского самодержавия нашел исполнителя, вполне осознававшего свою историческую миссию. Кроме его публицистических и теоретических выступлений об этом ясно свидетельствует точно рассчитанная и с полным успехом проведенная политическая акция учреждения опричнины.

До сих пор шла речь о долговременных факторах вызревания опричнины. К ним относятся и объективные моменты социально-политического развития Московского государства, и субъективные — такие, как постепенное превращение царя Ивана IV в творца опричнины Ивана Грозного, и такие, как многолетняя публицистическая борьба в пользу установления единодержавия. Это долговременное вызревание перешло в свой завершающий этап — в подготовку внутриполитической акции — верхушечного государственного пере-

ворота с целью установить полную и твердую власть царя-самодержца. Конкретное наименование созданного в результате этого переворота порядка на его начальном этапе — *опричнина*. Более общее имя он получил позднее, в эпоху подведения итогов исторического пути самодержавия, в эпоху революционной борьбы против него — *царский режим*.]

Концепции, так или иначе принижающие масштаб и значение опричнины, неизбежно приходят в противоречие с основным источником для изучения опричного переворота — с рассказом летописи, записанным по свежим следам событий. Во всяком случае, рассказ об учреждении опричнины написан до того, как термина «опричнина» в официальных документах стали избегать. Написан, следовательно, в то время, когда всякий, кто бы его ни прочитал, мог соотнести написанное с фактами, запечатленными в его памяти. Это в какой-то мере вынуждало составителей рассказа соблюдать внешнюю достоверность и сообщать основные факты в общеизвестной последовательности. Тем не менее не следует абстрагироваться от того, что в летописи перед нами картина, соответствующая действительности лишь в той мере, в какой саму эту действительность желал видеть царь. Вполне понятно, царь хотел, чтобы события разворачивались по задуманному им плану. Это значит, что летописная (царская) версия об опричном перевороте является источником не только для изучения того, как осуществились планы и расчеты царя, но и для изучения самих этих планов и расчетов.

Между тем отъезд царя из Москвы 3 декабря 1564 г. подчас предстает в нашей историографии как паническое бегство насмерть перепуганного человека, не отдающего себе отчета даже в том, куда ему направить свои стопы. Не прошло и полугода, пишет Р. Г. Скрынников, с тех пор, как Грозный бросил Курбскому горделивую фразу о вольном российском самодержавстве. И вот наступил жалкий финал. Самодержец и помазанник божий был «изгнан» от своего достоинства своими холопами — боярами и «скитался» по странам.

Источник, из которого взяты поставленные в кавычки слова, не имеет отношения к событиям 1564 г. Для того чтобы подчеркнуть «невыносимые душевные

и телесные страдания... отчаянное одиночество... страшное потрясение», которое, по его мнению, пережил Грозный после отъезда в слободу, Скрынников привлекает к оценке событий декабря 1564 г. духовное завещание царя, написанное в 1572 г. при совершенно других обстоятельствах.

Р. Г. Скрынников полагает также, что при отъезде из Москвы у царя не было определенного плана. Во всяком случае, он не думал ехать в Александровскую слободу. В рассказе летописи действительно говорится, что царь, «не хотя... многих изменных дел терпети, оставил свое государьство и поехал, где вселиться, иде же его, государя, бог наставит». Из всего контекста летописного рассказа, однако, ясно, что царь хотел создать такое впечатление, будто изменники вынудили его оставить царство и бежать куда глаза глядят. Вспомним, что к угрозе оставления царства Грозный с целью политического шантажа прибегал неоднократно. Сам Р. Г. Скрынников называет этот прием обычным. Рассказывая об обстоятельствах назначения в 1581 г. царевича Федора наследником, исследователь пишет, что Грозный прибегнул к обычной для него политической игре: он объявил думе, что намерен сложить сан и уйти на покой в монастырь.

Подоплеку подобного рода «побегов» царя раскрывает П. А. Садиков, напомнивший, что в 1567 г. царь будто бы вознамерился бежать с семьей в Англию, но вместо этого энергично принялся за искоренение своих изменников.

Во всех случаях такого рода следует, по нашему мнению, интересоваться не тем, собирался ли царь в самом деле куда-то «бежать» с престола, а тем, что он делал «вместо этого». Что касается событий декабря 1564 г., то доверять версии царя о его намерении бежать, «куда бог наставит», и вовсе не приходится.

Иван IV, конечно, не думал никогда и ни на одну минуту отказываться от власти, совершенно справедливо писал историк И. И. Полосин. Трезвый политический расчет, а не истерика обнаружилась в попытке Ивана IV «покинуть царство», замечает исследователь.

И в самом деле. Перед отъездом из Москвы царь в течение двух недель самолично изымал в церквях и монастырях Москвы «святость» — самые ценные иконы, драгоценную церковную утварь. Изъятие церковных

ценностей происходило к величайшему неудовольствию священнослужителей. Иначе, естественно, и быть не могло. Но Грозный был готов к тому, чтобы этим неудовольствием пренебречь. Он не опасался, что церковники сумеют возмутить против него население столицы. Это значит, что он был уверен в своих действиях и еще до выезда из Москвы опирался на достаточно мощную силу, в первую очередь на свой «полк сатанинский». Корпус надежной личной охраны уже был тщательно «прибран» и сформирован. Источники единодушно указывают на то, что охрану царского поезда составляли многие сотни вооруженных до зубов дворян.

Распоряжение сопровождать царя вместе с женами и детьми получили многие ближние бояре, дворяне и приказные люди. В царское войско вошли дворяне и дети боярские «выбором из всех городов, которых прибрал государь быти с ним, велел тем всем ехать с собою с людьми, с конми, со всем служебным нарядом». Как видим, ядро нового двора, который через месяц будет окрещен опричным, и первые отряды опричного войска были сформированы царем еще в Москве, до отъезда. Все это требовало тщательной подготовки.

Сообщение о том, что «все приказные люди приказы государьские отставиша и град оставиша никим же брегом», — явное преувеличение, задача которого в том и состояла, чтобы сгустить краски в описании ужаса и смятения, охвативших все чины и всех жителей столицы после царского отъезда. В действительности никаких реальных признаков безвластия в течение целого месяца в таком огромном городе, как Москва, не сыскать ни в одном свидетельстве современников. Не случилось ни пожаров, ни грабежей. Царская пропаганда не получила ни малейшего повода обвинить царских «изменников» ни в чем, кроме их прежних провинностей, стародавних, времен малолетства царя, и более поздних, имевших место до его отъезда из столицы. Единственное, в чем бояре, дворяне, приказные люди и прочие «провинились» после царского отъезда, состоит в том, что они оказались «в недоумении». И еще в том, что от горя и от страха впали в полную бездеятельность.

По парадоксальной логике официозного летописца получается так: стоило царю удалиться, как изменники

«всех чинов» разом прекратили свою враждебную деятельность — изменять стало некому. Вместе с «множеством народа» они приходили к митрополиту и «от многого заклипания слезного» просили митрополита умолить царя вернуться на свое царство.

Все это говорит только об одном: о бессилии всякой оппозиции и о всеобщем парализующем страхе. Возникновение страха предполагает силу, которая его внушает. И, значит, такая сила у царя была.

Разумеется, исследователи не в состоянии восстановить ход мыслей Грозного в момент подготовки и проведения опричного переворота. Тем не менее не следует отказываться от попыток проследить логику политических действий царя, хотя С. Б. Веселовский и предостерегает историков от попыток представить себе замыслы и намерения «правителей и законодателей». «Ведь для того, чтобы установить причинную связь явлений и событий, — пишет этот исследователь, — необходимо предварительно установить факты и верно оценить их значение».

Но, во-первых, верно оценить значение фактов — это и есть не что иное, как установить между ними причинную связь. Во-вторых, если историк отказывается от объективного установления фактов, он вообще отказывает своей специальности в признании ее наукой.

Поэтому речь может идти только о том, какие факты можно считать объективно установленными.

Распоряжение царя своим приближенным о выезде зимой вместе с женами и детьми указывает на то, что место для их расселения было подготовлено. Сомнительно, чтобы детей ближних бояр и дворян предполагалось селить в походных шатрах или в избах попутных сел. Должно было быть предусмотрено и место для расквартирования царского войска.

Мы знаем, что для перевозки царской казны позднее, в 1572 г., потребовалось 450 подвод. Допустим, что в 1564 г. объем казны был даже вдвое меньше. Это значит, что в том новом месте, где «бог наставит» царя вселиться, надо было иметь (подготовить) хранилище, чтобы сгрузить ценности более чем с 200 подвод. Вряд ли и сама царская семья собиралась разместиться в неблагоустроенном помещении и лишь потом начать «строиться». Хоромы дворцового типа для поселения

царской семьи также должны были быть приготовлены заранее.

Вместе с царем отправлялись «прибранные» им приказные люди, которым предстояло закладывать основы нового правления — опричных приказов и служб, а также устанавливать контроль за работой «земского» аппарата. Трудно допустить, чтобы им приходилось начинать свою деятельность в каких-либо таборных условиях.

Есть известие «Краткого летописца» первой половины XVII в. о строительстве опричных приказов в Москве и в Слободе: «...повеле и в Слободе ставити город и двор свой; а князем, и бояром, и дворяном веле в Слободе дворы ставити, избы розрядные, и почел в Слободе жити князь великий Иван Васильевич со всеми бояры своими...».

В случае «супротивства», если оставшаяся в Москве «земщина» поднимется против него, если непокорным боярам, «сложась» со «святительским чином» и со сторонниками Адашева и Сильвестра, удастся поднять отряды служилых людей и «всколебать» на свою сторону московский люд — «художайших умов народ», карающий царский меч должен был быть готов обрушиться на непокорных. Для этого надо было заблаговременно занести его над их головой. Надо было лишить противника военной инициативы, обеспечив ее за собой. Переводя это на язык военно-практический, следовало: отойти на достаточное расстояние, исключаящее возможность быть застигнутым враждебными силами в пути вместе с семьями, казней и прочим обозом; укрыть семьи и казну за безопасными стенами укрепленного лагеря; изготовить свои силы для нападения на противника, встретив его отряды в удобном для победного сражения месте.

Принималось, надо полагать, в расчет, что вооруженные отряды горожан, если бы только противникам царя удалось поднять их против него, не составят угрозы для далекой от столицы Александровской слободы. Для того чтобы добраться до Александровской слободы, «исполчить» свои отряды, т. е., избавив их от функций охраны царского поезда и казны в дороге, превратить их в боеспособное войско, царю требовалось время. Именно поэтому Грозный не объяснял причин своего отъезда, не объявлял своих намерений, иначе

говоря, не объявлял войны, пока не был подготовлен к ее ведению.

Не менее важно было обеспечить и политическую готовность к решительному выступлению.

В исторической литературе не был пока поставлен вопрос о том, когда были созданы те документы, которые царь прислал из Слободы в Москву, — до или после того, как он покинул столицу? Казалось, видимо, само собой разумеющимся, что обращения царя к митрополиту и думе, а также к московскому населению были написаны в Слободе, накануне их отсылки.

Между тем ни в русских, ни в иностранных свидетельствах, пересказывающих содержание этих царских посланий, нет никаких следов событий, происшедших после царского отъезда. Зато они текстуально близки к ответу царя Курбскому, написанному еще летом 1564 г. Это заставляет предположить, что основной текст царских грамот был заготовлен заранее, на основе имевшегося в царском архиве материала.

Встает вопрос и о том, когда были сформулированы условия — ультиматум думе и митрополиту, на которых царь согласился вернуться на царство, — до или после его отъезда из столицы? Допускать, что, «покидая» царство, Грозный еще не знал, какие условия он намерен предъявить, прежде чем вернется на трон, трудно. Даже если бы мы ничего не знали о длительной и все-сторонней подготовке опричнины, было бы наивным предполагать, что опричнину или хотя бы даже политические маневры, способствовавшие ее учреждению, царь придумал где-то в дороге, во время, скажем, вынужденного бездорожьем двухнедельного бездействия в селе Коломенском. Ранняя оттепель, задержавшая там царский поезд, была, очевидно, единственным обстоятельством в ходе событий, непредусмотренным царем Иваном и его единомышленниками.

Главным средством политической борьбы, которым Грозный постоянно пользовался для достижения своих целей, которым воспользовался и в период установления опричнины, было внесение раскола, а по возможности и прямой вражды в среду своих подданных.

В момент установления самодержавия его классовая сущность была особенно густо затупевана. Усиление господства класса феодалов происходило в форме ожесточенной борьбы внутри самого этого класса. Борьба

самодержавия против носителей традиционных феодальных отношений выглядела на поверхности явлений как борьба антифеодальная и находила поэтому поддержку широких масс населения, в первую очередь верхов посада. В момент установления опричнины царская власть, прежде всего в лице самого Ивана IV, предпринимала энергичные усилия, для того чтобы этой поддержкой заручиться.

Царь никогда не забывал уроков 1547 г. Он хорошо знал, как могуча сила народного восстания против «брюхатых» «богатин», против бояр и вельмож. Тогда, в 1547 г., он сам был в том стане, на который обрушился народный гнев. Теперь, через двадцать лет, он имел у московского люда прочную репутацию борца против «сильных» и «хищных», репутацию борца за правду и справедливость. Он заслужил ее тем, что провел многие реформы, урезающие права «сильных». Теперь он смело мог искать «защиты» от своих изменников у посадского населения. И Грозный этим воспользовался. Царь, относившийся с нескрываемым презрением к «мужикам», «холопам», «рабам» и всяким «черным людям», не побрезговал включить посадский люд в свои политические расчеты в качестве важнейшего их слагаемого.

Расчет на то, чтобы в момент резкого нарушения политического равновесия положить на чашу весов такую могучую «гирю», как угроза народного восстания, был едва ли не вершиной политической стратегии Грозного.

Апелляция к московскому посаду была предусмотрена заранее. После отъезда Ивана IV из Москвы, оставленные царскими приближенными агенты «смущали» московский люд именно в этом направлении — всячески накаляли страсти против бояр, непокорных дворян, думных людей и приказных. В летописном рассказе есть косвенные указания на то, что после отъезда царя из Москвы его агенты вели соответствующую замыслам Ивана агитацию, сообщает С. Б. Веселовский.

Выбор момента для нанесения удара — предъявления ультиматума Боярской думе, князьям церкви, а также служилой и приказной фронде — в значительной степени определялся тем, насколько созрела, насколько была подготовлена масса московского населе-

ния к тому, чтобы безусловно и решительно встать на сторону царя в создавшейся конфликтной ситуации.

Заносся над головами противников опричный «молот» — воинскую силу, сконцентрированную в Слободе, Иван Грозный подготовил и «наковальню». Все было рассчитано на то, чтобы сломить сопротивление старого государева двора, поставить на колени его руководящую верхушку и заставить сдаться на тех условиях, которые выставит царь.]

С нескрываемым торжеством описывает официальный летописец триумфальный успех этого замысла. Горожане твердо заявили, что защищать или поддерживать «лиходеев» и «изменников» они не намерены, они «за тех не стоят» и всякого, на кого им укажут, уничтожат своими руками — «сами тех потребят».

Уразумев, что верные царю «овцы» по первому зову своего «пастыря» — так именуется царя его летописец — готовы их растерзать, «волки» сами согласились превратиться в «овец». Они безропотно признали за царем право по его усмотрению избирать любого из них на закланье, сами же отказались от всяких прав, в том числе и от заступничества, от просьб о помиловании — от «печалования» за обреченного. Вместе с жизнью казненного царь получал в распоряжение и его имущество: «А которые бояре, и воеводы, и приказные люди дошли до государьские великие измены, до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя. Архиепископы же, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь священный собор, и бояре, и приказные люди, то все положили на государьской воле».

Противники Грозного поспешно отправились в Слободу изъявлять ему свою покорность. Путь, который царь, не торопясь, проделал более чем за двадцать дней, они одолели всего за три.

«Государьская воля» была признана единственным источником власти и права. При этом всякий, кто в большей или в меньшей мере выражал несогласие с царской волей, доходил «до великие измены» или «до опалы», подлежал наказанию вплоть до смертной казни. В первую очередь это касалось «бояр, воевод, приказных людей» и церковников всех рангов, т. е. власти законодательной, военной, исполнительной и церковной. Тем самым «государьская воля» признава-

лась единственным источником внутренней и внешней политики.

Под давлением обстоятельств, пишет Р. Г. Скрынников, дума и высшее духовенство санкционировали указ об опричнине, установивший в стране новый режим. Именно так: в стране был установлен новый режим — царский. Установление самодержавия совершилось.

Вполне очевидно, что подобный «общественный договор» не мог ни состояться, ни закрепиться без того орудия принуждения, которое сумело выковать утверждавшееся самодержавие, т. е. без опричнины.¹

Опричный террор

Царский террор с самого начала был направлен не только против удельной фронды, но и против «второй фронды» — оппозиционно или просто слишком независимо («шляхетски») настроенных служилых людей, оказывавших сопротивление жесткой и жестокой военной дисциплине, насаждаемой царской властью. Захудалая служилая мелкота составляла главную массу беглецов за рубеж. Побег князя Курбского был на этом фоне исключением и потому, как замечает С. Б. Веселовский, произвел такое сильное впечатление. Подавляющая часть участников новгородского изменного дела принадлежала не к знати, а к среднему и низшему слою провинциального дворянства, подчеркивает Р. Г. Скрынников.

¹ Слово «опричнина» употреблялось лет за сто до Ивана Грозного. Происходит оно от слова «опричь», являвшегося в древнерусском языке синонимом слова «кроме». После смерти или гибели воинника на поле боя поместье, пожалованное ему за службу великим князем, забиралось в казну, *опричь* (т. е. кроме) небольшого участка земли, достаточного для прокорма его вдовы и сирот. Этот остаток поместья и назывался *опричниной*. Инсценируя в 1564 г. бегство из Москвы, Иван Грозный назвал опричниной небольшой удел, в который он «удалялся от царствования». Вся страна — «земщина» оставалась согласно его уверениям в управлении Боярской думы. Сопроводивших его в этот удел стали именовать опричниками. Курбский, обыгрывая синонимичность слов «опричь» и «кроме», именует опричников «кромешниками» — обитателями ада, тьмы кромешной, а поэтому и опричное войско — «полком сатанинским».

Жертвами опричного (и доопричного) террора явились и сторонники политики Адашева и Сильвестра — политики ограничения единовластия «мудрыми советниками» от имени «всей земли», т. е. опять-таки в интересах служилой массы и верхов посада. Стону с земель, взятых в опричнину, подверглась огромная (по сравнению с числом титулованных) масса дворян и детей боярских — не менее тысячи.

Факты этого рода не укладываются в теорию «обычного конфликта», сводившего «внутреннюю войну» царя со своими подданными к конфликту между самодержавием и феодальной аристократией. «В учреждении опричнины многое казалось историкам непонятным именно потому, что они считали ее направленной против княжат и боярства», — пишет С. Б. Веселовский.

С помощью названных фактов противники теории «обычного конфликта» объявляли ее лишеной того смысла, который в эту теорию вкладывали ее сторонники. Однако при всей недостаточности теории «обычного конфликта», она тем не менее указывает на одно из важнейших слагаемых в числе тех сил, которые противостояли установлению единовластия в Московском государстве, — на аристократическую фронду. Тем самым она все же ближе к истине, чем концепции, не усматривающие в опричнине вообще никакого государственного и политического смысла.

С особой силой политическая сущность опричнины проявила себя в тех изменениях, которые опричный порядок внес в структуру служилого землевладения. Вопрос об опричных территориях освещен в историографии более или менее однозначно. Расхождения между исследователями касаются здесь отдельных городов — были ли они в опричнине, а если были, то когда в нее взяты. Вопрос о том, какая категория землевладельцев оказалась основным объектом опричных земельных конфискации, у кого именно были конфискованы земли в пользу опричнины (или под предлогом ее нужд) продолжает вызывать серьезные разногласия.

Исследование всех касающихся данного вопроса источников свидетельствует, что объектами земельных конфискации, иначе говоря, жертвами земельного террора как в начале опричнины, так и в дальнейшем становились землевладельцы всех категорий и прослоек.

Царский указ одинаково сгонял с земли и удельного князя, владельца огромной, в целую европейскую страну наследственной территории, и мелкого служилого человека.

В этом уравнении родовитого вельможи «в правах», а точнее, в бесправии с безродным служилым человеком, как и в «возвышении» безродного мелкого служака в качестве жертвы царского недоверия и гонения до уровня вельмож, ярко проявляла себя политическая сущность опричнины. Конфискация земли у каждого, кто не «близок», кто не доказал своей абсолютной преданности, верности, готовности безоговорочно служить царской воле, в буквальном смысле этого слова выбивала почву из-под ног всякой оппозиции.

Земельный террор бесконечно расширял рамки террора в его обычном смысле. Он обрушивался не только на тех, кто уже «дошел» до казни или опалы, но сразу на массу представителей служилого сословия. Царский произвол приобретал здесь характер абсолюта. Для лишения тысяч людей их наследственных или просто насиженных гнезд, их имущества, наконец, их исконной родины не требовалось ни их вины, ни даже ложного обвинения. Достаточно было объявить данную территорию опричной, чтобы согнать с нее неугодных. Никто из служилого сословия во всей стране не мог знать, на какую территорию падет очередной выбор. Для того чтобы остаться на своем месте при взятии данной земли в опричину, надо было быть «угодным» на всякий случай заранее, вернее, всегда. Такую психологию очень точно охарактеризовал С. Б. Веселовский: чтобы не быть раздавленным событиями, каждый спешил присоединиться к тем, кто имел возможность давить.

Историки, изучавшие земельную политику времен опричнины, придавали порой исключительное значение той частичной амнистии, которую Грозный дал некоторым из репрессированных в первые опричные годы. Так, в частности, из казанской ссылки были возвращены некоторые князья. Амнистия сопровождалась возвратом ранее конфискованных в опричину земель. С. Б. Веселовский рассматривал этот факт как признак отказа от опричной политики, как предвестие ликвидации опричнины. Между тем выясняется, что амнистия не распространилась на наиболее влиятельных лиц из числа опальных бояр и князей, что эквивалентного воз-

мещения конфискованных земель никто из бывших ссыльных не получил. В лучшем случае им возвращали в их бывших владениях земли, опустошенные опричными владельцами.

Амнистия казанским ссыльным была вызвана отнюдь не тем, что земельная и карательная политика опричнины оказалась несостоятельной. Как раз напротив — амнистия свидетельствует, что опричная политика достигла своей цели. Сам факт амнистии — возвращения по милости царя бывшей вековой вотчины данного княжича — отнюдь не был с точки зрения политической актом, противоположным акту опалы и конфискации земли. Амнистия так же, как и конфискация, укрепляла самодержавие, ясно указывая, что царь утвердился в положении, когда он одинаково волен и казнить своих холопов, и жаловать их, — в положении самодержца.

То, что царская власть обрушила свои удары и против боярско-княжеской, и против дворянско-помещичьей фронды, то, что кровь жертв опричнины полилась единым потоком, неизбежно вело к политическому сближению различных оппозиционных по отношению к самодержавию сил, а порой и к их идейному и политическому единению против общего врага. Это единение начало складываться еще до опричнины, когда к сонму прежних изменников — бояр прибавились новые — «израдцы», т. е. Адашев, Сильвестр и их сторонники. Первым общее знамя «княжеско-дворянской фронды» (термин Р. Г. Скрынникова) поднял сбежавший за рубеж Курбский.

Изображая себя заступником и аристократии — «сильных во Израиле», и воинов, и «простого всенародства», Курбский стремился стать рупором общенародной оппозиции.

Царь в своем ответе Курбскому, а затем в указе об учреждении опричнины дал вполне ясно понять, что не делит своих «изменников» и «лиходеев» ни на какие группы «ни по роду, ни по племени», ни по чинам.

Грозный всячески старался создать впечатление, что изменников и врагов у него немного, что «безсогласных бояр» у него нет и что его политика поддерживается всеми «добрыми» людьми и вообще всенародно. Созданию впечатления о всенародной, по крайней мере всесословной поддержке его политики слу-

жили и созывавшиеся по указанию царя земские соборы. Видимо, с этой целью указ о введении опричнины был представлен на утверждение земского собора, собранного в феврале 1565 г. На этом соборе впервые присутствовали представители посада. Цель их приглашения на собор — оказать давление на светскую и церковную аристократию, на всех возможных противников Грозного с позиции, столь четко зафиксированной в рассказе летописи о высказываниях московских посадских людей в поддержку царя.

Созданию впечатления о всенародной поддержке царской политики, в частности, политики продолжения Ливонской войны, служил и знаменитый собор 1566 г. К тому же и на соборе 1565 г., и на соборе 1566 г. следовало «всенародно» утвердить огромные денежные сборы в пользу казны.

Всемирная история самодержавных монархий показывает, что к созыву представительных национальных собраний они прибегали чаще всего именно в тех случаях, когда хотели возложить на плечи населения новые значительные налоговые тяготы.

На земском соборе 1566 г. были впервые широко представлены служилые люди и верхи посада. Было бы, однако, неверным рассматривать соборы 60-х гг. XVI в. как начальный этап превращения России в представительную монархию. Нет оснований считать, что явившиеся на собор представители различных сословий были выборными. Состав основных участников собора был predetermined царем. Созывая собор, царь был абсолютно убежден в его покорной поддержке. Он не собирался делить власть с представителями аристократии или тем более дворянства и посада. Об этом свидетельствует та жесточайшая расправа, которая постигла земцев — участников собора, обратившихся к царю с челобитной об отмене опричнины.

(Ясным свидетельством ликвидации с помощью опричнины всякого сословно-представительного начала является история подчинения Боярской думы. Большинство членов думы в годы опричнины были физически уничтожены. Если к началу опричнины Боярская дума насчитывала 34 боярина и 9 окольничих, то уже к 1572 г. 15 бояр и 4 окольничих были казнены, 3 боярина были насильственно пострижены в монахи. Истребление членов думы продолжалось и после 1572 г.

В конечном счете царь не оставил в составе думы ни одного из ее членов, которые входили в нее до опричнины.

Утверждая, что в годы опричнины дума сохраняла свое влияние на формирование политики государства, А. А. Зимин вступал в противоречие с приводимыми им же самим данными о постоянных репрессиях против членов думы. Уменьшение состава Боярской думы, писал исследователь, не дает оснований для вывода о падении ее роли в политической жизни страны: в годы малолетства Ивана IV, когда дума была все-сильна, ее численность была невелика, а расширение состава бояр и окольныхчих во время Избранной рады привело к уменьшению влияния феодальной аристократии. С таким рассуждением трудно согласиться. Во-первых, в годы боярского правления дума хоть и была малочисленной, но не уменьшалась путем истребления большей части ее членов. Во-вторых, в те годы правила не дума, а та или иная боярская группировка, которая командовала и в думе тоже. В-третьих, увеличение численности Боярской думы в годы Избранной рады действительно повело к уменьшению влияния аристократии, но происходило это в результате включения в состав думы «худородных». Достаточно указать на пополнение ее такими людьми, как окольныхчие А. Ф. Адашев и его ближайший «единомысленник» боярин Д. И. Курлятев. По существу именно эти лица руководили тогда деятельностью Боярской думы.

Р. Г. Скрынников подобно А. А. Зимину считает, что опричнина не уничтожила общего значения Боярской думы как высшего органа государства. ибо в думу на место казненных бояр пришли новые лица, представлявшие те же самые аристократические фамилии. Но такая постановка вопроса противоречит положению, обрисованному самим исследователем. Важно не то, что царь продолжал вводить в состав Боярской думы наряду с худородными служилыми людьми представителей аристократических родов. Важно, что в думе задавали тон «ближние» люди царя — опричники. Важно, что дума как учреждение перестала быть «высшим органом государства» и превратилась в покорную, низшую по сравнению с царским опричным правительством инстанцию. Важно, наконец, и то, что ни думцы аристократического происхождения, ни выходцы из

служилых низов, ни все вместе, ни каждый в отдельности не были властны ни в своих собственных, ни в чьих бы то ни было головах и «животах». Трудно вести речь о самостоятельном значении такого высшего органа при данных обстоятельствах. Решающее влияние в этом постоянно обезглавливаемом земском учреждении получили опричники — бояре из опричнины, думные дворяне и думные дьяки царя.

В начале 1570-х гг. Грозный ополчился на верхи посада Новгорода, Москвы, Пскова, Твери и других городов как на еще одну силу, противостоящую неограниченной власти самодержавия.

Трудно представить себе что-либо политически более чуждое самодержавию, чем вечевого порядок правления в Новгороде, опирающийся на экономическую самостоятельность купеческих и промысловых верхов. Враждебным было отношение к московской великокняжеской, а затем царской власти и «меньших» людей — основной массы посадского населения Новгорода. Она, замечает Р. Г. Скрынников, была носителем «демократических традиций новгородской старины».

Масла в огонь подлили и события в Стокгольме, происшедшие накануне новгородского похода царя. Стокгольмский посад оказал поддержку мятежным силам королевича Иоанна, осадившим город, и отворил им ворота. В результате измены «стокгольмских посадских людей» союзник Грозного Эрик XIV был свергнут с престола.

Царь в конечном счете ликвидировал как политическую, так и экономическую независимость русских «торговых людей». Новгородскую торговую сторону он взял в опричнину силой. Вслед за новгородцами царь подавил «самовольство» в Пскове, расправился с непокорными из московских купцов. Верно оценив ситуацию, Строганов записался в опричнину добровольно. В опричнине оказались купцы и промышленники северных районов страны. Таким образом, последний «островок» самоуправления (в представлении Грозного, самовольства) был подавлен силой опричнины.

Высказанные здесь соображения не снимают вопроса о конкретных поводах, вызвавших опричный поход на Новгород. Речь идет о полученных царем сведениях о «новгородской измене», о намерении новгородцев и псковичей «поклониться королю литовскому».

В начале царствования Грозного казалась перспективной идея подчинения царского государства церковной иерархии. Церковь стремилась к тому, чтобы самодержавие оказалось по отношению к ней в том положении, в каком позднее она сама оказалась по отношению к самодержавию, а именно, в полном фактическом подчинении при полном к себе внешнем почтении.

Идея подчинения самодержавия церкви, как известно, не прекращала своего существования и в более поздние времена, несмотря на то что Иван Грозный не поддавался воспитанию в ее духе и повел против притязаний церкви на мирскую власть беспощадную борьбу и словом, и делом. В самый разгар опричнины, т. е. во время яростного утверждения царем своего единовластия, в защиту названной идеи посмел выступить митрополит Филипп. Царь с помощью опричнины руками Малюты Скуратова свирепо расправился с ним. И все же идея подчинения самодержавия церкви надолго пережила своего свирепого врага — первого царя Ивана Грозного. Она возрождалась в различных вариантах в течение всего XVII в. Когда официальная церковь рассталась с ней и окончательно перешла на беспрекословную службу самодержавию, ее подхватила религиозная оппозиция. В начале XVIII в., как бы признав свое бессилие в борьбе с властью «царя-антихриста», идея эта подвергла себя самосожжению на раскольниковых кострах, угли которых тлели еще долго. Не раз пытались их раздуть во времена многочисленных бунтов и восстаний угнетенного люда против царского произвола. Однако обращение к обветшалому, зовущему назад, а не вперед знамени только затемняло смысл и подлинные цели народных движений.

Однако какие бы повороты ни происходили позднее в истории отношений между церковной иерархией и царским государством, их основа была прочно заложена в опричные годы.

Выступления против самодержавия князей церкви и светских аристократов совместно с дворянской оппозицией, а также открытые (митрополит Филипп) и тайные (заговор И. П. Федорова) покушения на его власть, ясно показали царю, что опричнина, т. е. аппарат принуждения, который он создал, является единственной надежной опорой его единодержавия. Практическим ответом самодержавия на выступления оп-

позиции был безудержный опричный террор. Назовем его основные объективные последствия.

Разгром церковной оппозиции — сведение с митрополии и убийство Филиппа Колычева, расправа с новгородскими архиепископами Пименом и Леонидом. Разгром земской оппозиции — ликвидация заговора И. П. Федорова, казни 1570 г. Ликвидация внутрдинастической опасности — уничтожение двоюродного брата царя Владимира Старичьего и его родичей, уничтожение последних уделов. Окончательная ликвидация самоуправления Великого Новгорода.

Как бы ни оценивать каждую из перечисленных выше политических акций Грозного в отдельности с точки зрения ее конкретного содержания, следует признать, что все они объединены общей логикой, логикой то «круговой обороны», то фронтального наступления самодержавия на всех своих противников. Без опричнины не могла состояться ни одна из этих акций, не могла, следовательно, состояться стабилизация царского режима, суть которой была во всеобщем и безусловном подчинении ему всех сословий и всех властей, в превращении всех жителей страны в верноподданных самодержца.

Именно с помощью опричников и опричников Иван Грозный держал своих бояр и прочих «разных чинов людшек» в ежовых рукавицах. «Хочешь не бояться власти, — говорил он своим подданным, — благое твори. Если же злое творишь — бойся. Власть не зря мечь носит, а в наказание злодеям и в похвалу добродеем». При этом царь был отлично осведомлен обо всем, что делается в самых отдаленных уголках государства и в полках его войска. Он знал о всех проступках и преступлениях воевод вплоть до того, кто, когда и зачем отлучался со службы.

Исключительный интерес в этой связи представляют собой впервые ставшие нам известными из Разрядной книги подлинные грамоты, написанные или продиктованные несомненно самим царем. Об этом свидетельствует их своеобразный стиль, присущий сочинениям Грозного, и даже самый тон державного окрика, обращенного к воеводам.

Перед тем как привести здесь целиком один из этих интереснейших документов, необходимо дать некоторые пояснения. В 1571 г. над Русью повеяли отрав-

ленные ветры чумы. Смертоносное поветрие накатывалось одновременно с юга — из Персии и с запада — из Германии.

На Руси того времени, вопреки ошибочным представлениям некоторых историков, хорошо понимали, что чума — это вовсе не «божье посещение грех ради наших», против которого бессмысленно и невозможно бороться, а эпидемическая болезнь, которую можно остановить, осилить и изгнать. Правда, об этом свидетельствовали до сих пор лишь редкие, отрывочные известия. Было, например, известно, что как раз в 1571 г. в Холмогорах в длительном карантине был задержан англичанин Дженкинсон. В летописях упоминается о противочумных мероприятиях тех лет в Новгороде.

Найденная царская грамота наглядно показывает, что борьба с эпидемиями в то время носила на Руси вполне осознанный характер, проводилась как важнейшее государственное мероприятие, направлялась и строго контролировалась из центра. Вот запись Разрядной книги, в которой воспроизведена грамота Грозного.

«Лета 7080 (1571) году, на Костроме были для поветрия моровова на заставе князь Михайло Федорович Гвоздев-Ростовский, да Дмитрий, да Данило Борисович Салтыковы. А с Костромы были в Свяжском. И от государя грамоты посланы на Кострому.

Список з грамоты от царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Кострому князю Михайлу Федоровичу Гвоздеву, да Дмитрею, да Данилу Борисовичам Салтыковым:

„Приехали, есте, на Кострому сентября в 26 день. И того месяца преставилось на Костроме семьдесят три человека до двадцать осьмого числа. А того, есте, к нам не отписали подлинно: на Костроме ли, на посаде, или в Костромском уезде; и какую болезнью умерли — знаменем ли или без знамени (есть ли внешние признаки чумы. — Д. А.). А ты, князь Михайло, почему к нам о поветрии не пишешь?! И послан ты на Кострому беречь для поветрея наперед Дмитрея и Данила Салтыковых. И ты для которова нашего дела послан, а ты забываешь, большая бражничась, и ты то ворусь! И как к вам ся наша грамота придет, и вы б отписали подлинно, па борзе: уж ли па Ко-

строме, на посаде и в уезде от поветрея тишеет, и сколь давно, и с которова дни перестало тишееть? А буде от поветрея не тишееть, и вы б однолично поветренныя места велели крепить засеками и сторожами частыми, по первому нашему указу. И сами бы, естя, обереглись того накрепко, чтобы из поветренных мест в пеповетренные места не издили никто, никаков человек, никоторыми делы. Чтоб вам однолично из поветренных мест на здоровые места поветрея не навезти — розни бы у вас в нашем деле однолично не было ни которые. А будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые места панесет поветрия, и вам быть от нас самим сожжепыми.

Писано в Слободе, лета 7080 году, октябре в 4 день».²

Вот и еще одна грамота, несомненно передающая живую речь самого Грозного:

«Список з государевы грамоты: „От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Свяской дьяку нашему Грязному Ивашеву. Писал к нам из Свяского воевода наш князь Петр Буйносов Ростовской, что писали к нему с Федором Трубниковым, а велели дать воеводе князю Ивану Гагину детей боярских, и князь Петр Буйносов списки почел отдавать, и князь Иван-де у него почел просить всех свияжских служивых тотар, и он-де, князь Петр, без нашего указу не дал ему тотар, и князь Иван-де ево лаел и безчестил и хотел ево ножницами в горло толкнуть; а то делолось перед вами на съезде, и ты б про то сыскал, каким обычаем меж них делолось. А ты б еси князю Ивану перед князь Петром и перед головами стрелецкими имёпно (нашим именем. — Д. А.) от нас говорил: про что князь Иван воруют, а наше дело портит и теряет, перед нами измену делает?!“ Писано на Москве, лета 7091-го (1583) мая в 20 день».³

Песня про царя Ивана Васильевича и купца...

Не правда ли, так и хочется подставить здесь имя лермонтовского героя — купца Стенана Калашникова? И надо сказать, что это искушение, как оказывается,

² ГПБ, Эрм. собр., № 390, л. 370 об.—371.

³ Там же.

отнюдь не беспочвенно, хотя в подлинной песне (повести), о которой идет речь, стоит другое имя купца — Харитон Белоулин.

Летом 1958 г. Отделом рукописей Государственной Публичной библиотеки была приобретена рукопись — обрывок какого-то сборника конца XVII в., всего несколько листков, обтрепанных, перепутанных, сшитых веревкой. Рукопись была завернута в лист бумаги, на котором карандашом была сделана надпись: «Из города Пустозерского привезена 1923. 16 л.».

Внимание автора этих строк привлекло не имеющее начала древнерусское повествование об Иване Грозном и купце Харитоне Белоулине, до того неизвестное. Сразу же бросились в глаза, с одной стороны, ярко выраженный беллетристический характер повести, а с другой — множество наполняющих ее исторических реалий. Сочетание исторической реальности повествования с вымыслом сказалось также в характере главных его героев: один из них — Иван Грозный — лицо вполне историческое, другой — купец Харитон Белоулин явно вымышлен автором. Такое сочетание было необычайно интересным уже само по себе. Древнерусская литература того времени, как полагали ученые, еще не знала вымышленных героев. За пределами религиозной мифологии, в которой фигурируют разного рода небожители, возглавляемые богами, в произведениях литературы мы встречали только реально существовавших людей, например, князя Игоря и его жену Ярославну в «Слове о полку Игореве», Дмитрия Московского и его соратников в повестях цикла о Мамаевом побоище. Реальными историческими лицами были и изображавшиеся в древнерусской литературе представители враждебных сил, например, ханы Кончак, Мамай и прочие. И вдруг выясняется, что ряд великих героев русской литературы, типизировавших образы борцов за справедливость и правду, берет начало еще в XVI в. и открывается никому неведомым именем Харитона Белоулина.

Содержание повести восходит к событиям хорошо известным. В 1570—1574 гг. Грозный казнил «своих изменников», виновных, по его убеждению, в организации широкого заговора против него. В число заговорщиков были включены многие высшие саповники, такие как глава Посольского приказа известный дип-

ломат дьяк Иван Висковатый, казначей Никита Фуников и их ближайшие сотрудники.

В сохранившемся архивном документе читаем: «Столп (т. е. дело, написанное на длинных, склеенных столбцах бумаги — сставах. — Д. А.), а в нем ... список из сысского изменного дела 78 (1570) году, на повгородцкого архиепискупа Пимена, и на повгородских дьяков и подъячих, и на гостей (купцов. — Д. А.), и на ... приказных и на детей боярских (служилых людей — дворян. — Д. А.) и на подъячих, как они ссылалися к Москве с бояры. . . и в том деле многие казнены смертию. . . а иные разосланы по тюрьмам, а до кого дело не дошло (не оказалось достаточных улик. — Д. А.), и те помилованы, а иные освобождены. Да тут же список, ково казнить смертию, и какую казнь, и кого отпустить. . . и как государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси и царевич Иван Иванович выезжали в Китай-город на полое место сами и велели тем изменником вины их вычести перед собою и их казнити».⁴

Московские казни 1570 г. описал и современник событий, иностранец Альберт Шлихтинг. Он рассказывает, что июльским утром 1570 г. на площадь было выведено на казнь 300 человек «знатных мужей». Заметим, что цифры, имеющиеся у Шлихтинга, в отличие от цифр, приводимых по разным поводам другими иностранцами — современниками Грозного, заслуживают доверия. Так, например, сообщаемое им число жертв новгородского погрома 1570 г. вполне реально — 2777. Оно решительно отличается от фантастических цифр, называемых другими иностранцами, вплоть до цифры 700 тыс. у англичанина Джерома Горсея. Шлихтинг говорит, что из 300 выведенных на казнь были казнены 116 человек, а остальные были помилованы и отпущены. В летописи того же времени названа примерно такая же цифра казненных — 120 человек из 300.

В полном соответствии с приведенным выше официальным документом — архивным «столпом», где говорится о специальной росписи, указывающей, кого

---

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 480—481.

следует казнить и какую казнь, а кого отпустить, Шлихтинг сообщает, что перед казнью вышел «на средину дьяк... Василий Щелкалов с очень длинным списком, перечисляя подряд всех туда ввезенных». ⁵ В источниках подчеркивается, что казни 1570-х гг. на Москве были продолжением повгородского дела и что значительную часть привлеченных к расследованию и казни составляли купцы.

Вот как изображены эти страшные события в повести: «В лето 7082-го... на второй неделе по пасце во вторник в утре по указу великого государя на Пожаре среди Москвы уготовлено 300 плах, а в них 300 топоров, и 300 палачей стояху у плах оных. Московстии же князини и бояре и гости, всякого чину люди, зряще такую належащую беду, страхом одержимы быша. Егда же бысть третий час дни, царь и великий князь Иван Васильевичъ выехав на площадь в черном платье и на черном кони с сотники и стрельцы и повеле палачем имати по человеку из бояр и из окольничих, из стольников и из гостей и из гостинной сотни по росписи именитых людей казнити. Людие же зряще, наипаче в недоумении быша, понеже никакия вины не ведуще. Взяша же первые из гостинные сотни 7 человек и казниша их. Емше же осмаго, именем Харитона Белеуленева, и не могоша на плаху склонити, бе бо велик возрастом и силен вельми. И возкрича ко царю рече з грубостию: „Почто, царю великий, неповинную нашу кровь проливаеши?“ И мнози псари приступиша пособити тем палачем, и едва возмогаша преклонити. Егда же отсекоша ему главу и спрянувши из рук их глава на землю, семо и овамо (туда и сюда. — Д. А.) спрядывая, глаголаше несведомая. Труп же его скочи на ноги свои, и начат трястися на все страны, страшно зело обливая кровию окрест сущих себе. И многи палачи збиваху тело оно с ног и никакже возмогаша. Но и падшая кровь, где пав, светляся и играя красно вельми, яко жива вопия и не отмываяся. Сие же виде, царь усумневся и бысть страхом одержим и отиде в полаты своя. Палачи же по долзе времени не движуще никого без повеления царева, но ожидающе милости. И в 6 час вестник прииде

⁵ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 45—46.

от царя, повеле всех пойманных отпустить. Они же от радости слезы испускающе, яко избыша нечаемая неповинныя смерти. Тако же и мучители оны, спрятавшие плахи и топоры, отъедоша в дома своя. Труп же той трясейся весь день и во 2 час ноци паде сам на землю. Во утрии же повелением царевым погребоша телеса их сродницы, каждо во своих».

Как видим, в основе авторского текста легко узнается известный нам из источников исторический факт. Вместе с тем в повести есть и отличия от документально зафиксированной реальности происходившего. Отличия эти весьма примечательны.

Обратим внимание на определение места, где произошла казнь: «на Пожаре среди Москвы». «Пожаром» после набега Девлет-Гирея в 1571 г. стали именовать площадь перед Кремлем, которая до того называлась **Троицкой**. Уже к 80-м гг. в связи с новой застройкой Москвы название «Пожар среди Москвы» из источников исчезает. Это наводит на мысль, что повесть восходит непосредственно к моменту описанных в ней событий, т. е. к 70-м гг. XVI в. Об этом же говорит и другое: царь выезжает на площадь вершить казнь «с сотники и стрельцы», но не с опричниками. Видимо, автор писал свою повесть, после того как закончился весь цикл московских казней 1570—1574 гг. Тогда понятно, что слово «опричина» отсутствует в повести потому, что в 1572 г. опричина была переименована в «двор». Тем не менее автор постарался, чтобы опричный характер проводимой карательной акции был читателю ясен. Царь выезжает на площадь в опричном одеянии — «в черном платье». Главной карательной силой Грозного во время казни, согласно повести, оказались «псары». Это наименование прозрачно указывает на опричников, отличительным знаком которых была песья голова, символизировавшая их собачью преданность царю и готовность выгрызть измену.

Нетрудно заметить, что число выведенных на казнь — 300 человек, названное в повести, точно совпадает с цифрой, указанной другими источниками.

Самое главное, что сближает повесть с другими историческими источниками, — это факт помилования прямо на площади значительной части приговоренных. Альберт Шлихтинг пишет, что было казнено 116 человек, после чего были помилованы остальные 184.

Современная московская летопись называет примерно ту же цифру казненных — 120 человек.

В повести иное соотношение: казнили всего 7 человек, а всех остальных спас своим правдивым укором, высказанным в лицо царю, Харитон Белоулин. Побуждения, руководившие автором повести, вполне понятны. Она не производила бы желаемого впечатления, если бы автор, придерживаясь фактической точности, «дал слово» своему герою лишь после того, как были бы казнены 120 невинных, по крайней мере заслуживающих помилования, людей.

И еще одно наблюдение. Казни 1570—1574 гг. были прямым продолжением новгородской карательной экспедиции Грозного. Вместе с Висковатым и Фупиковым в 1570 г. казнили многих новгородцев, приведенных на следствие в Александровскую слободу. Не малое их число было привлечено к следствию и наказанию по делу новгородского епископа Леонида, казненного вместе с другими обвиняемыми в 1573 г. Новгородцы, вызывавшие особый гнев Грозного, — главным образом купцы. Причины непримиримой ненависти царя к новгородским купцам, как мы уже говорили, были весьма глубокими.

Еще до прибытия Грозного в Новгород с карательной экспедицией его дворяне «повелепием государевым, во граде гостей и торговых людей переимаша и передаваша их по приставам и повелеша их приставом держати крепко в оковах железных, а дома их и имения запечаташа, а жен их и детей повелеша стражем стрещи». Прибыв в Новгород, царь самолично нагрянул на Торговую сторону и повелел лавки новгородских купцов «разсекати и до основания разоряти».

Новгородские и московские купцы имели, естественно, между собой постоянные связи. Среди жителей столицы, схваченных по новгородскому делу, было немало московских купцов и посадских людей. Таким образом, отраженный в повести конфликт Грозного с купечеством имеет вполне реальную историческую основу.

При чтении повести бросается в глаза преимущественное внимание автора к купеческому сословию. Купцы не только поставлены в повести на одну доску с князьями и боярами, но играют даже более важную роль, чем они. С купцов начинается в повести казнь,

хотя в действительности это было не так — первыми казнили наиболее именитых людей. Героем повести, спасшим множество людей, в том числе князей и бояр, является купец. Он наделен чертами богатыря телом и духом. Трудно предположить, чтобы такое «завышение» роли купцов в политических событиях того времени исходило от автора, принадлежавшего к дворянской или церковной среде. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что повесть про купца Харитона Белоулина родилась в купеческой или окологородской среде, на городском посаде. Автор повести был москвичом, современником описанных им событий. В ткань повести обильно вплетены бесспорные исторические реалии. Такая точность в исторических деталях была бы едва ли достижима для купца, узнавшего о событиях с чужих слов.

Краткая эта повесть обладает несомненными художественными достоинствами. С первых же строк видна ее близость к народной сказовой манере: «уготовлено 300 плах, а в них 300 топоров, и 300 палачей стояху у плах оных». Царь, так же как и в некоторых более поздних народных песнях о нем, испугался результата своей жестокости.

Язык повести лаконичен и ярок, а отдельные места достигают большой художественной силы, как например в описании крови, залившей землю, — «падшая кровь, где пав, светляся и играя красно вельми, яко жива вопия и не отмываяся».

У нас нет никаких данных, а следовательно, и никакой возможности утверждать, что М. Ю. Лермонтов знал повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина. Тем не менее такое предположение весьма вероятно.

Повесть, вызванная к жизни событиями, связанными с Новгородом, со временем нашла распространение в самом Новгороде и в его владениях. К их числу, кстати сказать, принадлежал и Пустозерск, где, как мы знаем, повесть была переписана в XVII в. и хранилась до наших времен. Это вполне понятно. Рассказанные в повести события должны были еще долго находить отклик в сердцах поколений новгородского купечества. Поэтому вполне закономерно, что два из четырех, ставших известными на сегодняшний день списка повести, новгородского происхождения.

Интерес Лермонтова к героям борьбы новгородцев за свою извечную вольность хорошо известен. Об этом свидетельствует и его юношеская поэма «Вадим». При всех условиях близость «Песни про купца Калашникова» и древнерусской повести про купца Харитона Белоулина (так написана его фамилия в новгородской редакции повести. — Д. А.) не подлежит сомнению. Интуицией гениального художника Лермонтов нащупал значительный социальный конфликт времен Грозного, заслоненный в источниках и в литературе более шумным конфликтом между царем и боярами, — конфликт между купцами, возглавлявшими городской посад, и царской властью с ее служилыми людьми, псарями и кирибеевичами. Он создал образ смелого, прямого, во всех отношениях достойного человека из народа — купца Калашникова, который не согнул голову ни перед царским слугой, ни перед самим царем. Демократическая линия в описании событий XVI в. сблизила сочинение великого поэта с произведением, вышедшим из демократической среды в самом XVI в. Купец Харитон Белоулин многим отличается от купца Степана Калашникова. Но есть между ними и общее — оба они могучие силачи из народа, с которыми не справиться царским слугам, оба они погибли после того, как говорили царю прямые речи, оба они подняли голос против насилия и произвола. В обоих случаях этот голос раздался не из среды боярско-княжеской оппозиции, из которой его слышали не раз, а снизу, из посадской среды.

Все, что сближает маленькую повесть XVI в. с произведением большой русской литературы XIX в., свидетельствует о ее высоких достоинствах.

И еще одно немаловажное, на наш взгляд, наблюдение.

Создание и широкое распространение в XVI—XVII вв. повести про купца Харитона Белоулина наряду с другими произведениями подобного рода свидетельствует о появлении в то время на Руси широкого читателя. Интерес этого читателя к истории не мог удовлетворяться прежним летописанием. Возникла потребность в популярной и увлекательной книге. Начиная со второй половины XVI в. на смену монументальным летописным памятникам приходит многое множество кратких летописей, летописцев и летописчиков.

В них коротко и доходчиво излагаются основные факты отечественной истории. При этом исторические факты свободно мешаются с легендами и прямым вымыслом. Беллетристика, еще не вылуцившаяся из летописной скорлупы, тем не менее заявляет о себе все громче и чаще. С другой стороны, как это видно на примере повести о купце Харитоне Белоулине, произведения такого жанра полны исторических реалий. Уже став произведениями литературы, они не теряют значения исторических источников.

Глава 7

ОПРИЧНИНА ОСТАЕТСЯ ОПРИЧНИНОЙ

Логические построения и факты действительности

мешает
Представление об отмене опричнины в 1572 г., т. е. через семь лет после ее учреждения, утвердившееся в историографии, мешало и продолжает мешать объективной оценке этого явления, а также его значения в истории самодержавия. Вопрос стоит так: либо опричнина была всего лишь кратковременным эпизодом в истории царской монархии, не оказавшим существенного влияния на ее дальнейшее развитие и характер, либо она была необходимым и закономерным этапом этого становления, начальной формой аппарата власти самодержавия.)

В арсенале логики, выстраиваемой в пользу отмены опричнины, — будем называть ее для краткости отменной логикой — накопились аргументы весьма разного достоинства. Наряду с достаточно вескими, заслуживающими самого серьезного рассмотрения, встречаем немало явно надуманных, противоречащих очевидным фактам или же вообще ни на чем, кроме желания во что бы то ни стало «отменить» опричнину, не основанных.

История науки, однако, показывает, что самый незначительный аргумент тотчас приобретает статус самого серьезного и даже неопровержимого, если оставить его в споре без внимания. Ну, а раз так, нам с вами, уважаемый читатель, придется рассмотреть и оценить все без исключения аргументы отменной логики, рассмотреть и оценить также все контраргументы. Вам, таким образом, придется участвовать в весьма важном научном споре в качестве арбитра. И, хочется надеяться, это не станет для вас скучным занятием. Итак, начнем.

Прежде всего, необходимо отметить, что разные последователи вкладывают различное значение в само понятие «опричнина» и, значит, по-своему видят тот предмет, об отмене которого идет речь.

С. Б. Веселовскому, например, который вообще отказался видеть в опричнине серьезный исторический смысл, «отменить» ее значительно проще, чем тем историкам, которые в учреждении опричнины и в опричной политике такой смысл усматривают.

Труднее, чем кому-либо, «отменить» опричнину Р. Г. Скрынникову, поскольку он, на мой взгляд, точнее, чем другие историки, проник в ее сущность: «В опричнине царь получил неограниченные полномочия для проведения репрессий против дворян и чинов думы, на земельные конфискации и прочие мероприятия, которые в обычных условиях не могли быть осуществлены без согласия на то „совета“ крупных феодалов. В опричнине царь избавился от обычной опеки со стороны думы и высшего духовенства». С какими же из возможностей, обретенных в опричнине, Иван Грозный согласился бы вдруг расстаться?

«Опричнина, — говорит в другом месте Скрынников, — была по своему существу политической мерой. Задачи ее... сводились к подавлению любой оппозиции самодержавной власти, с чьей бы стороны она ни исходила: со стороны боярской знати и дворянских верхов, крупных духовных феодалов, приказной бюрократии и т. д.». Все это бесспорно. Но столь же бесспорно и то, что от выполнения этих задач ни в 1572 г., ни в дальнейшем самодержавие ни в лице Ивана Грозного, ни в лице других самодержцев не могло отказываться, не хотело отказываться и не отказывалось.

Р. Г. Скрынников прав и тогда, когда утверждает, что некоторые стороны опричнины «заклучали как бы в зародыше все последующее развитие дворянско-бюрократической абсолютной монархии». Однако признание опричнины зародышем дальнейшего развития дворянско-бюрократической монархии ко многому обязывает. Зародыш, как известно, «отменить» невозможно. Уничтожение «зародыша» означало бы отмену дальнейшего развития. Но такого не произошло. Значит, одно из двух: либо не была отменена опричнина, либо вместо ликвидированного «зародыша» где-то позже возник другой. В «некоторых сторонах» опричнины, о которых

говорит Скрышников, есть то главное, без чего самодержавие не могло бы держаться и не держалось ни на одном этапе своего существования. «Зародыш» аппарата неограниченной власти, аппарата военно-феодальной диктатуры в процессе исторического развития менял форму, но не менял своей сути.

Беспорную мысль о том, что проблема опричнины является частью более общей проблемы образования и развития централизованного русского государства, Р. Г. Скрышников повторяет не раз. При этом, однако, делает дополнение: «В этой многовековой истории семь лет опричнины — не более, чем кратковременный эпизод».

Солидаризируясь с В. О. Ключевским и С. Б. Веселовским в том, что опричина была в 1572 г. отменена, Р. Г. Скрышников вынужден брать назад ряд своих выводов о целях опричнины и об итогах ее деятельности. Опричная политика, по его мнению, не была чем-то единым на протяжении семи лет ее существования, она не была подчинена ни субъективно, ни объективно единой цели, принципу или схеме. Если так, можно ли вообще говорить о политике? Действия, не имеющие ни субъективно, ни объективно единой цели, скорее подходят под определение С. Б. Веселовского, который считал, что опричина не имела серьезного государственного смысла. Говоря об отмене опричнины, Скрышников имеет в виду не только те или иные конкретные мероприятия, а вообще отмену того «нового режима», который, как он пишет, был установлен указом об опричнине, санкционированным думой и высшим духовенством.

Как видим, С. Б. Веселовский и Р. Г. Скрышников «отменяют» далеко не равнозначные политические институты. Между тем арсенал доказательств, выдвигаемых в пользу отмены опричнины, в обоих случаях один и тот же. Рассмотрим эти аргументы с точки зрения их доказательности.

Историк Л. М. Сухотин, а вслед за ним и другие исследователи, высказали предположение, что в 1572 г. был издан царский указ об отмене опричнины, который до нас не дошел. Это утверждение основывается главным образом на заявлении немца Генриха Штадена, жившего несколько лет в Москве Ивана Грозного, что «опричнине пришел конец», а земским возвратили их

вотчины. Р. Г. Скрыпников также пишет о специальном указе, отменившем опричнину.

О царском указе, отменившем опричнину, принято говорить в историографии как о вполне достоверном факте. Но если Сухотин «осторожно и скромно высказывает мнение» об отмене опричнины в 1572 г., то Веселовский считает необходимым «выразиться увереннее и сильнее». «Факт уничтожения опричнины» для него неоспорим. По его мнению, указания источников на то, что опричнина была «отставлена», настолько ясны и определены, что следует только уточнить, когда это произошло и в чем выразилась отмена опричнины. В самом этом утверждении содержится противоречие. Если требуется уточнить даже то, когда произошла отмена опричнины и в чем она выразилась, то говорить о ясности и определенности свидетельств источников весьма трудно. Источников, будто бы «ясно и определенно» говорящих об отмене опричнины, вообще не существует. На это указывает сам Веселовский, отстаивающий при этом (лучше сказать, несмотря на это) гипотезу об отмене опричнины. До нас не дошел не только указ об отмене опричнины, не дошло никаких его следов.

Указ об учреждении опричнины тоже до нас не дошел. Тем не менее дошли его многочисленные следы и последствия: пересказ в летописи, разделение городов и территорий на «земские» и «опричные», вполне реально обособленный штат опричников. Когда факт существования опричнины стали скрывать от иностранцев, это также отразилось в посольских наказах. Соответственно указ об отмене опричнины, если бы такой имел место, должны были бы в этих наказах всячески рекламировать на радость Ватикану и тем силам в Польше, которые хотели видеть на своем престоле русского царя или его сына, а также в сношениях с Англией, где имели весьма ценную информацию об опричнине. Но ни единой ссылки на подобный указ нет и в дипломатических документах. Нет их ни в каких официальных материалах того времени. Нет ни одного случая ссылки на опричнину как на «бывшее» учреждение. Все претензии на несправедливые решения по местническим спорам, принятые «в опричнине», появляются только после смерти Грозного.

Некоторые исследователи готовы усмотреть свиде-

тельство в пользу отмены опричнины в завещании, составленном Иваном Грозным летом 1572 г. в Новгороде. Среди многочисленных наставлений своим сыновьям Грозный написал в завещании: «А что есьми учинил опричнину, — и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов». Эти слова царя рассматривают как свидетельство о том, что опричнина уже выполнила свою задачу и перед Грозным встал вопрос о ее дальнейшей целесообразности.

Царь, живя в Новгороде, говорит С. Б. Веселовский, написал летом 1572 г. завещание, в котором в довольно сухих и холодных выражениях упоминает об опричнине и предоставляет сыновьям по своему желанию сохранить или отменить опричнину, «как им прибыльнее». Но ведь нет ничего удивительного в том, что такой документ, как завещание, написан «в сухих и холодных», а не в приподнятых и восторженных выражениях.

Р. Г. Скрышников также усматривает в цитированных словах признак полного равнодушия к судьбе опричнины. По существу, как он полагает, вопрос о дальнейшем существовании или отмене опричных порядков царь целиком передавал на усмотрение своих наследников.

Между тем в предшествующем и в последующем изложении Скрышников утверждает, будто царь Иван по многим причинам решил отменить опричнину и что уже с конца 1571 г., т. е. за год до написания завещания, «исподволь» готовил упразднение опричных порядков. Если бы это было так, если бы «доверие царя к опричному окружению было окончательно подорвано», если верно, что опричнина превратилась в «непроизводительную трату средств», Грозный, разумеется, не стал бы советовать сыновьям подумать о сохранении опричнины и при этом с некоторым самодовольством подчеркивать, что «образец им учинен готов». Известно, что Грозный с неудержимой страстностью проводил и пропагандировал владевшие им идеи, и заподозрить его в «равнодушии» к будущей системе управления страной и к судьбе царствования своих сыновей совершенно невозможно. Царь понимал, что прямой совет — покончить с опричниной обеспечил бы его сыновьям значительно большую поддержку в ари-

стократической, боярской, словом, в земской среде, чем совет подумать, не следует ли сохранить опричный порядок. Тем не менее он не обращается к своим наследникам с подобным советом.

С другой стороны, у Грозного были серьезные причины для того, чтобы не рекламировать в завещании опричную систему. Он знал, что его сыновьям для утверждения на престоле предстоит серьезная борьба. «А будет бог помилует, и государство свое доступити и на нем утвердитесь. . .», — пишет он в условном наклонении, давая понять, что признание его сыновей на царствовании не означает обязательного признания опричины, что его наследникам, возможно, будет «прибыльнее» править без нее.

Но, пожалуй, самую большую роль в том, что формулировка о будущем опричины приобрела в завещании 1572 г. осторожный характер, сыграли соображения внешнеполитические. Грозный не любил показывать опричину зарубежным государственным деятелям. Он постоянно приказывал отрицать какой-либо раздел государства на опричину и земщину. Попытки сокрытия опричины имели место задолго до 1572 г. «В первые годы, — пишет П. А. Садиков, — московская дипломатия как будто не считала возможным отречься от нее (от опричины. — Д. А.) целиком. Но уже рано в наказах стремятся доказать, что все якобы новые порядки в государстве исконны, что „опричины“ никакой не существует».

Посольству Умного-Колычева, отправлявшемуся в Литву в 1566 г., был дан наказ: если спросят, для чего государь ваш велел поставить двор за городом, — отвечать: «Для своего государьского прохладу». Если бы литовцы стали утверждать, что ваш «государь дворы ставит розделу для и для того кладучи опалу на бояр», — послу следовало решительно отклонить эту «клевету» и заявить: «Делитца государю не с кем». В апреле 1566 г. литовским гонцам велено было сказать, что «у государя нашего некоторые опричины нет». Все это несколько не мешало фактическому существованию опричины как политической системы.

В сентябре 1571 г., за год до так называемой отмены опричины и написания завещания 1572 г., резко усилились основания для дипломатического отрицания опричных порядков. В ноябре 1571 г. папа римский

решил прекратить свои попытки наладить с Москвой антитурецкий союз и прервать все сношения с царем Иваном. Причиной такого резкого поворота послужило ознакомление папского нунция Портико, а затем и самого папы с записками Альберта Шлихтинга — немца, бежавшего из Московии в Польшу. Этот факт еще раз показал царю, что опричный порядок, установленный им, вызывает крайне неблагоприятный резонанс и серьезные внешнеполитические осложнения.

Ко времени написания завещания 1572 г. появился новый, особенно серьезный повод для дипломатического сокрытия существования опричнины. 7 июня 1572 г. умер польский король Сигизмунд II Август. С его смертью прекратилась династия Ягеллонов. Борьба вокруг избрания нового польского короля стала важнейшим фактором внешней политики европейских государств. В числе кандидатов на польский престол были названы московский царь Иван IV и его сын Иван. 12 августа 1572 г. польский посол Воропай передал царю официальную просьбу польских вельмож дать согласие на избрание его, Ивана IV, польским королем.

То, что царь ничего не говорил Воропаю об опричнине, С. Б. Веселовский рассматривает как одно из доказательств, что опричнина к этому времени (август 1572 г.) была обречена на отмену и доживала последние недели. Между тем молчание об опричнине в момент приглашения царя на польский престол было столь же естественным, сколь и традиционным.

Вслед за Воропаем осенью 1572 г. с тем же предложением в Москву прибыл другой польский посол Михаил Гарабурда. Важнейшей задачей посла было выяснить: как отнесется Иван Грозный к выдвижению кандидатуры царевича Федора и к правам и вольностям Литвы.

Нужно ли теряться в догадках о том, какое именно впечатление хотел создать царь Иван у польских послов по вопросу о правах и вольностях польских и литовских панов в случае воцарения в Польше русского царя. Восхваление своей доброты и справедливости всегда шло у царя рука об руку с отрицанием существования опричнины. В послании гетману Ходкевичу от имени боярина М. И. Воротынского еще в 1567 г. царь заявлял: «А что еси писал в своей грамоте взбеснев о нашем государе... о его царском величестве

о жестокосердичи неразсудительном... гоненье без правды и гнев непощадимой — и то твое бесовское коварство... А наш государь... как есть государь истинный... сияя во благочестии государство свое добре разсматривает... А што еси писал... о разделении народу христианского, о опричнине и земском, ино ж тово не ведая, якии же скурвины дети, яже и ты, глаголют, а у государя нашего опричнины и земского нет; вся его царская держава в его царской деснице...».

Напомним, что вся эпопея с фиктивной передачей царской (великокняжеской) власти Симеону Бекбулатовичу, затеянная Грозным позднее, в 1575—1576 гг., хронологически совпадает с периодом второго польского бескоролья.

Маневры Грозного ни в первом, ни во втором случае успеха не имели. Польские вельможи и шляхта вполне понимали фарсовый характер как «отмены» опричнины, так и «отказа» от царства, предпринятых Грозным.

Итак, у Ивана Грозного были весьма веские причины для дипломатического сокрытия опричнины. Вместе с тем было бы нецелесообразным и даже странным, изъяв термин «опричнина» из дипломатических документов, сохраняя его в других официальных документах, особенно в разрядных книгах.

Была, наконец, и еще одна причина, побуждавшая Грозного к отказу от термина «опричнина». Термин этот весьма точно соответствовал конкретному историческому моменту — политическим маневрам Грозного в конце 1564—начале 1565 г. Царь хотел тогда подчеркнуть, что оставляет царство, обособляется в «опричнину», отдавая все остальное государство — «земщину» в управление боярам. Стоило, однако, царю прочно утвердить себя самодержцем, стать подлинным хозяином всей страны, как уничижительный смысл слова «опричнина» пришел в противоречие с действительным положением и должен был становиться все более нежелательным, как снижающий образ единовластного владыки. Именно потому, что опричнина как система означала не разделение власти, а, напротив, ее небывалую консолидацию в руках царя, термин «опричнина» стал себя изживать по мере усиления царской власти. Во всяком случае, принимать отрицание разделения государства за отмену жесткой централизации государственной власти нет никаких оснований.

Другое дело, указанные внешнеполитические обстоятельства, в частности, реакция папы римского на «Сказания» А. Шлихтинга. Они давали царю серьезный повод к тому, чтобы прекратить наиболее вопиющие, бросающиеся в глаза злоупотребления опричников, вызывавшие значительное недовольство и внутри страны. Не случайно именно в это время царь сурово наказывает некоторых руководителей опричнины, уличенных в тяжких преступлениях — «воровских проделках». Historики, утверждающие, что опричина была отменена в 1572 г., видели и в этих опалах и казнях свидетельство в пользу гипотезы об отмене опричнины. Сам ход рассуждения о том, что казни опричников свидетельствуют о «казни» опричнины, вызывает возражения. Рассуждая таким образом, пришлось бы заключить, что Грозный неоднократно отменял земщину, Посольский и другие приказы и, конечно, Боярскую думу — учреждение, полностью потерявшее свой прежний состав в результате опал и казней.

По подсчетам Р. Г. Скрышкова, жертвами царского террора стали 3—4 тыс. человек. Из них 600—700 земских деятелей всех масштабов. На этом фоне опала или гибель 14 пусть даже видных опричников представляется не столь уж значительным фактом. Каждый случай опалы или казни опричника имел свои конкретные причины. П. А. Садиков прав, утверждая, что Грозный, награждая и оберегая «своих», «близких» людей — опричников, не останавливался перед жестокой расправой с ними, даже с самыми интимными фаворитами (как, например, с Ф. А. Басмановым), когда видел, что близость их к трону перерождается если не в прямую измену, то по крайней мере в пренебрежение своим долгом и обязанностями.

Сторонники гипотезы об отмене опричнины должны в конечном счете признать, что попытки положить конец наиболее вопиющим злоупотреблениям опричнины не затрагивали основ опричного режима, но проводились с обычной для Грозного решительностью и беспощадностью.

Нельзя упускать из вида и того, что опалы и казни некоторых опричников начались еще в 1569 г., т. е. за три года до «отмены» опричнины. По главное, нельзя абстрагироваться от результата казней ряда крупнейших деятелей опричнины в начале 70-х гг.

Инициатором казней 1571 г. был Малюта Скуратов. Именно он обезглавил опричное правительство, добившись отставки Басманова и Вяземского, а затем совершил разгром старой опричной верхушки. Свирепые репрессии против новгородских изменников и «виновников» майской катастрофы позволили Скуратову окончательно захватить власть в свои руки, замечает Р. Г. Скрынников. Но если так, значит, не опричнина была обезглавлена, а ее прежнее руководство. Устранение из него наиболее влиятельных представителей старомосковской знати, переход главенства в опричнине к Малюте Скуратову и Василию Грязному, естественно, только усиливали «опричность» опричнины!

Весной 1572 г. Малюта Скуратов получает исключительно высокое военное назначение: «Да з государем в полку. . . дворовые воеводы князь Федор Михайлович Трубецкой, да Малюта Лукьянович Скуратов» — читаем в Официальной разрядной книге.

В походе на Пайду в январе 1573 г. Малюта Скуратов и Василий Грязной удостоились небывалой для них чести — были практически приравнены к боярам: «Да з государем ездити дворяном з бояры: Малюта Лукьянов сын Скуратов, Василий Григорьев сын Грязнова». Влияние партии Малюты в руководстве опричниной оказалось столь велико, что даже после смерти временщика его вдова сохраняла за собой один из высших опричных окладов — «400 рублей». Родственник Малюты — Богдан Яковлевич Бельский, получив тогда же один из высших дворовых окладов — 250 рублей, оставался (наряду с другим опричником и родственником Малюты Борисом Годуновым) одним из самых влиятельных деятелей царского дворового правительства до конца жизни Грозного.

Если согласиться с мнением С. Б. Веселовского, что в 1572 г. произошло слияние опричного двора и правительства с земским двором, придется признать, что в этом якобы земском дворе продолжали верховодить такие «земские» деятели, как Малюта, Грязной и их сторонники. Не вернее ли было бы в таком случае считать, что не опричнина растворилась в земщине, а, напротив, вся земщина полностью и окончательно подпала под власть опричников.

Свидетельством в пользу отмены опричнины Р. Г. Скрынников считает тот факт, что в начале

70-х гг. в опричную думу вошли представители «лучших» родов — Ф. М. Трубечкой, Н. Р. Одоевский, С. Д. и П. Д. Пронские, И. А. Шуйский, О. М. Щербатый-Оболенский, А. П. Хованский. Тем самым, по мнению исследователя, царь подготавливал почву для окончательной расправы с опричной гвардией. Опровержение этого аргумента облегчено самим Скрынниковым, который в дальнейшем изложении дает другое толкование данному факту: «Последнее опричное правительство отличалось одной характерной особенностью. Вопедавшие в него представители титулованной знати были в большинстве людьми сравнительно молодыми... В политическом отношении... совершенно бесцветными. Их роль... сводилась к внешнему представительству, опричному двору нужен был новый, блестящий фасад». Именно так. Налицо очередной маневр царя Ивана, призванный прикрыть реальный характер его правления с помощью включения в число деятелей опричнины титулованных марионеток. Этот маневр имел и другое назначение — впрямь в опричную колесницу представителей высшей аристократии с целью возложить и на них ответственность за опричную, т. е. бескомпромиссную самодержавную, политику, способствовать полному подчинению родовой знати царскому правительству, выбить почву из-под обвинений царя в том, что он окружил себя одними худородными «маленькими» людьми. {

Р. Г. Скрынников напоминает, что в период фактического владычества Малюты Скуратова большое влияние на Грозного приобрел астролог и медик Е. Бомельный, и делает вывод, что возвышение астролога служило симптомом полного упадка опричнины. Ход рассуждения здесь малопонятен. Иван Грозный и его сподвижники как до опричнины, так и во время ее существования были и оставались людьми религиозно-мистического мышления, имеющего очень мало общего с реалистическими, а тем более научными представлениями о причинной связи явлений природы. Возвышение астролога при дворе не свидетельствует поэтому ни о чем, кроме того, что царь Иван был сыном своего века. К симптомам политических перемен этот факт никоим образом отнесен быть не может.

Примером, доказывающим отмену опричнины, Скрынников считает также преобразования, проведен-

ные в Новгороде зимой 1571/72 г. В январе 1572 г. царь назначил первым наместником в Новгород главу земской думы князя И. Ф. Мстиславского. Вторым наместником был тогда же назначен опричник князь П. Д. Пронский. Разделение Новгорода на земскую и опричную половины сохранялось. Через полгода новгородское наместничество было упразднено, и таким путем, пишет Скрышников, в городе была окончательно восстановлена единая администрация. Это верно — единая, но *опричная*. Уезжая из Новгорода, царь оставил «управу чинити людям» одного наместника — опричника Пронского, а в помощь ему назначил опричных дьяков Посника Суворова и Василия Щербину.

Еще труднее истолковать в пользу отмены опричнины так называемое слияние в 1752 г. в Новгороде земской казны с опричной, которое состояло в том, что Иван Грозный просто изъясил ценности новгородского казенного двора, причем проделал это с исключительным хитроумием. За месяц до прибытия в Новгород царской казны, вывезенной из Москвы в предвидении очередного нападения на столицу Девлет-Гирея, Грозный, находившийся в Новгороде, назначил на казенный двор в помощники к главному земскому казначею В. В. Мосальскому опричного печатника Р. В. Олферова. Вслед за этим опричная казна, пахотившаяся в Новгороде на царском дворе, была перевезена на Ярославово подворье, где была соединена с новгородской земской казной. Когда прибыли из Москвы 450 подвод с царской казной, ее сокровища были сложены там же, в подвалах Ярославова подворья. Но когда после отражения набега Девлет-Гирея царская казна была отправлена обратно в Москву, «слитые» с ней сокровища новгородской «земщины» тоже поехали туда. Ценности новгородского казенного двора были таким способом конфискованы царем в свою пользу, отняты у земщины.

Р. Г. Скрышников так характеризует эту финансовую операцию: когда в августе 1572 г. царь велел отправить сокровищницу в Москву, надобность в ее разделе окончательно отпала. Разумеется, «надобность» в том, чтобы оставить прежнему владельцу — земской части города Новгорода ее казну, у царя в момент его отъезда «окончательно отпала», и он прихватил ее с собой. Подобные «слияния» опричнины с имуществом зем-

щины происходили постоянно, с момента учреждения опричнины и до смерти Грозного. При всех условиях данных факт не может быть истолкован как слияние земской и опричной финансовых служб. Земский Большой приход и «дворовые» чети будут еще долго отдельно собирать по стране налоги с разделенных на «земскую» и «дворовую» территорий. Только в 1579 г. земский Большой приход будет окончательно изъят из ведения земских деятелей и переведен во «двор», под руководство опричных («дворовых») дьяков. Это будет решительным шагом в направлении концентрации всех доходов государства в ведении опричнины — «двора».

Немалое место в системе доказательств отмены опричнины занимают утверждения о будто бы происшедшем в 1572 г. и позже пересмотре опричной земельной политики в сторону возвращения к доопричному порядку землевладения. В рассуждениях исследователей на эту тему фигурируют и мифический «указ о возвращении старинных вотчин земским дворянам», и случаи возвращения прежним владельцам их конфискованных в опричину земель, и даже заблаговременное «бегство» высших опричных чинов из своих опричных поместий в земщину.

Ознакомление с действительным положением вещей, зафиксированным в источниках, показывает, что нет никаких признаков изменения земельной политики, существовавшей во время опричнины, ни в 1572 г., ни позднее, в течение всего царствования Грозного.

Существует распространенное мнение, будто из уездов, взятых в свое время в опричину, все земские землевладельцы были выселены и вся земля там шла в раздачу опричникам, в то время как в уездах, оставшихся в земщине, опричники земельных владений не имели. И то, что после 1572 г. некоторые земские дворяне оказались в опричных уездах, а опричники получили земли в земщине, рассматривается как пересмотр прежней земельной политики.

Здесь, однако, налицо недоразумение. Разделение земель на сплошь опричные и сплошь земские предполагалось провести при введении опричнины, но на деле это осуществлено не было. Обычно уезд представлял собою очень сложную чересполосицу земель опричных и земских; сплошными опричными округами можно считать лишь северные поморские уезды, где не было

частного светского землевладения. Этот вывод П. А. Садикова снимает возможность аргументировать отмену опричнины в 1572 г. тем, что после этой даты отмечены случаи «испомещения» опричников в земских уездах, а земских в опричных. Такое положение, как видим, имело место с первых лет опричнины и ничего нового после 1572 г. не произошло.

Посмотрим тем не менее, какие конкретные факты используются как признак отказа от земельной политики опричных лет и даже как доказательство того, что территория опричного удела после 1572 г. слилась с земщиной.

Р. Г. Скрышников приводит сведения о том, что видные опричники — дьяк Петр Григорьев, думный дворянин Василий Грязной, окольничий В. И. Умной-Колычев и родич Малюты Б. Я. Вельский сумели заполучить в свое владение в земской Шелонской пятине хорошие поместья. Некоторые из них оставили при этом свои прежние опричные поместья. Исследователь истолковывает такие случаи как бегство опричных начальных людей в земщину, что, по его мнению, не оставляет сомнений в том, что опричнине пришел конец. Видные опричники, в том числе родня Малюты Б. Я. Бельский, бегут из опричнины, а сам Малюта Скуратов тогда же «понял, что ему ничего не остается, как пойти на верную смерть», и отправился в поход под Пайду. Однако эта картина бегства из опричнины ее начальных людей, подобно крысам с тонущего корабля, совершенно не соответствует действительности. Назначение Малюты в поход под Пайду менее всего похоже на бегство от царского гнева. Что касается «бегства» видных опричников в земскую Шелонскую пятину, то, как свидетельствует сам Р. Г. Скрышников, они приобретали там богатые благоустроенные поместья, а оставляли значительно худшие, запустошенные. Так что обмен (к которому, например, В. Грязной принудил земского помещика) оказывался совершенно неравноценным. Впрочем, совершить «побег» из опричнины названным лицам все равно не удалось. Вслед за своими слугами и сам Грозный рассудил насчет Шелонской пятины, если воспользоваться словами «Большой челобитной» о Казани, следующим образом: «...таковая земляца... велми угодна, у такового великаго у силнаго царя под пазухою, а не в дружбе...

хоти бы таковая земля и в дружбе была, ино бы ея не мочно терпети за такое угодие». Шелонская пятина была взята царем в опричнину. В свете этого факта захват несколькими руководителями опричнины поместий в ней следует рассматривать как подготовку перехода данной земской территории в опричнину. Заключать из подобных случаев, что «опричнине пришел конец», нет ни малейших оснований.

Не больше оснований для такого вывода дает рассмотрение тех случаев, когда земским, высланным в свое время из уездов, взятых в опричнину, возвращали прежние владения. Во-первых, возвращение некоторых вотчин вернувшимся из ссылки началось не в 1572 г., а значительно раньше — по указу об амнистии казанским ссыльным 1566 г., т. е. в самый разгар опричнины. Во-вторых, вотчины были возвращены лишь ничтожно малому числу из бывших владельцев.

Из двух сотен дворян, сосланных в начале опричнины в Казань и в понизовые города, восстановили свое служебное положение и возвратились в свои вотчины только трое. Назвать лиц, возвратившихся в свои вотчины после 1572 г. в результате так называемой отмены опричнины, еще труднее.

С. Б. Веселовский, не находя в источниках сведений о том, что стало с опричным двором после упразднения и когда он был слит со старым государевым двором, утверждает, что этот вопрос представляется второстепенным и неважным по сравнению с другим вопросом — о возврате вотчин лицам, высланным в свое время из уездов, которые были взяты в опричнину.

Оставим в стороне не совсем ясную логику этого рассуждения, когда вопрос о судьбе опричного двора представляется неважным при решении... вопроса о судьбе опричного двора. Обратим внимание на тот более важный вопрос, о котором говорит исследователь. Данных о возврате в опричных уездах вотчин бывшим владельцам по существу нет. Историки сумели привести лишь один пример такого возврата, и то относящийся не к 1572, а к 1574—1575 гг. Речь идет об старинных вотчинниках Переяславского уезда Таратиных. Характерно, что этим же единственным примером ограничиваются подтверждения словам современника событий, проживавшего тогда в Москве немца

Генриха Штадена о том, будто после победы над Девлет-Гиреем в 1572 г. «все вотчины были возвращены земским».

Однако гора, насыпанная Штаденом, — «все вотчины были возвращены земским» — родила мышь — в распоряжении историков оказался единственный факт такого рода, да и то относящийся к более поздним годам. Впрочем, и с этим фактом придется расстаться. Дело в том, что Таратины получили назад свою вотчину в опричном Переяславском уезде, потому что вступили в опричнину. В списке служилых людей, составлявших двор Ивана Грозного в 1573 г., притом не в числе «нови́ков», а в числе служивших во дворе еще и в марте 1572 г., т. е. в несомненной опричнине, записаны Казарин Борисов Таратин — «стряпчий у конского корму» с окладом в «7 рублей» и Ивашко Пятого Таратин — стряпчий конюх с окладом в «3 рубли».

Этот факт указывает на то, что земли в опричных уездах бывшим земским возвращали тогда, когда они вступали в опричнину.

Подводя итог, можно с полным основанием утверждать, что никаких данных в пользу гипотезы об отмене опричнины рассмотрение истории служилого землевладения того периода не дает. И это вполне закономерно. «Введение опричнины, — как отмечает Р. Г. Скрынников, — знаменовало собой крушение княжеско-боярского землевладения. Катастрофа была столь велика, что никакие последующие амнистии и частичный возврат земель опальным князьям не могли ликвидировать последствий этой катастрофы». Тем более — следовало бы тут добавить, — что никакого, сколько-нибудь существенного возврата земель прежним владельцам практически и не происходило. Но если так, значит, не происходило и отмены опричнины в ее главном экономическом содержании. Как раз, напротив, осенью 1572 г., в момент, когда будто бы происходила отмена опричнины и раздача прежним владельцам опричных земель, был принят приговор, который ограничивал права бояр — членов думы на передачу их вотчин по наследству без специального разрешения царя. Тем самым опричная политика ограничения крупного землевладения в пользу царской казны получила решительное подтверждение.

Земельная политика двора по существу оставалась традиционно опричной и даже стала более последовательной. Земельное законодательство продолжало препятствовать возрождению крупного привилегированного землевладения.

Сравнительно недавно был обнаружен новый источник, еще раз подтвердивший, что земельная политика опричнины продолжалась и в 80-е гг. Включение бывших земских территорий в фонд дворовых земель сопровождалось выселением оттуда по царскому указу крупных земских землевладельцев и раздачей их вотчин в поместья дворовым людям. За отнятые вотчины выплачивалась денежная компенсация. К сожалению, источник не позволяет судить о том, соответствовал ли размер компенсации действительной стоимости конфискованного имущества.

В копийной книге Спасо-Ефимьева монастыря помещена копия царской грамоты, в которой, в частности, сказано: «... в прошлом, де, в 88 году, как в Суздале взят был к нам во двор и по нашему указу велено Стародубским князем за их вотчины деньги давати из нашии казны, а их вотчины велено в поместья раздавати».¹

Единый, развивающийся, а не выдохшийся и «отмененный» процесс представляла собой опрично-дворовая политика Грозного 60, 70, 80-х гг.

После так называемой отмены опричнины, якобы происшедшей в 1572 г., сохранялось и разделение территорий на земскую и дворовую.

С. Б. Веселовский отрицает это: «Большую путаницу в наши представления об опричнине внесло отождествление так называемых дворовых городов, которые упоминаются после отставки опричнины, с опричными городами в собственном смысле слова. Например, в числе дворовых городов упоминаются Псков, Ростов и Юрьев Ливонский, которые, как это достоверно известно, в опричнине не бывали».

Действительно, сохранявшееся разделение городов и территорий на земские и дворовые вносит большую путаницу, но, разумеется, не в представления о продолжавшемся существовании опричнины, а в представ-

¹ Гос. Ист. музей. Отдел письменных источников, ф. 17, оп. 2, № 258, л. 306 (Копийная книга XVIII в.). Об этом источнике автору сообщил обнаруживший его А. П. Павлов.

ления об ее отмене. И более того — выбивает из-под них почву. Что касается приведенного Веселовским аргумента — его нельзя признать убедительным. Ведь исследователь исходит в своем рассуждении из того, что еще надо доказывать. Названные им три города до 1572 г. в опричнину действительно не входили. Из этого, однако, не следует, что они не были взяты туда позднее, если опричнина продолжала существовать. А то, что она продолжала существовать под именем «двора», видно хотя бы из того, что дворовыми городами оказались не какие-либо три города, а более трех десятков, о которых «достоверно известно», что они в опричнине были. Размеры опричной территории и число опричных городов постоянно возрастали с момента учреждения опричнины. Города, которые раньше, например до 1566 г., «в опричнине не бывали», потом в ней оказались. Что касается конкретно Пскова и Ростова, они вошли в «бывшую» опричнину, т. е. в число дворовых городов действительно после 1572 г.

Как видим из Официальной разрядной книги, дворовыми стали бывшие опричные города и территории: Суздаль, Кострома, Бежецкая пятина, Белёв, Галич, Кашин, Лихвин, Козельск, Белозерский уезд, Вологда, Новгород (торговая сторона), Перемышль, Старица. Дворовыми остались Поморье, земли на Онеге, Ваге, Северной Двине и Пинеге. Вновь были «пойманы» в двор Опочка, Красный, Себеж — важнейшие опорные пункты в борьбе за Ливонию. Существование «дворовой стороны» в Москве зафиксировано источниками и в 1582 г. В разрядах то и дело указываются «государевы города» и «земские города».

В марте 1577 г. Кириллов монастырь получил две тарханские (освобождающие от налогового обложения) грамоты. Одну направили во все дворовые города за приписью дворового дьяка А. Шерафединова. Другую — во все города «нашего государства» за приписью земского дьяка С. Лихачева. Интересно, что в 1576 г. посаженный во главе земщины Симеон Бекбулатович именовал «свои», т. е. земские, города также: «города нашего государства». Земщина оставалась и при нем и после него отделенной от опричнины, от двора.

Р. Г. Скрынников выразил несогласие с утверждением, что дворовые территории и города, фигурирую-

щие в источниках до самой смерти Грозного, суть опричные территории и города. Он обратил внимание на то, что, согласно разрядной росписи 1577 г., Разряд направил в некоторые города и земли «дворян из земского» для сбора на государеву службу служилых людей — детей боярских. Очевидно, заключает исследователь, эти города не принадлежали к составу двора, иначе туда не могли быть посланы земские сборщики.

На наш взгляд, дело обстоит не так очевидно.

Заключение, будто в названные дворовые города «не могли быть посланы сборщики из земского», исходит из посылки, будто на опричных, а затем на дворовых территориях «испомещались» сплошняком одни лишь опричники и дворовые. Такое представление неточно. На опричных и дворовых территориях и в городах наряду с опричными и дворовыми служилыми людьми находились и земские, которых при переходе данной местности в опричину или в двор, оттуда не выселяли. Собирать их на службу по земским спискам направлялись земские сборщики. К тому времени, когда эти сборщики отправились в дворовые города собирать на службу своих служилых людей, дворовые из этих мест уже находились в царском войске. Об этом с очевидностью свидетельствует тот факт, что они уже фигурируют в той же самой росписи 1577 г., в подразделениях, численный состав которых тут же указан с точностью до одного человека.

К числу уже приведенных данных, подтверждающих, что опричина не была отменена Грозным в 1572 г., следует прибавить и еще одно свидетельство современника. Речь идет об «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского. Нетрудно представить себе, с каким злорадством написал бы он о провале опричной политики Грозного, об отмене ненавистой опричины. Но, как известно, найти ни в этом, ни в других сочинениях Курбского хотя бы намек на отмену опричины невозможно.

В 1573—1574 гг. к моменту окончания своей «Истории» Курбский пишет об опричнине как о существующем учреждении. «О, окаянныи... пагубники отечества, и телесоядцы, и кровопийцы, — обращается Курбский к опричникам, — поколь маете безстыдствовать и оправдати такова человека растерзателя». В патетическом этом вопросе звучит надежда на унич-

тожение опричнины. Но «доколе» опричники будут «безстыдствовать», Курбский не знает и конца опричнины явно не предвидит. Опричнина и опричники продолжают существовать для Курбского и в более поздние годы. В своем третьем послании Ивану Грозному, написанном в сентябре 1579 г., Курбский говорит, что с пути истинного людей совращает дьявол, и продолжает: «Как ныне и с твоим величеством по воле его случилось: вместо избранных и достойных мужей, которые, не стыдясь, говорили тебе правду, окружил себя сквернейшими прихлебателями и мацьяками, вместо крепких воевод и полководцев — гнуснейшими и богу ненавистными Бельскими с товарищами их, вместо храброго воинства — кромешниками, или опричниками кровоядными, которые несравненно отвратительнее палачей».

Для Курбского опричнина началась давно — с изгнания «избранных и достойных мужей», т. е. Сильвестра, Адашева и их соратников. Однако он не случайно не упоминает здесь имен организаторов опричнины — Басмановых «с товарищи», поскольку они давно сошли с исторической сцены. Он очень точно выбрал род Бельских, символизирующий как бы всю кровавую историю опричнины от Малюты Скуратова-Бельского и до виднейшего дворового деятеля конца 70-х гг. Богдана Яковлевича Бельского. В своем последнем послании Курбский все еще закликает царя: «Очнись и встань! Никогда не поздно...». Среди шагов, которые царь должен предпринять, чтобы спастись, очиститься, начать новую жизнь, а главное, чтобы прекратить ужасные бедствия своей страны, важнейшим, по мнению Курбского, является прекращение разгулов «кромешников» — опричников.

Как видим, Курбский ни в коей мере не поддается на удочку отрицания и сокрытия опричнины.

Изучение едва ли не всех соображений историков в пользу гипотезы об отмене опричнины, а также исследование источников, освещающих организацию государственного управления после 1572 г., убеждает в том, что объективных данных, подтверждающих эту гипотезу, нет. Источники сообщают множество фактов, указывающих на то, что опричнина под именем «двора» продолжала существовать.

Опричник-самозванец Генрих Штаден

Единственным современным событиям источником, содержащим прямое утверждение, что опричина была отменена, являются записки вестфальца Генриха Штадена, занесенного судьбой в Москву Ивана Грозного. По словам Штадена, всемогущий бог послал на опричину давно ожидавшуюся земскими «кару, которая приключилась через посредство крымского царя Девлет-Гирея. С этим и пришел опрличине конец, и никто не смел поминать опричину под следующей угрозой: виновного обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опричники должны были возвратить земским вотчины. И все земские получили свои вотчины». Из этого сообщения Штадена исследователи и делают заключение, что царем был издан указ об отмене опричины, содержащий ряд конкретных пунктов, в том числе предписывающий опричникам вернуть всем земским отнятые у них земли. К сожалению, сообщение Штадена не было подвергнуто источниковедческому анализу. Исследователи, обращавшиеся к «Запискам» Штадена, ограничивались общими оценками этого источника.

И. И. Полосин назвал их «повестью душегубства, разбоя, татбы с поличным», написанной с «неподражаемым цинизмом». «Бессвязный рассказ едва грамотного, необразованного и некультурного авантюриста Штадена», в котором «много хвастовства и лжи», — так характеризует этот источник С. Б. Веселовский. «Общим смыслом событий и мотивами царя Штаден не интересуется, — продолжает исследователь, — да и по собственной необразованности он не был способен их понять... По низменности своей природы Штаден меряет все на свой аршин».

Тем не менее при таких резких оценках источника это важнейшее сообщение об отмене опричины было воспринято с полным доверием.

«Записки» Штадена стали достоянием русской и советской историографии только в 1925 г. К этому времени гипотеза об отмене опричины, высказанная еще Карамзиным, насчитывала более ста лет своего существования. Но никаких прямых доказательств ее истинности в распоряжении историков не было. Завлечение Штадена прозвучало поэтому для сторонников данной гипотезы как долгожданное объективное

подтверждение их давнего предположения. В действительности же произошло нечто обратное: издавна существовавшая гипотеза сыграла роль готового подтверждения сообщению источника, что и вывело его из-под необходимого критического изучения. Между тем сообщения Штадена об опричнине вообще, а об ее отмене в особенности заслуживают предельно критического отношения.

Издатель «Записок» Штадена И. И. Полосин изложил обстоятельства их появления. К сожалению, эти обстоятельства никем из исследователей, в том числе самим Полосиным, не были учтены при оценке сочинений Штадена. Между тем сравнительное изучение различных произведений Штадена, написанных при различных обстоятельствах, ставит ряд вопросов, без ответа на которые «Записки» в качестве исторического источника использовать неправомерно. Вопросы эти таковы: все ли четыре произведения, составившие сборник «Записок» Штадена, написаны им лично? Что в сочинениях Штадена является воспоминаниями очевидца, а что — записью легенд и слухов? Внимательное прочтение сочинений, названных И. И. Полосиным, а отнюдь не самим Штаденом «Записки немца-опричника», заставляет поставить и такой вопрос: а был ли Штаден опричником? Не следует ли его заявление об этом занести в обширный список его явных выдумок?

Генрих Штаден составлял свои записки о Московии в 1577—1578 гг. в эльзасском имении Люцельштейн в Вогезах, принадлежавшем пфальцграфу Георгу Гансу. Этот политический авантюрист был в то время охвачен идеей захвата Русского государства. Немало энергии затратил он на сколачивание коалиции против Руси, стараясь втянуть в нее Пруссию, Польшу, Ливонию, Швецию и Священную Римскую империю. Георг Ганс добивался у императора и на заседаниях рейхстага ассигнований на создание могучего флота на Балтике для похода в северные моря с целью нападения на русские владения. Себя он предлагал в «великие адмиралы» будущей армады.

Мелкий авантюрист Генрих Штаден, вернувшийся из России в 1576 г., попался на глаза авантюристу большего размаха как нельзя более кстати. Живой свидетель «развала» Русского государства — а именно так хотел представить состояние дел в России Георг

Ганс, чтобы легче было уговорить своих союзников на войну против нее, — «знаток» русских правов Штаден должен был авторитетом очевидца поддержать планы воинственного пфальцграфа.

У Георга Ганса в замке Люцельштейн по его указанию и, скорее всего, при его участии Штаден создает первую часть своих «Записок». Она состоит из двух сочинений: «Проект завоевания Руси» и «Описание страны и правления московитов». Затем Ганс включает Штадена в качестве эксперта по русским делам в посольства, отправлявшиеся им в Швецию, Польшу и Ливонию. Одно из таких посольств было направлено к императору Рудольфу II. Штаден, как пишет И. И. Полосин, заинтересовал императора «и своей автобиографией, и рассказами о московитах». По предложению императора, Штаден, находясь при его дворе, пишет историю своих походов, «Автобиографию», как называет ее Полосин.

Вся рукопись, содержащая сочинения Генриха Штадена, состоит из четырех частей: 1) «Описание страны и правления московитов»; 2) «Проект завоевания Руси»; 3) Прошение Штадена на имя императора Рудольфа; 4) Автобиография Генриха Штадена. Произведения эти далеко неоднородны. Так, в частности, «Проект завоевания Руси» резко отличается от других частей рукописи. В нем содержатся такие глобальные политические рассуждения, которых в других частях не сыщешь. «Проект» озаглавлен сравнительно скромно: «План, как предупредить желание крымского царя с помощью и поддержкой султана, нагаев и князя Михаила из Черкесской земли захватить русскую землю, великого князя вместе с двумя сыновьями увезти в Крым и захватить великую казну». Однако далее следуют такие предложения императору: «Ваше римско-кесарское величество должны назначить одного из братьев Вашего величества в качестве государя, который взял бы эту страну (т. е. Россию. — Д. А.) и управлял бы ею». Итак, предлог — спасти Русь от покорения ее крымским ханом; суть — захватить ее. «Монастыри и церкви должны быть закрыты, — советует далее автор «Проекта». — Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей». Он развивает последовательный план захвата и оккупации городов при движении на Москву с севера.

«Отправляйся дальше и грабь Александрову слободу, — рекомендует автор, — заняв ее отрядом в 2000 человек. . . За ней грабь Троицкий монастырь». Затем, по его мнению, надо окружить Москву. «И Москва может быть взята без единого выстрела». Что касается великого князя, т. е. царя Ивана, то его «вместе с сыновьями, связанных как пленников, необходимо увести в христианскую землю. . .».

Автор плана этой грандиозной политической авантюры, рисуя картину легкого успеха, все больше и больше распаляется: «Затем, через окрестные страны можно будет пройти до Америки и проникнуть внутрь нее. С помощью персидского шаха можно будет совсем легко справиться с турецким султаном». Как видим, налицо план завоевания чуть ли не всего известного тогда мира, которое следует пачать с покорения и разграбления России.

Безудержное хвастовство и явный авантюризм Штадена видны и в других его сочинениях. Но масштабы и сам характер штаденевского хвастовства в них совершенно иные. Штаден пишет там о себе. Он хвастает личными «подвигами»: грабежами, изнасилованиями, аферами и, наконец, своим беспримерным личным героизмом на поле боя. Всегда и всюду он ищет только наживы. Глобальные политические планы ему совершенно чужды.

В отличие от автора «Проекта» Штаден в «Описании страны и правления московитов», которое безусловно принадлежит лично ему — человеку, действительно много лет прожившему в Московской Руси, — весьма далек от мысли, что Московское государство так легко и просто завоевать. Здесь им написаны от внутреннего убеждения идущие слова: «Хотя всемогущий бог и наказал Русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же выпешный великий князь достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера! Только он один правит! Все, что ни прикажет он, — все исполняется и все, что запретит, — действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне. И как долго продержится это правление — ведомо богу вседержителю».

Создается впечатление, что проект завоевания и оккупации Московского государства написан Штаде-

ном не самостоятельно, а при активном соавторстве Георга Ганса, внушившего ему свои геополитические идеи. При написании «Проекта» было использовано иногда в дословной цитации «Описание страны и правления московитов». Из этой цитации как раз и видно, что сначала было создано «Описание страны и правления московитов», на основе которого Штаден и Ганс составили «Проект завоевания Руси».

Цель произведений, написанных в Люцельштейне, состояла в том, чтобы убедить европейских государей вступить в антимосковскую коалицию. Какие-либо субъективные моменты вроде описания личных подвигов и походов Штадена были из них полностью исключены. Об этом свидетельствует и сама форма сочинений. Хотя «Проект» и написан от первого лица, местоимение «я» встречается в нем всего два или три раза в деловом контексте — «я полагаю» и т. п. В обширном «Описании страны и правления московитов» (48 страниц печатного текста) «я» не присутствует ни разу. Оба произведения отличаются от двух других — «Автобиографии» и «Прошения» — по весьма важному признаку: ни в «Описании», ни в «Проекте» нет ни единого слова о службе Штадена в опричнине, несмотря на то что упоминание опричнины в «Проекте» есть, а в «Описании» ей уделено очень много места. Грабежи и зверства опричников в «Описании» даются Штаденом с позиции стороннего наблюдателя, не имеющего ко всем этим эксцессам никакого отношения.

Рассказни о своей близости к Ивану Грозному, о том, как царь произвел его в «рыцарское достоинство», и соответственно о службе при царской особе, а значит и в опричнине, возникли у Штадена, вернее, понадобились ему только на втором этапе его «литературного» творчества, когда он оказался при дворе императора Рудольфа II. Понятны и мотивы, побудившие Штадена заговорить на эти темы, — желание «порыцарски... служить» его «римско-кесарскому величеству», т. е. получить при дворе императора высокую должность и титул. Пребывание в числе «князей и бояр» на службе у иностранного государя вело в те времена к возведению в соответствующее достоинство если не механически, то наиболее прямым и простым путем. Ради этого предприимчивый авантюрист, обретавшийся на Руси в качестве торгоша и шинкаря, по-

лучивший как иноземец на русской службе небольшое поместье, и возвел себя в ранг русских «князей» — «опричников».

При дворе Рудольфа II Штаден находился без призора образованного и искусного в дипломатии Георга Ганса. Соответственно написанное им здесь произведение — «Автобиография» обнаруживает его собственный вкус, уровень его мышления и характер его личности. К этой части и могут быть отнесены такие оценки его писаний, как «неподражаемый цинизм», «бессвязный, полуграмотный рассказ» и т. п. Здесь Штаден дал простор своему безудержному хвастовству.

Вместе с «Автобиографией» Штаден подал императору свои предыдущие сочинения — «Проект завоевания Руси» и «Описание страны и правления московитов». Сборнику было предпослано прошение на имя императора, являющееся предисловием, кратким пересказом всех последующих частей.

В сочинениях Генриха Штадена можно отчетливо различить два типа известий: рассказы о событиях, свидетелем и участником которых он был сам лично, и пересказы всевозможных легенд и слухов, ходивших в окружавшей его во время пребывания на Руси среде. Некоторые из запомнившихся ему слухов отражали действительные факты. К их числу следует, например, отнести рассказ о том, как гетман Полубенский с помощью русских изменников Тетерина и Сарыхозина, назвавшихся опричниками, обманом занял город Изборск. С другой стороны, как пример мифа, до неузнаваемости искажающего лежащие в его основе русские сообщения, можно привести рассказ Штадена о спасении города Пскова от окончательного разорения опричниками Ивана Грозного. Штаден в нем все исказил. В описанном им холостяке-скотопромышленнике и предсказателе будущего Микуле вряд ли можно было бы опознать и без того легендарного псковского юродивого Николку, если бы мы не знали рассказа о нем из других источников. К сожалению, во множестве других случаев мы остаемся один на один со Штаденом, с его лживыми «свидетельствами».

Из записок Штадена с полной отчетливостью выясняется, что с самого начала и до конца своего пребывания «в стране московитов» он находился в земщине. В первых своих сочинениях — в «Проекте» и

в «Описании» он сам так и пишет. А в «Автобиографии», где Штаден несколько раз заявляет, будто был опричником, он то и дело «проговаривается», многие объективные детали выдают истину, состоящую в том, что он постоянно жил в земщине.

Вскоре после прибытия на Русь Штаден, как и было принято среди иноземцев, завел в земщине корчму. Его торговля вином по каким-то причинам вызвала недовольство среди жителей соседних, якобы опричных улиц: «Простолюдины из опричнины жаловались на меня на земском дворе, что я устроил у себя корчму».

Несколькими строками выше Штаден между делом обмолвился, что у него уже был в то время двор в опричнине. Но если он уже был опричником, то как мог он торговать вином в земщине? Не кто иной, как сам Штаден уверяет, будто за общение опричников с земскими и тех и других подвергали жестокой расправе. Во-вторых, как могли «простолюдины из опричнины», т. е. простые посадские жители и крестьяне, жаловаться на царского слугу — опричника? В-третьих, почему опричные жалуются на опричника на земском дворе? Чем им вообще мешает корчма, открытая в земщине, т. е. в другой части города? Вполне очевидно, что опричнина здесь, как и на других страницах данного сочинения, названа Штаденом для красного словца. На деле же речь идет о жалобе жителей посада — «простолюдинов» в земский двор на обосновавшегося у них мошенника-шинкаря. Это заключение подтверждается дальнейшим сообщением Штадена.

«На земском дворе начальником и судьей был тогда Григорий Грязной». Свидетельство само по себе исключительно интересное. Оно говорит о том, что административного отделения земщины от опричнины не было с самого начала и о том, что не только после 1572 г. опричники оказались в руководстве земскими учреждениями, но что такое положение существовало изначально.

Штаден заявляет, что Григорию Грязному он «полюбился, точно сын родной, как он говаривал. Вот что делали деньги, перстни, жемчуг и т. п.». Как утверждает Штаден, Грязной «сказал всему миру: „Двор этот принадлежит немцу. Он иноземец и нет у него друзей-покровителей“». Если это так, Грязной своими

словами засвидетельствовал «всему миру», и в том числе нам — историкам, что Штаден, заявляющий, будто был в тот момент опричником, в действительности им не был. Об опричнике, обласканном царем, не скажешь, что пет у него «друзей-покровителей». Тем более что, как уверяет сам Штаден, царь прислал в земщину указ, надежно ограждающий интересы опричников: «Судите праведно, наши виноваты не были бы». «Так все и осталось, — пишет тут же Штаден и продолжает: — В земщине был у меня еще один двор. . .».

Далее Штаден рассказывает: «Когда великий князь дал нам (иноземцам. — Д. А.) поместья, занимался наделением землей Иван Висковатый». Вот это вполне точно. Благоустройством иноземцев занимался глава Посольского приказа известный деятель земщины И. М. Висковатый. Однако не было и не могло быть того, чтобы Висковатый наделял землей опричника.

Тут же Штаден пишет: «Так как я постоянно бывал у первого боярина Ивана Петровича Челяднина. . . то этот боярин. . . приказал дать мне то поместье, о котором я и бил челом». И. П. Челяднин мог распорядиться только земскими делами и раздавать опричникам поместья не мог ни в опричнине, ни в земщине.

Итак, у Штадена в земщине два двора, корчма и поместье. Дела его решают на земском дворе. Он пользуется покровительством руководителей земщины, постоянно с ними общается, а опричника Грязного (управляющего земскими делами) вынужден подкупать, как, надо думать, поступали многие земские.

В своих ранних сочинениях, в которых Штаден еще не выставляет себя опричником, он постоянно говорит об опричниках с возмущением: «Великое горе сотворили они по всей земле! И многие из них были тайно убиты», они «обшарили всю страну», «сами составляли себе наказания» на ограбление земских, «по своей прихоти и воле. . . истязали всю русскую земщину», они «не могли насытиться добром и деньгами земских». Здесь он ни разу не ассоциировал себя с опричниной.

Дважды и совершенно по-разному изображает Штаден свое участие в битве на Молодях с ордами Девлет-Гирея в 1572 г. Два этих рассказа настолько лишены каких-либо реалий, кроме тех, которые знали бук-

вальпо все жившие тогда в русском царстве люди (например, о пленении Дивея-мурзы и т. п.), настолько неправдоподобны и настолько противоречат один другому, что создается впечатление — Штаден вообще не принимал участия в этих боях. Так или иначе, в своих первоначальных воспоминаниях он определенно говорит, что находился в земском войске под командой воеводы М. И. Воротынского. «Мы», «нас», «нам» — то и дело повторяет он, вписывая себя в число подчиненных земского воеводы. Ни опричина, ни опричный воевода Д. И. Хворостинин в этом рассказе даже не упоминаются. Нет здесь речи и о том, что сам Штаден имел какое-либо отношение к опричным полкам.

Итак, Штаден во всех своих сочинениях, включая «Автобиографию», где прямо, где косвенно, по достаточному определенно говорит о своей жизни в земщине. Рассказывая о «земской» жизни Москвы, он сообщает множество безусловно верных и точных деталей. Большинство из них находит подтверждение в русских источниках и в сочинениях других иноземцев. Как только Штаден заговаривает об опричине, а тем более о своей службе в ее рядах, он погружается в бездну несусветной лжи и непримиримых противоречий.

По словам Штадена, опричина была учреждена до бегства Курбского. Он утверждает, что Курбский потому и бежал, что ему не понравилось установление царем опричного порядка: «Как только понял этот штуку с опричниной, пристроил он свою жепу и детей, а сам отъехал к королю польскому Сигизмунду-Августу».

«До того как великий князь устроил опричину, — пишет далее Штаден, — Москва с ее Кремлем и слободами была устроена так...». Идет описание доопричной Москвы и Кремля — доопричной резиденции великого князя. Тут же, однако, говорится: «На этой площади (на Красной. — Д. А.) умерщвляли и убивали господ из земщины. Тогда вся площадь... бывала окружена и занята опричными стрелками...». Выходит, по Штадену, что опричина и земщина, опричный террор и опричные стрелки существовали до учреждения опричины. Дальше — больше: не успел «великий князь» устроить опричину и начать выселение всех неопричных с опричных земель, сообщает Штаден, как «тогда же подоспели великий голод и

чума». В действительности между началом опричнины и временами «великого голода» и чумы прошло пять-шесть лет.

Интересно, что в «Описании» Штаден совершенно правильно относит чуму и голод, постигшие Русь, к началу 1570-х гг. Это значит, что, сочиняя о своей опричной службе, он сознательно, вопреки фактам писал то, что ему в этот момент было нужно.

Тогда же, по утверждению Штадена, т. е. сразу же после учреждения опричнины, царь, вернувшись в Москву, убил первого боярина И. П. Челяднина. Таким образом, Челяднин погиб, по заявлению Штадена, беспричинно. Штаден знает о заговоре 1568 г., раскрытом царю Владимиром Андреевичем Старицким, явно понаслышке. О том, что Челяднин погиб в 1568 г. по обвинению в руководстве этим заговором, Штадену, очевидно, неизвестно. Кстати сказать, даже дату гибели В. А. Старицкого, на бывших землях которого Штаден получил поместье, он тоже резко сместил. По Штадену, князь Старицкий был убит после возвращения царя из похода на Новгород, т. е. в 1570 г. В действительности он погиб до Новгородского похода, в октябре 1569 г. Неправдоподобно и то, что царский приближенный Штаден получил поместье в уделе В. А. Старицкого еще до того, как этот удел перешел в январе—марте 1566 г. «по обмену» в царское владение.

В «Автобиографии», где Штаден впервые заявил, что он и сам был опричником, он тем не менее ничего не сообщает ни об одной своей конкретной службе в рядах опричников. Об этом ему сказать, видимо, абсолютно нечего. Вместо рассказа о каких-либо службах в царской опричнине он вынужден сообщать, как и почему он от них каждый раз отказывался.

Оставленное Штаденом описание опричного двора весьма конкретно. Но нельзя не заметить, что это чисто внешнее описание. Штаден видит и описывает опричный двор так же, как он видит и описывает Кремль, — каким его видели все бывавшие там жители Москвы, в том числе и стоявшие на опричном дворе на «правеже», т. е. понуждаемые сечением кнутом к уплате долгов или налогов.

Сам Штаден весьма точно озаглавил свое описание московской резиденции царя на Неглинной: «Строения

опричного двора». Строения! У Штадена нет ни слова о том, как выглядят внутренние покои опричного дворца. Если бы он их видел, то не преминул бы описать их убранство или, скажем, царский пир. Но об этом Штаден представления не имеет. Вот почему у него и возникла необходимость дать объяснение явному «провалу памяти»: «Я не согласился на предложение, сделанное мне (царем. — Д. А.) через дьяка Осипа Ильина, все время безотлучно состоять при великом князе». После рассуждений на этот счет Штаден написал фразу, которую И. И. Полосин называет «не вполне ясной»: «Благодаря этому я и писать не мог больше».

Теперь становится понятным, что хочет внушить своему читателю Штаден. «Благодаря этому», т. е. его отказу «состоять при великом князе», он не смог продолжить описание опричного дворца — а именно того, что происходило в покоях великого князя, поскольку он в них и не бывал.

Об Александровской слободе Штаден и вовсе ничего не знает. В «Проекте» он говорит лишь о том, из чего сделана стена, окружающая Слободу, сообщает, что в Слободе хранятся деньги и добро, «что наградил великий князь по городам». Такое неведение и, можно сказать, невидение тоже более чем странно для опричника, будто бы направившегося вместе с царем в поход на Новгород. Поход этот, как известно, начался из Александровской слободы и там в глубокой тайне подготавливался.

Впрочем, однажды Штаден, видимо, был в царских палатах, но не в Слободе, а в Кремле. Он пишет, что был переводчиком при переговорах царя с пленным магистром Ливонского ордена Вильгельмом Фюрстенбергом: «Великий князь в своем одеянии сидел со своим старшим сыном. Опричники стояли в палате по правую руку великого князя, а земские по левую». Пусть все здесь точно, и Штаден описывает то, что действительно видел. Дело, однако, в том, что сам он в этом случае должен был находиться вместе с земскими. Ибо, согласно этому его сочинению — «Описанию страны и правления московитов», он в опричнине не служил.

Новгородский погром, так же как и историю с псковским Микулой, Штаден описывает опять-таки

понаслышке. Он уверяет, будто ему пришлось не по душе, что награбленное в Новгороде имущество не было разделено по справедливости между опричниками. Тогда он «решил больше за великим князем не ездить». Это заявление Штадена само по себе не соответствует реальному положению вещей. Опричники, как сообщают другие источники и тот же Штаден, хорошо пограбили новгородский посад. С другой стороны, ни о какой раздаче опричникам «по справедливости» церковных и других ценностей, конфискованных в царскую казну, не могло быть и речи. Налицо очередная выдумка Штадена, склонного изображать опричнину как разбойничью банду.

Штаден и не ходил в составе опричного войска на Новгород. Об этом он весьма ясно проговаривается: «И я был при великом князе с одной лошадью и двумя слугами. Все города и дороги были заняты заставами, а потому я не мог пройти со своими слугами и лошадьми». Опять явная песуразица: либо он «был при великом князе», либо «не мог пройти» вслед за ним, так как все дороги были заняты заставами. Верно второе — не мог пройти к Новгороду, куда он и подобные ему мародеры пытались налететь, как воронье на свой кровавый клев. Вот подлинная причина, по которой, собрав вокруг себя всякий сброд, он «начал собственные походы и повел своих людей назад, внутрь страны, по другой дороге».

После своих разбойных походов Штаден якобы появился в Старице на опричном смотре, который был сделан для того, «чтобы великому князю знать, кто остается при нем и крепко его держится». У Штадена получается, что за учиненные им дезертирство и разбой Грозный его возвеличил. Утратив всякую меру, Штаден заявляет, что великий князь на смотре уравнил его в списке и жаловании с князьями и боярами — «mit den Knesen und Boiaren». В переводе И. И. Полосина это место выглядит иначе: «Он уравнил меня со служилыми людьми». Исследователь таким способом несколько оправдодобил рассказ Штадена, но оригинал такому переосмыслению не поддается. Штаден знает, что он хочет сказать: «Тогда великий князь и сказал мне: „Отныне ты будешь называться — Андрей Володимирович“. Частица „вич“ означает благородный титул. Иначе говоря, этими словами великий князь

дал мне понять, что это — рыцарство». Как видим, Штаден охотно присваивает себе титулы и положения, которыми на самом деле не обладал. Зачислив себя с такой легкостью в бояре, Штаден с еще большей легкостью зачислил себя в опричнину. На очередную высокую милость царя, если верить, что таковая имела место, Штаден ответил очередным уклонением от службы. Он снова едет в другую сторону, чем те, «кто остается при великом князе», т. е. опричники. «Великий князь поехал в Александрову слободу... Я же не поехал с ним, а вернулся в Москву».

Уклонился Штаден от своих обязанностей опричника — владельца земли в опричном уезде и в критический для Руси момент второго нашествия Девлет-Гирея в 1572 г. «Каждый должен был помогать при постройке Гуляй-города соответственно размеру своих поместий, равно как и при постройке укреплений по берегу реки Оки — посаженно. Я не соглашался на это».

Получается, что в государстве Ивана Грозного, где все, что он прикажет, «все исполняется», где «никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне», один Штаден, находясь на царской службе, притом в военное время, постоянно поступает вопреки приказам и вообще как ему заблагорассудится. Разумеется, не такова была опричная служба в действительности.

Итак, в трех своих сочинениях Штаден вообще не говорит о своей службе в опричнине. В четвертом — по вышеуказанным причинам он старается создать у своих именитых читателей впечатление, что на дворовой службе он получал от царя различные пожалования и титулы. Но при этом даже здесь он усердно доказывает, что никакой практической службы в опричнине не исполнял, за исключением участия в битве на Молодях в 1572 г. Но если в «Описании» Штаден утверждал, что находился в составе земского войска, то позднее, в «Автобиографии», он «зачислил» себя в опричный полк, которым командовал знаменитый опричный воевода Д. И. Хворостинин.

Поскольку Генрих Штаден жил и «творил» за 200 лет до своего прославленного литературного соотечественника, его с полным основанием можно считать предшественником столь преуспевающего в сочинительстве невероятных историй барона Мюнхгаузена.

Штаден, по его словам, находился в дозоре против татар в обороне на Оке. Под командованием у него находилось 300 опричников. Заметим: если бы это было так, Штаден занимал бы должность по меньшей мере «головой из опричнины» и имя его упоминалось бы в разрядной росписи. Но имя Штадена в разрядах ни разу не фигурирует.

«Я должен был дозировать, — пишет он дальше, — на реке, где переправится царь (Девлет-Гирей. — Д. А.)... и увидел, что несколько тысяч всадников крымского царя были уже по сю сторону реки. Я двинулся на них с тремя сотнями... Все три сотни были побиты насмерть... И я один остался в живых».

Большинство ученых, прочитав подобный «бесхитростный рассказ» Штадена, оценили его как хвастливое сочинительство, не заслуживающее серьезного доверия. «Рассказ немецкого авантюриста, — справедливо замечает Р. Г. Скрынников, — при ближайшем рассмотрении оказывается сплошным хвастовством». К сожалению, исследователи не столь объективно отнеслись к другим столь же «бесхитростным» рассказам Штадена — в частности, к тем, в которых он живописует отмену опричнины.

«По своей прихоти и воле, — пишет Штаден в «Описании», — опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил: „Довольно!“». По словам Штадена, великий князь приказал опричникам выплатить земским все, что они с них взяли, сполна. «Это решение пришлось не по вкусу опричникам. Тогда великий князь принялся справляться с начальными людьми из опричнины». Таково, по Штадену, начало разгрома опричнины. При этом он четко указывает время, когда опричнина была «выдана головой» земщине. Это произошло, по Штадену, до сожжения Москвы Девлет-Гиреем, т. е. до мая 1571 г. «Если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, земские получили бы много денег и добра по неправильным распискам, которые они должны были получить обратно от опричников. Но так как Москва сгорела, а с ней вместе и все челобитья, судные списки и расписки, земские остались в убытке».

Этим же допожарным временем Штаден датирует разгром опричнины и в «Автобиографии». По его словам, после новгородского похода «все князья и бояре,

которые сидели в опричных дворах, были прогнаны; каждый знал про себя, за что именно». В этот момент, по словам Штадена, «в стране еще свирепствовала чума». Далее он сообщает: «Когда я пришел на опричный двор, все дела стояли без движения, начальные бояре косо посмотрели на меня и спросили: „Зачем ты сюда пришел? Уж не мрут ли на твоём дворе?“ „Нет, слава богу!“ — ответил я». Штаден и здесь противоречит себе: либо опричные князья и бояре «были прогнаны» из соответствующих опричных учреждений — дворов, либо продолжали в них сидеть. Последнее представляется более правдоподобным. Картина опричного двора, парализованного чумой, и сам диалог Штадена с «начальными боярами», боявшимися, как бы он не «нанес» на них страшную болезнь, весьма патуральны, но ликвидация опричщины здесь ни при чем. Как бы то ни было, и этот «разгон» опричных датирован Штаденом кануном московского пожара.

Вместе с тем, описывая опричный двор Ивана Грозного, Штаден пишет: «Земские желали, чтобы этот двор сгорел, а великий князь грозился земским, что он устроит им такой пожар, что они не сумеют его потушить». Царь, иначе говоря, пригрозил сам спалить всю земскую Москву. Где здесь «любовь», проснувшаяся у царя к земщине, и его разочарование в опричнине?! Напротив. Далее говорится: «Великий князь рассчитывал, что и дальше он будет играть с земщиной так же, как начал. Он хотел искоренить неправду правителей и приказных... Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам, без подарков, дач и приносов. Земские господа вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор сгорел и опричнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и пожеланиям». Налицо совершенно другое описание кануна пожара Москвы. Никакого гонения на опричнину. Земщина противостоит царю с его опричниной, а царь хотел поступать «с земщиной так же, как начал». Земским оставалось надеяться, чтобы опричный двор сгорел. Другого конца его они не предвидят.

Но «всемогущий бог» вмешался в этот спор двух сил — царя с опричниками, с одной стороны, и зем-

щины — с другой. Бог «послал эту кару» и «с этим пришел опрличине конец».

Спрашивается: когда же все-таки «пришел опрличине конец» — до пожара Москвы, от которого позднее пострадали земские, оставшиеся в убытке, или «с этим», т. е. после пожара, в котором сгорел опрличный двор, в результате чего пострадали опрличники? По первому варианту земские не получили ничего, из-за того что все расписки, челобитья и судные дела сгорели, по второму — «опрличники должны были вернуть земским их вотчины. И все земские, кто (только) оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и опустошенные опрличниками».

Нетрудно разглядеть подлинный источник этого заявления Штадена. В обоснование своих слов об отмене опрличины он привел указ о частичной амнистии казанским ссыльным, в 1566 г., в соответствии с которым они должны были получить обратно конфискованные земли. Хорошо известно, что это обещание не было выполнено и прежним владельцам были возвращены только те владения, которые опрличники окончательно опустошили. Более ни о каких общих возвратах конфискованных владений речи никогда не было.

Итак, в результате сожжения опрличного двора, во всяком случае после этого, опрличине вторично пришел копец. Однако даже на страницах записок Штадена, дважды «отменившего» ее, опрличина оказывается невероятно живучей.

«На следующий год после того, как была сожжена Москва, опять пришел крымский царь». Штаден, как мы помним, служит теперь в той самой опрличине, которой уже год назад «пришел конец», под командой опрличного воеводы Д. И. Хворостипина. «Когда эта игра (т. е. разгром татар летом 1572 г. — Д. А.) была кончена, все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь долее не мог без них обходиться. Опрличникам должны были быть розданы взамен этих другие поместья». Получается, что опрличники должны были теперь вторично вернуть земским их вотчины. В первый раз это произошло после пожара Москвы и опрличного двора: «И все земские... получили свои вотчины». И тогда для этого были свои причины.

Теперь земские опять получают назад свои вотчины за то, что победоносно выступили против Девлет-Гирея. Теперь в отличие от предыдущих заявлений Штадена опричники остаются опричниками и взамен земель, возвращаемых земщине, получают другие земли. Остаются и раздельные «смотренные» списки опричников, но Штаден лично из них выбыл. «Причина: все немцы были вписаны вместе в один смотренный список. Немцы предполагали, что я записан в смотренном списке опричных князей и бояр. Князья и бояре думали, что я записан в другом — немецком — смотренном списке. Так при пересмотре меня и забыли».

Здесь мы узнаем от Штадена о том, что «думали» немцы и о том, что «думали» князья и бояре. При этом никто из них не «думал», что опричнина ликвидирована, что исчезли отдельные «смотренные» списки опричников. Неизвестно только одно — что же думал сам Штаден? Почему он отказался получить новые земли, которые раздавались опричникам взамен утраченных земских земель, и почему отказался оставаться в составе русского «рыцарства»? Непонятно и то, почему он при возвращении земель бывшим земским владельцам утратил свои земли в Старицком уезде. Бывший Старицкий удел уже несколько лет был и оставался владением царя, его дворовой вотчиной и возвращению в земщину не подлежал. Так или иначе, теперь Штаден утверждает, что опричнина сохранялась, несмотря на возвращение земским их вотчин, и только он лично из нее «механически выбыл».

В момент написания своих записок, т. е. в 1577—1578 гг., Штаден говорит об опричнине как о действующем в Московии порядке: «Теперь с великим князем ходят поведельные господа, которые должны бы быть холопами тем — прежним».

Таковы сведения об опричнине, содержащиеся в сочинениях Штадена. Рассмотрение их в целом является необходимой предпосылкой для оценки свидетельств Штадена об опричнине и ее отмене в качестве исторического источника. Исследование показывает, что «Записки» Штадена о Московии весьма тенденциозны и, что еще хуже, обесцениваются немалым числом заведомых измышлений. Последние имели целью показать личный героизм Штадена (как он его понимал), его находчивость, изворотливость и удачливость.

Явной выдумкой являются появившиеся на последнем этапе рассказа Штадена о его постоянной близости к царю, т. е. о его службе в опричнине. То, что Штаден не служил в опричнине, да и вообще на какой-либо дворянской службе, доказывается помимо его саморазоблачений также и важнейшим объективным фактом. Все без исключения иноземцы, исполнявшие ту или иную царскую службу или встречавшиеся с царем Иваном, бывавшие у него на приемах, помимо личных воспоминаний оставили объективные следы своей деятельности в русских и иностранных источниках. И только о Штадене и о его службе все источники хранят красноречивое молчание.

На основании всего сказанного можно заключить, что Штаден в опричнине не служил и что его заявления об отмене опричнины не заслуживают ни малейшего доверия. Тем, кто впредь пожелает опереться на свидетельства Штадена об отмене опричнины, следует выбирать между двумя его противоположными утверждениями: опричнине пришел конец — опричнина продолжала существовать.

Что касается других иностранцев, посещавших Москву Ивана Грозного, для них, как писал П. А. Садиков, идентичность нового двора царя и старой опричнины была несомненна.

Глава 8

ЦАРСКИЙ СТРОЙ В НАЧАЛЕ СВОЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ

Список опричников двора Ивана Грозного

Исследователь опричнины Г. Н. Бибииков в 1941 г. писал в своей работе о социальном составе опричнины: «Про опричнину царя Ивана IV написано очень много, про опричников — почти ничего». В результате проделанной им кропотливой работы Г. Н. Бибииков смог сказать, что ему «известны имена 234 опричников». Исследователь понимал, что 234 опричника — далеко не полный список опричного двора и выразил надежду: «Может быть, какая-нибудь счастливая находка и увеличит число известных нам сподвижников царя Ивана. Но пока ее нет».

В 1949 г. мною, как говорилось выше, был обнаружен и опубликован список служилых двора Ивана Грозного, в котором числится 1854 человека с указанием окладов для лиц высшего состава и с указанием для лиц обслуживающего персонала их обязанностей, оплаты и «корма».

Судьба находки, однако, оказалась не совсем счастливой. На документе стоит дата — 20 марта 1573 г. По мнению большинства историков, к этому времени опричнина уже полгода как была отменена и слилась с земщиной. Из этого убеждения исходила в своем сообщении о списке служилых людей 1573 г. О. А. Яковлева,¹ отрицавшая, что список дворовых 1573 г. является списком служилых опричного двора. Это сообщение занимает всего две странички печатного текста, на которых не нашлось места даже для имени автора опровергаемого труда. Тем не менее остановиться на

¹ Яковлева О. А. К вопросу о списке служилых людей 7081 (1573) г. // Зап. науч.-исслед. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1951. № 13.

работе О. А. Яковлевой придется, поскольку ее соображения были некритически восприняты рядом серьезных исследователей опричнины.

О. А. Яковлева сообщает, что «в Московском областном историческом архиве в фонде московского дворянского депутатского собрания в 1930-х гг. хранилось дело... касающееся... служилого рода Васильчиковых». В материалах этого дела, как пишет Яковлева, имеются дополнительные сведения о списке служилых 1573 г.

Из текста сообщения неясно: то ли дело, хранившееся в архиве в 30-х гг., к моменту выступления Яковлевой оказалось утраченным, то ли оно продолжало там храниться. Так или иначе, сама исследовательница с ним не ознакомилась. Автор сообщения не может назвать ни номера фонда, ни номера единицы хранения, ни листов дела, на которых имеются цитируемые ею строки, ни, наконец, названия источника. В других случаях, когда Яковлева знает источник, о котором пишет, она приводит все необходимые сведения: новый и старый шифр рукописи, номер листа, на который ссылается, и т. д.

Обратимся к существу названных архивных материалов. В 1790 г. братья Васильчиковы подали заявление в Московское дворянское депутатское собрание об утверждении их рода в дворянском достоинстве. Одна из справок, полученных ими для этого, гласила: «По справке в архиве фамилии Васильчиковых имена написанными оказались по Москве. В боярской книге 7081 (1573) году написано: „Книга царя и великого князя Иоанна Васильевича приговор, как давать жалованье бояром и князем, и детям боярским по государеву уложению на их головы и на люди“, без закрепы. А в заглавии оной написано: „Лета 7081 марта в 20 день государь царь и великий князь Иван Васильевич пометил бояром, и окольниковым, и диаком, и дворяном, и приказным людям свое жалованье по окладу“».

Перед нами два заглавия. Одно из них (последнее) — заголовок самого царского приговора. Оно дословно совпадает с заголовком опубликованного мною списка. Другое, по мнению Яковлевой, — «заголовок книги, содержащей в себе подлинник этого списка». Последнее неверно. Перед нами запись о внесении документа 1573 г. в копииную книгу. В процитированной записи Яковлевой произвольно расставлены кавычки,

которых в древнем тексте, естественно, нет. В результате слова «без закрепы» оказались оторванными от текста, частью которого они являются. В руках составителя данной копийной книги паходился не сам царский приговор, а его список без обязательной для подлинника дьяческой «закрепы». Яковлева не обратила внимания на то, что в заголовке самого приговора царь именуется Иваном, как и писали в деловых документах в XVI в., а в записи названия, которое дает копийная книга, — Иоанном. Такое написание в деловых документах XVI в., как известно, не употреблялось и появилось в официальной письменности в XVII в. Между тем ознакомление именно с этим вторичным заголовком — иначе говоря, с записью документа в копийную книгу XVII в. — «заставляет» Яковлеву «решительно опровергнуть» представление об опубликованном списке как о списке опричников. По ее мнению, заголовок, не принадлежащий самому списку дворовых, «ясно указывает на то, что опричины (хотя бы не под названием «опричины», а под названием «двора») в это время уже не существовало, служилые люди не делились больше на земских и опричных (или «дворовых»), и этот список не есть список опричников».

Как видим, О. А. Яковлева сделала свой вывод об источнике не на основании самого источника, а на основании заголовка его описания, появившегося лет через сто после самого изучаемого документа. Впрочем, в опубликованном ею позднем заглавии, появившемся в копийной книге, нет ни одного слова, которое хоть как-то меняло бы смысл заголовка самого документа.

Чтобы сделать вывод, что список 1573 г. не является списком опричников на том основании, что в его заголовке нет слова «опричина» (и даже слова «двор»), не было пужды публиковать в качестве архивной находки выписки из дела XVIII в. То, что слово «опричина» с конца 1572 г. в основном перестало употребляться в официальных документах, и без того известно. Исследовательница вступает в противоречие с огромным арсеналом других исторических источников, в которых деление служилых людей на земских и дворовых зафиксировано с полной ясностью. Отрицать этот факт ни до, ни после Яковлевой не решался никто.

Яковлева не смогла пройти мимо моего наблюдения о том, что слово «опричина» встречается в самом

тексте опубликованного мною списка. «Фраза, находящаяся в этом опубликованном в „Историческом архиве“ списке...», — замечает она, — „Меншик Недюрев. Государева ему жалования было в земском 50 рублей, а в опричном ему оклад не бывал“, также несомненно указывает на то, что опричина была уже в прошлом».

Если рассматривать цитированный текст как «фразу», т. е. вырвав его из контекста, он может свидетельствовать о чем угодно. Если же рассматривать его в контексте источника, смысл его совершенно однозначен. Меншику Недюреву, когда он был в земщине, платили «50 рублей». Если бы он в земщине и оставался, следовало бы проставить его обычный земский оклад. Но оклад Недюреву так и не проставлен — и это единственный случай на весь огромный список. Было, значит, неясно — сколько же платить ему теперь — не в земщине, а на новом месте службы. Попятен и повод для сомнений — другой путный ключник, быть может и глава Сытного приказа, Василий Матисов получает вдвое меньше — всего «25 рублей». Вопрос подлежал отдельному решению.

Таким образом, из текста вытекает не то, что опричина «была уже в прошлом», а нечто противоположное: для Меншика Недюрева, вступившего на дворовую службу, «была уже в прошлом» его служба в земщине. Теперь же ему предстояла новая служба и оклад ему надо было утверждать заново.

Таковы «веские», по характеристике Р. Г. Скрынникова, возражения О. А. Яковлевой против признания списка служилых людей 1573 г. списком опричного двора.

О. А. Яковлева излагает свой взгляд на то, что же представляет собою опубликованный мною список служилых людей 1573 г. По ее мнению, перед нами «просто список служилых людей, составлявших придворный штат Ивана Грозного, людей, занимавших определенные должности и несших определенные обязанности при царском дворе и получавших за это определенное жалование». С такой формулировкой можно согласиться. Именно так: «просто» список служилых людей, занимавших определенные должности, имевших определенные обязанности и «получавших за это определенное жалование». Вопрос только в том, что это за «определенные» должности и обязанности.

В списке дворовых 1573 г. названо 1854 человека, составлявших ближайшее окружение царя и его дворовую службу. Жалование поименованным лицам выдается на год, что многократно указано в документе. Вместе с тем в списке тщательно отмечены все «новики» — лица, вновь принятые в состав двора, одни «по родству», другие «в умерших место». Отметим из их числа такую категорию: «сытники новики, которые взяты по государеву приказу в 80-м году», т. е. за время сентябрь 1571—март 1572 гг. В списке отмечено 76 «нови́ков» и 9 «недорослей». Всего вновь принятых, считая Меншика Недюрева, 85 человек. Из сказанного следует, что весь остальной состав двора — 1769 человек — не менялся за истекший финансовый год и что список годового жалования от 20 марта 1573 г. повторяет, в основном копирует такой же список предшествовавшего года. Это значит, что в марте 1572 г., во время несомненного существования опричнины, почти все люди, перечисленные в списке 1573 г., выполняли те же «определенные» обязанности, что и теперь, и получали за это «определенные» в 1572 г., а возможно и еще раньше, оклады. Это значит далее, что в структуре опричного двора и в его личном составе с марта 1572 по март 1573 г. не произошло изменений, кроме принятия в его состав нескольких десятков незначительных приказных. Между тем именно в этот промежуток — летом и осенью 1572 г. была якобы ликвидирована опричнина.

Составитель списка дворовых 1573 г. всегда тщательно оговаривает все случаи получения жалования тем или иным лицом, или категорией лиц, которые чем-либо отличаются от общей нормы. Все такие оговорки, за единственным исключением, касаются «сытников». Большинство «нови́ков» — 50 человек были взяты именно в Сытный приказ. Трудно допустить, что в течение одного года естественной смертью вдруг разом умерли десятки сытников. Надо думать, что в 1572 г. многие сытники были казнены, что было результатом окончания следствия по делу об отравлении царицы Марфы Собакиной.

Еще до учреждения опричнины Грозный выделил сыновьям двор в Кремле, который считался земским. Люди этого двора служили «у царевичев», а государево жалование получали в земском Большом приходе. Со-

дается впечатление, что в 1573 г., возможно, также в связи с делом об отравлении Марфы Собакиной царь ликвидировал самостоятельные земские дворы царевичей и забрал их в свое дворовое (опричное) ведомство.

Служившие в земских учреждениях — Кормовом и Хлебном дворцах дворовые люди «имали» жалование из Большого прихода и из Дворцового приказа, т. е. в земщине. Все такие случаи специально оговорены. В числе дворовых — «подковщик», «немчин Юшко Черный, а корм ему идет з дворца». Он единственное помимо сытников лицо, которому идет (или шел) «корм» из земских приказов.

В списке дворовых 1573 г. есть прямое указание на то, что в нем перечислен состав не московского, а того двора, что находился в Слободе. Об этом опять-таки свидетельствует специально оговоренное исключение: «Государева московского двора дворник Давыд Фролов. Годового 15 рублей». Этот дворовый, служивший в Москве, получал, однако, жалование не в московских земских приказах, как некоторые «повара» и «помясы» царевичей и царицы, а в составе «особного» царского двора в Слободе. Должность «дворника», — видимо, вроде коменданта была, как можно из этого заключить, должностью опричной.

Все эти наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

Перед нами список двора Ивана Грозного 1573 г., аналогичный, за немногими исключениями, списку опричного двора 1572 г. Дворовые 1573 г. — в подавляющем большинстве опричники 1572 г., оставшиеся на своих местах и при своем жаловании. Сомневаться в этом нет никаких оснований.

Тем не менее В. Б. Кобрин, исходя из убеждения, что опричнина была в 1572 г. ликвидирована, не использовал список дворовых 1573 г. для выявления имен опричников. Исследователь воспользовался для выяснения состава опричного двора методом заведомо ненадежным: проверкой реального источника XVI в. — списка опричников 1572 г., дошедшего до нас в редакции 1573 г., — по спискам гипотетическим, составленным им самим частично на основании объективных показаний источников, но в большей своей части на основе чисто умозрительных предположений. В. Б. Коб-

рин полагает, что опубликованный им список опричного двора 1565—1572 гг. «включает имена 277 опричников».

На наш взгляд, сомнение в принадлежности к опричнине вызывает более чем половина названных им лиц. Несомненными опричниками действительно являются воеводы, головы и дьяки, названные в Официальной разрядной книге под рубрикой «из опричнины». С другой стороны, такой критерий для включения в число опричников — «все люди, сопровождавшие царя в походах в годы опричнины», в том числе «рынды и поддати», — является явно расширительным. Многие из этих однажды упомянутых на незначительной воинской службе были к тому же поддатыми и рындами не у самого царя, а у царевичей, т. е. в должностях явно декоративных, почти все они упомянуты лишь в одном походе на Литву в 1567 г. Еще меньше оснований считать опричниками таких же новичков, выпавших из службы в царском полку, после того как они побывали на ролях поддатней и рынд низшего разряда во второй раз — в походе 1570 г.

В числе «поручателей» за опального З. И. Очипа-Плещеева значится Матвей Семенович Воейков. Это единственный Воейков в гипотетическом списке опричников В. Б. Кобрин (№ 33). Его в списке двора 1573 г. нет. Зато там числится 21 его однородец, в их числе его родной брат А. С. Воейков и знаменитый по разрядам Баим Васильевич Воейков, получавший в 1573 г. один из высших дворовых окладов — «120 рублей», т. е. больше, чем многие «ведомые» опричники, названные в этом же списке. «Из двора дворянин» Б. В. Воейков с 1571 г. — близкое и доверенное лицо царя, затем начальник царской охраны постоянно получает «опричные поручения». Кого же, спрашивается, следует числить в опричниках — «поручателя» М. С. Воейкова, безвестно сгинувшего с 1566 г., или 21 его однородца во главе с Баимом Васильевичем Воейковым? Полагаю, что В. Б. Кобрин, «избрав» в опричники М. С. Воейкова и исключив Б. В. Воейкова и прочих дворовых 1573 г., весьма обеднил список.

Абсолютно то же самое произошло с «поручателем» за князя И. П. Охлябичина Дмитрием Ивасовичем Овцыным (у В. Б. Кобрин № 142). В списке 1573 г. его нет, поскольку в 1572 или в 1573 г. он умер. Но там есть 21 его однородец, в том числе его сын

Юрий Дмитриевич. Все они находились в составе двора уже в 1572 г., где, возможно, был до своей смерти и Д. И. Овцын. Нет никаких оснований считать опричником одного лишь Д. И. Овцына — «поручателя» и не считать тех 21, что числились во дворе царя в 1572—1573 гг.

Если исключить из списка В. Б. Кобрина, насчитывающего 277 имен, 58 незначительных поддатней и рынд, промелькнувших в разрядах, чтобы навсегда из них исчезнуть, прочих случайных лиц, числом в 70 человек, трех немцев, не фигурирующих ни в каких русских источниках, — Генриха Штадена и названных им опричниками двух его земляков — в общей сложности 131 лицо, то в нем останется всего 146 «ведомых» опричников.

Перед тем как проводить сравнение этого списка опричников со списком 1573 г., из числа этих 146 лиц следует исключить всех тех, кто к 1573 г. выбыл из опричнины в опалах и казнях. Таковых, по источникам и по наблюдениям исследователей, насчитывается 52 человека. Таким образом, для сравнения со списком 1573 г. в гипотетическом списке В. Б. Кобрина остается всего 94 человека, т. е. одна треть упомянутых в нем лиц.

Между тем именно отсутствие в списке двора 1573 г. почти двух сотен явно сомнительных с точки зрения их принадлежности к опричнине лиц послужило В. Б. Кобрину основанием для вывода, что «количество лиц, известных как опричники, в списке (1573 г. — Д. А.) слишком невелико», для того чтобы считать этот документ списком опричников.

И, наконец, выявляя бывших опричников, т. е. бесспорно служивших в опричнине до ее «отмены» в 1572 г., в списке двора 1573 г. Кобрин проверил только первые 76 имен этого списка. Если продолжить проверку, хотя бы до статьи «дети боярские, которым государево денежное жалование з городаы», выяснится, что в одной только первой части этого списка не 17 известных опричников, а 30 и не 23 их однородца, а 102. К опричникам надо причислить еще трех Милославских, которые были поддатнями в царском походе весной 1572 г., но остались В. Б. Кобрину неизвестными. Считать их опричниками следует потому, что из царских поддатней они в отличие от других попали

в состав царского двора. Однородец опричников Головленковых Василий Григорьев также служил вместе с ними во дворе 1573 г.

Таким образом, в списке дворовых 1573 г. названы 33 бывших опричника и 103 их однородца, всего 136 имен, т. е. в три с лишним раза больше, чем их насчитал Кобрин. Самих бывших опричников в списках дворовых 1573 г. более трети из 94, указанных в списке Кобрин и находившихся на службе в 1573 г.

В списке дворовых 1573 г. мы видим также имена тех, кого исследователи на основании других источников считали опричниками, но кого Кобрин в свой список не включил.

С. Б. Веселовский, не знавший списка дворовых 1573 г., считал, что при царе Иване через службу в опричнине попало в дворяне не менее десятка родичей Благих. Исследователь называет среди них такие имена: Борис Петрович, Елизар Иванович Шемякины, Иван Осипович, Владимир Петрович Вёршины. Все эти лица есть в списке двора 1573 г. Веселовский называет опричником и родственника Благих Степана Фендрикова, вступившего в опричнину в 1570 г. В списке 1573 г. имеется и Степан, значащийся, правда, как Федоров, а не Фендриков, при этом, однако, в соседстве с еще шестью Благими записан Остафий Фендриков. Степан Фендриков числится опричником в писцовой книге Шелонской пятины. Нет сомнения, что все эти Благие и их однородцы Фендриковы — опричники, как и предполагал С. Б. Веселовский.

П. А. Садиков, также не знавший списка двора 1573 г., считал опричником В. М. Безобразова, помещенного в дворовом Ржевском уезде. В списке двора 1572—1573 гг. находим и самого В. М. Безобразова и 24 его однородцев.

Принцип подбора «по родству» четко выражен в списке. Включение в состав двора целого клана родичей обеспечивало как бы родовую поруку. От верности одного зависела судьба десятков его родичей. Поэтому сама сплошная «клановость» списка дворовых 1572—1573 гг. — в нем почти нет одиночек, зачисленных без однородцев, — указывает на особый, хорошо известный опричный порядок подбора в состав двора «по родству». Вот перечень этих опричных кланов — весьма известных в последующих столетиях дворянских родов: Ба-

становы — 11 человек; Безобразовы — 25; Бельские — 12 (среди них числятся такие «ведомые» опричники, как покойный Малюта Скуратов, Богдан Яковлевич, Верига Третьяков, Григорий Петрович, Тимофей Петрович, Григорий Нежданов); Болотниковы — 12 человек; Булгаковы — 6; Бунаковы — 7; Восейковы — 21; Волженские — 16; Вороновы — 9; Готовцевы — 6; Дубасовы — 9; Елчаниновы — 6; Извековы — 8; Качаловы — 14; Колычевы — 10 (из них один — знаменитый опричник В. И. Колычев, он же возглавляет список дворовых 1573 г. и получает высший оклад — «600 рублей»); Косицкие — 10 человек; Краснослеповы — 8; Кукташевы — 32; Лехчановы — 6; Мокеевы — 13; Моклоковы — 11; Мокшеевы — 6; Овцыны — 21; Панины — 9; Спиридоновы — 9; Скобельдины — 34; Татищевы — 6 человек.

Рассмотрим еще одно возражение против признания списка дворовых 1573 г. списком опричников. На первый взгляд оно кажется весьма серьезным. Дело в том, что в этом списке отсутствуют имена нескольких крупнейших деятелей опричнины, а именно: опричных бояр — князей Пронских, Н. Р. Одоевского, В. А. Сицкого, И. А. Бутурлина, окольничего Д. А. Бутурлина, главного дворового воеводы 1573 и 1574 гг. Ф. М. Трубецкого, главы Постельного приказа Д. И. Годунова, печатника Р. В. Алферьева, М. Безнипа, Д. Черемисинова, Д. И. Хворостинина.

В разрядах все эти лица постоянно именуется дворовыми (как и те, которые в списке 1573 г. названы). Из этого вытекает, во-первых, что лица, перечисленные в списке 1573 г. и известные нам как опричники, равно как и неизвестные нам в качестве таковых, служат после 1572 г. в одном — дворовом — ведомстве с крупнейшими деятелями опричнины; во-вторых, что дворовые (так же как раньше опричники) числятся не в одном, а в нескольких списках — в соответствии со своим должностным рангом и обязанностями. Тот факт, что виднейшие дворовые не входят в список собственно двора, доказывает, что помимо двора в узком смысле существовало понятие «двор» в другом, широком смысле: двор — правящая верхушка, двор — правительственное учреждение. Известно, что ставить знак равенства между опричниной (опричным войском) в целом и царским опричным двором нельзя. П. А. Садилов.

ссылаясь на «Новое известие...» А. Шлихтинга, совершенно справедливо указывает на то, что «из опричного войска был выделен отряд особо доверенных лиц, составляющих специальную свиту — охрану Грозного и его семьи». Что касается опричного войска в целом, то Садиков полагает, что оно со временем достигло многих тысяч. И действительно, из разрядов мы знаем о многих опричных полках, выступавших одновременно в поход и на сторожевую службу. В. Б. Кобрин считает, что опричное войско достигало 4500—5000 человек.

Между тем, когда речь заходит об охранном корпусе царя, все иностранцы единодушно называют примерно сходные цифры его состава. А. Шлихтинг говорит о 800 лицах охранного корпуса царя, Таубе и Крузе упоминают 500—570 человек «особой опричины». На этот термин стоит обратить внимание как на выражающий суть дела.

В списке дворовых 1573 г. числятся две категории служилых людей. Первая — 654 человека — охранной корпус царя, его гвардия. Из них, судя по разрядам, рекрутируются доверенные царские порученцы, осуществляющие охранные, разведывательные, следственные и карательные функции. Как видим, число этих лиц соответствует тем примерным цифрам, которые единодушно называют иностранцы — современники Грозного, когда речь идет об охранном корпусе, об «особой опричине».

Все эти люди — феодалы-помещики, поэтому земельное владение в их годовом окладе не указано. Высшие денежные оклады получают такие виднейшие опричники, как окольный Василий Умной-Колычев, князь Борис Давыдович Тулунов, Василий Григорьевич Зюзин, Богдан Яковлевич Бельский. Интересно, что оклад знаменитого Малюты Скуратова-Бельского, погибшего в 1572 г. при осаде крепости Пайда, «400 рублей», получает его вдова «Марья Малютина жена Бельского». Это первый известный нам случай выплаты пенсии, или, может быть, лучше сказать пособия, вдове за погибшего мужа.

Остальные опричники, согласно окладам, разделены на различные группы. Первая, наиболее высокооплачиваемая получает по «50 рублей» годового жалования. В числе 14 человек, получивших такой оклад, на-

ходилась в 1573 г. молодой в то время опричник, будущий царь «Борис Федоров сын Годунов». Далее оклады постепенно снижаются и после пометки «ниже всех статей» идут опричники, получающие «5 рублей» в год.

Вторую часть списка составляет царская дворовая обслуга, числом в 1200 человек, состоящая в приказах — Постельном, Бронном, Конюшенном, Сытном. В приказах числятся и 80 помещиков. Это руководители различных служб и привилегированные мастера.

Сведения о структуре и личном составе приказов царского опричного двора представляют собой исключительный интерес для понимания становления и развития приказной системы в Московском государстве. Достаточно указать на то, что до опубликования списка двора 1573 г. в источниках вообще не было сведений о существовании в то время таких приказов, как Бронный и даже Конюшенный. Так, известный исследователь истории приказной системы А. К. Леонтьев считал, что само название «Конюшенный приказ» впервые встречается лишь в 1599 г. Теперь же перед нами не только упоминание Конюшенного приказа, существовавшего в 1573 г., а следовательно, и в 1572-м и, по-видимому, до этого тоже, но и полный список его состава с указанием на характер служб и даже на размеры окладов входивших в него дворовых.

Итак, опричный двор, как мы узнаем из списка 1573 г., состоял из четырех приказов: Постельного, ведавшего обслуживанием помещений дворца, гардеробом и предметами обихода царской семьи; Бронного, производившего и ремонтировавшего оружие для царя, царевичей и опричной дружины; Конюшенного, ведавшего огромным конским хозяйством царского двора и опричной гвардии, и Сытного, занимавшегося заготовками продуктов питания, хлебопечением и приготовлением пищи.

В Постельный приказ входило 188 истопников, сторожей и слуг. В его ведении находились и мастера различных профессий — шатерники, плотники, столяры и даже чемоданник. 16 портных мастеров обшивали царскую семью. Один из них, Иван Бут, был, надо полагать, мастером высочайшего класса. Помимо обычного оклада приказного человека — 5 рублей деньгами, 24 алтына «за сукно», т. е. плату за одежду, 5 полтей (полть — примерный вес молодого барана) мяса, 5 пу-

дов соли — этот портной был также «поверстан» 50 четьми земли, т. е. помещичьим имением. Кроме портных встречаем в составе Постельного приказа колпачников, чеботников, скорняков, пугвичника, гвоздочника и двух рожечщиков. Трудно сказать, имеются ли здесь в виду мастера по производству рожков для дворцового оркестра (заметим, что Грозный любил музыку и даже сам сочинял ее для церковного песнопения), или же речь идет об изготовлении инструментов для подачи звуковых команд в походах и сражениях или во время охоты.

В Бронном приказе, согласно списку опричного двора, числились 115 бронников, во главе которых стояли братья Угрим и Десятой (имя собственное) Непоставовы. Первыми и здесь названы три оружейных мастера-помещика, видимо, большие мастера своего дела, один шеломщик и два сабельника — братья Офона и Муха Горусины. И остальные оружейники распределены по различно оплачиваемым группам в зависимости от их мастерства. Среди них — юшанники (юшан — панцирь), наводчики (точильщики оружия), чищельники. В особую группу выделены самопальные стрельцы и мастера самопальных пищалей. Все они помещики. Один из них, Иван Поздеев, видимо, особо искусный стрелок или мастер, получал оклад 15 рублей, «да сукно доброе, да тафта, да 300 четей поместья».

Конюшенный приказ включал в свой состав 432 человека. В нем служило 66 помещиков, что и понятно: эти люди составляли значительную часть конной свиты царя и царевичей при выездах и охотах, входили в опричную гвардию с постоянным заданием — конюшенной службой.

Для черной работы, которой в конюшнях всегда очень много, в приказе состояло 356 простых приказных, которым платили небольшой оклад и выдавали «корм» — хлеб, мясо и соль.

Самым большим из дворовых приказов был так называемый Сытный дворец. В нем состояло 476 сытников — всякого рода ключников, подключников,стряпчих, хлебников, помясов, коровников, куретников, масличников. Ни один сытник не получал корма. Учитывалось, что, «слугуя» на продовольственных складах и кухнях, они будут сыты и без специально выдаваемого

им «корма». В состав опричного двора и особенно Сытного дворца людей отбирали необычайно строго. В дошедшей до нас описи царского архива есть запись: «Ящик 200, а в нем сыски родства ключников, подключников, и сытников, и поваров, и помясов, и всяких дворовых людей».

Царский двор — и в откровенно опричные, а затем в «дворовые» годы — был лишь особой частью опричнины. Поэтому и не приходится удивляться тому, что в его составе нет какой-то части опричного руководства, в том числе высших военачальников. Надо полагать, никто из исследователей не считает, что все «воеводы из опричнины» 1565—1572 гг. обязательно числились на собственно дворовой службе. Получив после 1572 г. вместо наименования «воеводы из опричнины» наименование «дворовые воеводы», они остались тем, кем были, — особо доверенными военными специалистами, принадлежащими к высшему правящему слою, что вовсе не означало физической службы в дворе — в царской личной охране или царской обслуге. То же касается Д. И. Годунова, бывшего царским постельничим в военных походах 1573 и 1574 гг. Эта почетная походная должность отнюдь не то же самое, что должность начальника дворового (дворцового) Постельного приказа — начальника над «комнатными», «мовными» и прочими «истобниками», «плотниками», «пугвичниками», «скорняками», «колпачниками» и тому подобными низшими чинами обслуги. Поэтому его отсутствие во главе этих чинов в списке дворовых также не должно удивлять.

То, что в состав двора 1573 г. вошли многие земские дворяне, также не свидетельствует, что опричнина была ликвидирована и что список 1573 г. не является списком опричников. Во-первых, в самом этом списке как раз очень мало «новииков», т. е. бывших земских, принятых на дворовую службу. Кроме того, не ясно, о чем вообще говорит тот факт, что на дворовую службу к 1573 г. попало то или иное число бывших земских. Формирование и пополнение опричнины с самого начала шло путем превращения земских служилых людей, земских городов, земских территорий в бывших земских служилых, в бывшие земские города и территории. Бывшие земские в 1565—1572 гг. становились опричными, а позднее дворовыми.

По мнению Р. Г. Скрышников, «дворовая ведомость» 1573 г. была составлена в Новгороде, куда царь к марту 1573 г. «вернулся со своим двором» из похода на Пайду. Там царь и «пометил» свое жалование дворовым людям, «находившимся при нем». Этим Р. Г. Скрышников и объясняет то, что в данном списке нет многих именитых деятелей двора.

Дело, однако, в том, что эти самые деятели двора, не попавшие в список, как раз находились с царем во время похода на Пайду — боярин князь Ф. М. Трубецкой, князья П. Д. и С. Д. Пронские, князь В. А. Сицкий, окольник Д. А. Бутурлин и другие. Если бы список дворовых 1573 г. составлялся по принципу раздачи жалования дворовым чинам, находившимся с царем в походе, — в нем оказались бы те дворовые, которых называет Р. Г. Скрышников.

В списке перечисляются отнюдь не походные, а «стационарные» должностные лица дворцовой обслуги. Невозможно себе представить, чтобы в поход на Пайду в составе Постельного приказа шли многочисленные «истобники» и «сторожи комнатные», 16 портных, «московского двора дворник»,стряпчие Большого и Малого погребов, гвоздочники. Гвозди в походе не делались, их брали с собой, как и готовую проволоку. Поэтому «гвоздочник» и «проволочник» — явно не походные профессии. Вряд ли везли в поход «верхнюю» и «нижнюю» казну. В походе не приходилось оставлять на решение царя — быть ли данным людям «в задворных... или в стряпчих копюхах», каждый уже был назначен на то или иное дело. И, наконец, незачем было в походе размечать жалование нескольким десяткам «новиков», принятых в Сытный приказ «в умерших место». Вполне очевидно, что эти «новики» взяты не вместо погибших в боях под Пайдой «поваров», «помясов», «куретников», а вместо дворовых сытников, казненных по подозрению в отравлении царицы Марфы.

На основании приведенных здесь многочисленных наблюдений можно заключить, что сомнения некоторых исследователей в том, что список дворовых 1573 г. — это список опричников, входивших в ближайшее и наиболее доверенное окружение царя, неосновательны, так как не имеют подтверждений в источниках.

Вывод о том, что список 1573 г. является списком опричников, укрепили интересными наблюдениями

А. А. Зимин и В. И. Корецкий. Зимин обратил внимание на то, что царский двор 1573 г. построен в полном соответствии с указом 1565 г. об учреждении опричнины и о создании «особного» опричного двора, дошедшим до нас в летописном пересказе. Корецкий обнаружил в списке двора 1573 г. «опричников, испомещенных в 1571 г. в Обонежской пятине и служивших во „дворе“ целыми семьями». Из этого факта исследователь делает вполне определенный вывод: «Итак, в вихре опричных и „удельных“ переборов, высылки, перемещений присутствует некая постоянная величина, служащая Ивану IV надежной опорой. Это его ближайшее опричное окружение, „государев двор“».²

Царское войско.

Система подчинения и управления

В системе доказательств отмены опричнины важное место занимает определенное истолкование событий, связанных с нашествиями Девлет-Гирея на Москву в 1571 и в 1572 гг. Истолкование это таково.

После сожжения Москвы татарами в мае 1571 г., когда опричное войско якобы не оправдало надежд царя и вызвало его гнев, прекратилось деление армии на опричную и земскую и таким образом был сделан «первый важный шаг к примирению между земщиной и опричниной». «После победы над крымцами в начале августа 1572 г. опричина была уничтожена во все», — пересказывает суждения Л. М. Сухотина, полностью с ним солидаризируясь, С. Б. Веселовский.

Однако такое истолкование военных событий 1571 и 1572 гг. не соответствует свидетельствам источников.

Первую попытку напасть на русскую столицу Девлет-Гирей совершил в мае 1570 г. К Рязани и Кашире подошла его пятидесятитысячная армия. На пути орды оказались сравнительно малочисленные опричные полки, которыми командовал воевода Д. И. Хворостинин. Смело напав на татар и разгромив по частям их отряды, Хворостинин еще до подхода главных русских полков «крымских воевод побил». Поход хана на Москву был сорван. Вполне очевидно, что эта замеча-

² Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопр. истории. 1967. № 5. С. 45.

тельная победа опричных полков ничего, кроме укрепления доверия к преданности опричников, вызвать не могла. Однако, как ни странно, именно к этому времени некоторые ученые относят появление первых признаков отмены опричнины, в частности слияние опричных полков с земскими.

Через год, в мае 1571 г., Девлет-Гирей снова двинулся на Москву. Рядом с огромным земским войском, выставленным в качестве заслона, отряд опричников был крайне немногочислен — всего три опричных полка шли во главе с царем Иваном навстречу татарам к Серпухову. В это время Девлет-Гирей обошел земское войско, переправившись через Оку в слабо защищенном месте возле Кром, и устремился к Москве. Царь Иван, опасаясь окружения и плена, ускакал в Ростов.

Москву обороняли земские полки во главе с воеводами — боярином И. Д. Вельским, боярином М. И. Воротынским, отошедшим от Оки, и боярином М. И. Вороным-Волынским. И только один полк опричников стоял в Москве за рекой Неглинной, обороняя вновь выстроенный царский дворец. Остановившиеся в предместьях столицы татарские войска подожгли городские посады. Поднявшаяся буря способствовала мгновенному распространению огня, и за три часа он почти полностью истребил центр города. Тысячи жителей и воинов погибли в давке, дыму и огне. «От пожарного зною затхнулся» главный воевода И. Д. Бельский. Погиб и воевода М. И. Вороной-Волынский. Москва и южные уезды страны, по которым прошла орда, были разорены дотла.

Начался розыск о «боярской измене». Царь утверждал, что изменники-бояре сами «навели» на Москву крымское войско. Грозный хорошо понимал необоснованность подобных обвинений, и главный «изменник» князь И. Ф. Мстиславский был освобожден после поручительства за него священного собора, многих дворян и бояр. Никто из деятелей опричнины в связи с поражением русской армии и пожаром Москвы к обвинению привлечен не был. Напротив, опричные воеводы Д. И. Хворостинин и Н. Р. Одоевский выступили поручителями за И. Ф. Мстиславского.

Утверждение, что опричная армия была после сожжения Москвы упразднена и что произошло, как

пишет Р. Г. Скрынников, слияние военных сил опричнины и земщины, делает совершенно непонятым, почему опричные полки через год, в момент нового нашествия Девлет-Гирея, вновь выступают по своим отдельным опричным росписям и действуют под командой своих воевод «из опричнины».

Р. Г. Скрынников именует армию, выступившую в апреле 1572 г. навстречу орде, «земско-опричной», стараясь подчеркнуть с помощью соединительной черточки ее слитный характер. Однако «земско-опричным» русское войско было и раньше, во все годы опричнины. Отдельные земские и опричные полки в конечном счете составляли единое войско, а порой соединялись полк с полком под единым командованием. В 1572 г., через год после событий 1571 г., в момент смертельной опасности для Русского государства, русское войско сохраняло точно такую же организацию и структуру, как и в прежние «опричные» времена. Тем самым утверждения о том, будто после мая 1571 г. структура русского войска изменилась, не могут быть приняты.

Битва на Молодях завершилась победой русских войск. Выдающуюся роль в разгроме врага и тем самым в спасении Русского государства сыграли войны-опричники. 30 июля опричник Т. Аталыкин во время боя захватил в плен командовавшего вражеской армией Дивея-мурзу.

Подводя итог подробному описанию битвы на Молодях, в которой блестяще действовали опричные полки и опричные воеводы, Р. Г. Скрынников пишет: «Согласно укоренившейся традиции, славу победы над татарами приписывают обычно главному воеводе князю М. И. Воротынскому... Подобное мнение представляется мне неверным... Подлинным героем сражения на Молодях был не Воротынский, а молодой опричный воевода князь Д. И. Хворостинин». После такого описания и такой оценки действий опричных полков и опричных воевод в молодинской битве с удивлением воспринимается вывод, сделанный на следующей странице: «Блестящая победа объединенной земско-опричной армии над татарами оказала определенное воздействие на внутренние дела государства, ускорив отмену опричнины». Подобное заключение было бы более уместно в том случае, если бы битва на Молодях была проиграна по вине опричников. Но отменная логика ведет

к иному истолкованию фактов: то, что земские воеводы в 1571 г. проиграли бой за Москву и виновны в ее сожжении, явилось «поводом» для отмены опричнины; то, что опричные воеводы стали подлинными героями победы на Молодях в 1572 г., спасшей Русское государство от разгрома, — это тоже «повод» отменить опричнину. Как ни странно, но именно так представляют себе связь между дальнейшей судьбой опричнины и названными военными событиями известные ученые — Л. М. Сухотин, С. Б. Веселовский, И. И. Полосин, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников.

Л. М. Сухотин полагает, что составление в мае 1570 г. разрядных росписей для совместных действий против татар опричных и земских полков является признаком того, что правительство Грозного приняло курс на ликвидацию опричнины. С этим доводом согласиться нельзя. Совместная служба опричных и земских полков в 1570 г. действительно зафиксирована в разрядных книгах, в том числе в Официальной разрядной книге московских государей. Но все дело в том, что совершенно такие же совместные службы, часто без указания на то, что данные полки и воеводы являются опричными, имели место начиная с первого года существования опричнины. Это означает, что факт совместной службы опричников и земских в 1570 г. ровно ни о чем новом, тем более о каком-то курсе на ликвидацию опричнины не свидетельствует.

Примеров совместных служб опричных и земских в годы, предшествующие появлению в разрядах 1570 г. «признаков нового курса», можно привести много.³ Речь идет о десятках случаев. При этом особенно много смешанных опрично-земских разрядов падает на 1569 г., т. е. на время, в котором никто еще не ищет признаков слияния земской и опричной служб. Больше того, в 1570 г., когда историки такие признаки усматривают, число смешанных земско-опричных походов и служб значительно меньше, чем в предыдущем 1569-м. Л. М. Сухотин приводит всего один случай такого рода.

Опираясь на текст Официальной разрядной книги, введенной в научный оборот автором этих строк,

³ См.: Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 16—91; ГИБ, Эрм. собр., № 390 (Разряды за 1567—1569 гг.).

В. Б. Кобрин произвел интересные подсчеты, которые показывают, что в разрядах за 1565—1572 гг. названо 99 военных руководителей (термин В. Б. Кобрин) «из опричнины» и 209 «из земщины». На опричников в эти годы падала, таким образом, почти половина всех командных назначений. Если же выделить тех лиц, которые в эти годы получили военные назначения впервые, то из них оказываются опричниками 38 человек, земскими — 73.⁴ Иначе говоря, приток новых людей в командный состав войск более чем наполовину состоял из опричников.

Если каждый второй высокопоставленный военачальник в русском войске того времени был опричником, то можно ли вообще сомневаться в том, что совместная военная служба земских и опричных была нормой и что опричники постоянно назначались командирами в земские полки. Мы видели, что такие назначения имели место сплошь и рядом. С другой стороны, невозможно указать ни одного случая, когда бы земский воевода командовал полком «из опричнины». Из этого факта в свою очередь вытекает, что все совместные службы и слияния носили ясно выраженный односторонний характер: опричники с момента учреждения опричнины плотно «прослаивали» земское командование. Небывалое до той поры усиление опричной прослойки в командовании войсками в 1569 г. произошло отнюдь не случайно. В 1568 г. был раскрыт широко разветвленный заговор во главе с боярином И. П. Федоровым. Заговорщики хотели во время Ливонского похода 1568 г. окружить земскими силами царские опричные полки, перебить опричников, а Грозного выдать польскому королю. Р. Г. Скрынников дает подробный обзор источников, сообщающих о заговоре И. П. Федорова, и отмечает противоречивость их показаний. Как бы, однако, источники ни противоречили друг другу в деталях, самый факт заговора не может вызывать сомнений, равно как и факты многочисленных казней в то же время земских воевод, как и массовая чистка земского командного состава армии.

Заговор Федорова в том виде, в каком он рисовался царю, показал, что изолированное положение опричных

---

⁴ Кобрин В. Б. Социальный состав опричного двора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961. С. 9—10.

полков и опричного командования от земской армии таит в себе огромную опасность. Вот когда и вот почему активизировалось слияние земских войск с опричниками, прослаивание земского командования эмиссарами из опричнины, назначение опричных военачальников в руководство земских полков на наиболее угрожаемые участки обороны столицы. В большинстве случаев опричные воеводы назначались в Передовой полк, который вел разведку и первым вступал в бой, и в Сторожевой полк, т. е. в аръергард, замыкающий построение. Сторожевой полк мог быть брошен на помощь полкам основной линии на любой фланг битвы, однако имел и другие задачи — охранять тыл армии, препятствовать, если это потребуется, бегству своих воинов с поля боя.

Говоря о последних годах Ливонской войны, Р. Г. Скрынников справедливо замечает, что Грозный, не доверяя земщине, приставлял к земским воеводам своих эмиссаров из состава двора. Такая практика существовала с начала учреждения опричнины и не прекращалась до последних лет правления Грозного. Факты, как видим, свидетельствуют именно об этом.

Одновременно с усилением опричной прослойки в командовании армией происходило укрепление опричниками земского административного аппарата начиная с Боярской думы. С 1564 г. дума вообще перестает быть боярской в точном смысле этого слова. В это время образуется новый чин — думные дворяне. А. А. Зимин, исследовавший состав думы при Грозном, указывает, что первые думные дворяне рекрутировались из состава опричников, что не случайно в их числе были Малюта Скуратов и Василий Грязной. Добавим, что столь же не случайно последними думными дворянами Грозного вплоть до смерти царя были такие видные опричники, как Василий Зюзин, Афанасий Нагой, Деменша Черемисин, Баим Воейков, Роман Пивов, Михаил Безнин, Игнатий Татищев. Такова — от начала и до конца — та генеральная линия, по которой шло при Грозном слияние земских с опричниками.

И, наконец, одно общее соображение по данному вопросу.

Собирание различных случаев совместных военных выступлений, совместно принятых решений и прочих совместных действий земских и опричных, имеющее

целью с помощью этих примеров доказать, что разделенке государства на земщину и опричнину прекратилось, бесполезно в принципе. Примеры такого рода имели бы доказательную силу только в том случае, если бы с введением опричнины Русское государство и в самом деле было «рассечено на полы», как бы на две страны, а затем снова стало бы воссоединяться. Но введение опричнины никогда не означало отделение земщины как некой отдельной боярской республики. В руках Грозного с момента опричного переворота сосредоточилась вся полнота государственной власти. А опричина ее обеспечивала. Соответственно любой факт совместных действий опричников и земских — не что иное, как совместное выполнение единых общегосударственных задач различными учреждениями единого государства.

Никому, надо полагать, не приходит в голову мысль, что Девлет-Гирей, нападая на Русь, ополчался против одной земщины или одной опричнины или, скажем, раздумывал над тем, какую часть Москвы ему поджигать — земскую или опричную. Не менее парадоксально допускать, что земские и опричные полки имели в момент нашествия татар какие-то свои отдельные задачи, а не единую цель — защитить страну от смертельной опасности.

Означает ли совместное выполнение земскими и опричными тех или иных общих задач, что деление на земщину и опричнину на этом прекратилось вообще? Разумеется, не означает. Совместные действия в любой области человеческой деятельности, социальной, военной, бытовой и даже творческой, потому и называются совместными, что совмещают усилия разных лиц или учреждений. Таким образом, само логическое построение — совместные действия означают слияние — искусственно в своей основе.

Значительно важнее для решения вопроса, сохранялась ли опричина после 1572 г. или нет — раз уж такой вопрос поставлен, — выяснить, продолжало ли существовать, несмотря на необходимость ведения всевозможных совместных («смесных») действий, несмотря на бесспорное проникновение опричников в различные дела и учреждения земщины, реальное организационное обособление опричнины, реальное деление полков, земель, городов, финансовых и прочих

сборов на опричные и земские, сохранились ли реально обособленные служебные функции опричников. От ответа на эти вопросы действительно зависит решение общего вопроса — была ли опричина отменена или продолжала существовать после 1572 г.

Главным и, можно сказать, старейшим аргументом в пользу отмены опричины является наблюдение, сделанное над разрядными росписями еще Н. М. Карамзиным. Речь идет о том, что из разрядных росписей с осени 1572 г. исчезли слова «воеводы из опричины», «опришинские полки», «опришинский разряд».

Н. М. Карамзин писал, что царь после победы над Девлет-Гиреем «к внезапной радости подданных вдруг уничтожил ненавистную опричину, которая, служа рукой губителя, семь лет терзала внутренность государства».⁵ Напомним, что никаких свидетельств о народной радости по поводу отмены опричины в источниках нет, равно как нет сведений о том, что царь вообще объявлял народу или отдельным лицам столь радостное известие. Как видно из процитированного текста, Карамзин понимал, что, уничтожив опричину, Грозный отрубил бы собственную руку. Видимо, поэтому, говоря об отмене опричины, Карамзин делает серьезную оговорку: «По крайней мере исчезло сие страшное имя с его гнусным символом». Но завершает он свои выводы все же прямым утверждением, будто вместе с именем исчезло и «сие безумное разделение областей, городов, двора, приказов, воинства».

Вопрос, таким образом, с самого начала поставлен так: о чем свидетельствует исчезновение слова «опричина» из официального обихода — об отказе от термина при сохранении обозначавшейся им системы или об отказе от системы, вместе с которой исчезло и ее «страшное имя»?

Известно, что в случаях, когда в официальных документах до осени 1572 г. писали слово «опричина», взамен него после этой даты стали писать слово «двор». Если раньше имелись обозначения «земские» и «опричные» воеводы, города, дети боярские и т. д., то теперь в аналогичных случаях читаем: «земские» и «дворовые» воеводы, города, дети боярские и т. д.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1897. Т. 9. С. 131.

Естественное предположение о том, что новый термин «двор» означает не что иное, как «опричнина», высказал еще в середине прошлого века редактор «Акт-ов Археографической экспедиции» Я. И. Бередников. «Этому домыслу, — так квалифицирует данное мнение С. Б. Веселовский, — посчастливилось. Он был принят С. М. Соловьевым, С. М. Середониным, С. Ф. Платоновым и позже Р. Ю. Виппером». Добавим, что к указанному выводу примкнул и П. А. Садиков. То, что после отмены опричнины в разрядах и в других официальных актах продолжали упоминаться дворовые воеводы, дворовые приказы, дворовые города и чины, ввело, как считает С. Б. Веселовский, историков в «заблуждение». По мнению Веселовского, объясняется это просто, а именно: сложностью составления единого списка соединенной земской и бывшей опричной службы «с организационно-служебно-приказной точки зрения».

Итак, понимание исключительно «простого» и ясного факта объясняется исключительной «сложностью» причин, его породивших. Принять такое объяснение нельзя хотя бы потому, что на тех же самых страницах сам Веселовский обосновывает утверждение об отмене опричнины тем, что в сентябре 1572 г. был составлен и помещен в разрядную книгу единый список бывших, по мнению Веселовского, земских и опричных без указания на их разделение по службе. Выходит, что «с организационно-служебно-приказной точки зрения» не представляло никакой сложности составлять в зависимости от надобности как единые, так и раздельные списки земских и дворовых.

Рассуждение С. Б. Веселовского не может быть принято и по другой причине. Выставляемые им соображения касаются вообще лишь соединения двух «лестниц чинов», образовавшихся как в земщине, так и в опричнине. Но продолжающееся разделение на земское и дворовое касается не одних только людей, но и городов, земель и учреждений.

Объективность требует подчеркнуть, что Л. М. Сухотин и С. Б. Веселовский делали свои выводы об отмене опричнины, не располагая теми источниками, которые позволяют нам сегодня значительно более объективно представить себе картину взаимоотношения двора и земщины после 1572 г.

Как и в прежние, несомненно «опричные», годы в Официальной разрядной книге и далее постоянно встречаются смешанные земско-дворовые разряды. В некоторых случаях при этом указано, какие воеводы, полки и служилые люди относятся к земским, а какие к дворовым, а в некоторых «смесных» назначениях об их земской или дворовой принадлежности ничего не сказано. Так же было и в 1565—1572 гг.

В разряде 1577 г. помимо земских и дворовых воевод, стольников, дьяков и прочих высших чинов четко различаются дети боярские «из земского» и дети боярские «дворовые и городовые». При этом и дворовые, и городовые дети боярские, а также стрельцы служат строго из «государевых», т. е. дворовых, городов и земель. Дети боярские, помещики и стрельцы «из земского» призваны на службу главным образом из земских городов и земель.

После смотра всем полкам, который проводили высшие дворовые чины — «бывшие» опричники Д. И. Черемисинов, В. Г. Зюзин, князь И. В. Сицкий, Б. В. Воейков, И. М. Пушкин, А. Ф. Нагой, вместе с названными «ведомыми» опричниками такое же задание получили явные «новики» двора — князь М. В. Тюфякин, Д. А. Елизаров и князь М. В. Ноздроватый. Все трое и впредь будут получать «опричные поручения» наряду с теми же высшими чинами двора. Царь велел «выложить дворян, и детей боярских, и стрельцов, и казаков на перечень». Указано число высших чинов царского полка: 2 дворовых воеводы, 5 дворян в думе, 11 дьяков, 66 рынд и их поддатней, 3 «дозирать сторожи», 49 «сторожи ставить». Всего во главе Государева полка 271 человек. В полку 13 голов — в основном это дворовые из списка 1572—1573 гг., с которыми 1404 детей боярских. В полку также числится 1000 «государевых стрельцов», 279 человек из «государевых городов», 60 стрельцов из земских городов. Всего в царском полку 2701 человек.

Разряд 1577 г. снова указывает на то, что руководство войском целиком находилось в руках ближайших и доверенных соратников Грозного — «бывших» опричников, ныне дворовых. Дворовыми — привилегированными служилыми людьми — были прослоены все полки. В составе командования всех полков и «наряда», как правило, также находились «воеводы из опричнины».

Такая система сохранялась и в последующие годы. Об этом постоянно свидетельствуют официальные разряды.

Таким образом, нельзя согласиться с утверждением Р. Г. Скрынникова, будто прежде опричные воеводы могли служить только в опричных войсках под начальством своих воевод, а позднее, с 1572 г., опричники получали общие назначения и нередко поступали под начальство старших земских воевод. Начиная с 1567 г. опричные, а затем дворовые воеводы получали разнообразные назначения — то поступали под командование земских воевод, то, напротив, начальствовали над земскими воеводами и полками. В принципе, однако, значительными военными операциями руководили опричные военачальники, поскольку во главе главного, Государева, полка стояли именно они. Царь и его ближняя, опричная, дума и дворовые воеводы олицетворяли главнокомандование и штаб войска.

Неверно и то, что в 1567—1571 гг. подчиненный опричникам Государев полк формировался исключительно из одних опричников. Подобное впечатление могло создаться потому, что В. Б. Кобрин, составивший гипотетический список опричников 1565—1572 гг., включил в него всех без исключения служивых людей, записанных в разряды царских походов этих лет. В опричину таким способом исследователем записаны десятки юнцов, впервые вступивших на военную службу и побывавших по одному разу (редко по два) в числе поддатней или тому подобных низших военных чинов. Казалось бы, тот факт, что эти лица больше никогда не упоминаются в разрядах и на каких-либо иных государственных службах, должен был подсказать вывод, что их служба не удалась, не привела к их зачислению в «государеву светлость» опричину. К сожалению, произошло недоразумение: сначала всех, кто служил хоть раз в Государевом полку, историки вслед за В. Б. Кобриным зачисляли в опричники, а затем, сверив списки служивших в царском полку с этим же составленным Кобриным списком опричников, получали вывод, что все служившие в Государевом полку — опричники. На самом же деле в так называемые опричные годы в Государевом полку служили и земские всех степеней, начиная от воевод и кончая поддатнями. Последние были в основном «новики», начи-

нающие службу сыновья из «хороших» служилых родов. В опричнину, как и во всех прочих случаях, брали из них только «лутчих», «по выбору».

Официальные разрядные росписи ясно показывают, что в царских походах «из Слободы» участвовали и земские чины. В 1567 г. в царском походе вместе, по единому списку служат земские и опричные воеводы. В мае 1569 г. царь выходит против крымского хана. Впереди — земские воеводы. В царском походе в декабре 1571 г. «на свицкие немцы» в разряде вперемешку записаны воеводы «из опричнины» и «из земского» без указания кто откуда: в Передовом полку воевода князь Петр Тутаевич Шейдяков (опричник), князь Михаил Иванович Воротынский (земский) и Микита Романович Юрьев (земский). Тут же названы дьяки («из земского»). Факты такого рода отнюдь не означают, что не было отдельного опричного разряда. Когда 16 мая 1570 г. царь выступил из Слободы «по вестям» о приходе Девлет-Гирея, с ним шли в поход одни опричники. Тогда же, в момент похода Девлет-Гирея, в Москве отдельно от земских воевод «в опришнинский разряд стоял князь Василий Иванович Темкин-Ростовский за Неглинною».

После перестройки в 1570—1572 гг. руководства опричнины в сторону усиления ее политической роли, усиления ее проникновения во все сферы военного и управленческого аппарата в разрядных росписях появляются отчетливо выраженные признаки постепенного подчинения всей земщины опричнине — дворовой думе, дворовому штабу и чинам дворового охранного корпуса.

Разделение на земских и дворовых, отмечаемое разрядами до конца царствования Грозного, отнюдь не является простой формальностью. Помимо чисто военных задач — замещение командных постов в штабе войска и в полках — дворовые имели особые функции, выполняли поручения, к которым не дворовые служилые люди не привлекались. Именно «бывшие» опричники — дворовые направляются на разведку и рекогносцировку местности. Им поручается выявлять состояние обороны вражеских городов, определять места для расположения русских полков, артиллерии и царской ставки. Именно они возглавляют войсковой авангард, который первым начинает осаду вражеского ла-

гера, они ведут от имени царя переговоры с осажденными. Дворовые воеводы организуют перевод посланий от начальников вражеских гарнизонов. Дворовые дворяне принимают капитуляцию вражеских крепостей, ведут среди пленных розыск их скрывающихся военачальников.

Так, например, посланные под Владимирец с целью захватить гетмана Полубенского «ведомые» опричники Богдан Бельский и Деменша Черемисинов писали, «чтобы государь велел к ним прислати, хто знает Полубенского в рожке». Дворовые конвоируют и охраняют пленных, первыми входят в захваченные города, из них формируются гарнизоны. Им же поручается охранять порядок и имущество в занятых русской армией городах. «А велел государь на себя, государя, хоромы выбирать, где ему, государю, стоять», — и эту задачу выполняют, естественно, дворовые. Они же охраняют царскую ставку. Дворовые чины ведут допросы пленных военачальников. Все это особо доверенные люди царя, «свой». Появляется и наименование — «дворянин свой».

Резче всего особые функции опричного двора, его подлинная сущность как «верхнего этажа» власти выявляются, когда дворовые осуществляют надзор за состоянием войск, за действиями воевод. Выше уже говорилось, что дворовые в начале похода проверяют правильность комплектования полков — проводят смотр царскому войску. Они же ведут наблюдение за боевыми действиями военачальников и служебные расследования в случаях нерадивости или невыполнения царских приказов.

В сентябре 1577 г. во время Ливонского похода царь и его штаб направили под город Смилтин князя М. В. Ноздроватого и А. Е. Салтыкова «с сотнями». Немцы и литовцы, засевшие в городе, сдать отказались, а царские военачальники — Ноздроватый и Салтыков «у города же никоторова промыслу не учинили и к государю о том вести не учинили, что им литва из города говорит. И государь послал их проведывать сына боярского Проню Болакирева... И Проня Болакирев приехал к ним ночью, а сторожи у них в ту пору не было, а ему приехалось шумно. И князь Михайловы Ноздроватого и Ондreja Салтыкова полчане и стрельцы от шума побежали и торопяся ни от кого и

после того остановились. И Проня Балагирев * приехал к государю все то подлинно сказал государю, что они стоят небрежно и делают не по государеву наказу. И государь о том почел кручинитца, да послал... Демешу Черемисинова да велел про то сыскать, как у них деелось...».

Знаменитый опричник, а теперь думный дворовый дворянин Д. Черемисинов расследовал на месте обстоятельства дела и доложил царю, что Ноздроватый и Салтыков не только «делали не гораздо, не по государеву наказу», но еще и намеревались завладеть имуществом литовцев, если те оставят город. «Пущали их из города душою и телом», т. е. без имущества. Черемисинов быстро навел порядок. Он выпустил литовцев из города «со всеми животы и литва тот час город очистили...». Сам Черемисинов наутро поехал с докладом к царю. Князя Ноздроватого «за службу велел государь на конюшни плетьми бить. А Ондreja Салтыкова государь бить не велел». Тот «отнимался тем, что будто князь Михайло Ноздроватый ему государеву наказу не показал, и Ондрею Салтыкову за тое неслужбу государь шубы не велел дать».

В необходимых случаях руководство военными операциями изымается из рук воевод и передается в руки дворовых (разумеется, «бывших» опричников).

В июле 1577 г. царские воеводы двинулись на город Кесь и заместничались. Князь М. Тюфякин дважды досаждал царю челобитными. К нему было «писано от царя с опаскою, что он дурует». Не желали принять росписи и другие воеводы: «А воеводы государевы онять замешкались, а х Кеси не пошли. И государь послал к ним с кручиною с Москвы дьяка посольского Андрея Щелкалова... из Слободы послал государь дворянина Даниила Борисовича Салтыкова, а веле им итить х Кеси и промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам с ними».

Как видим, стоило воеводам начать «дуровать», как доверенное лицо царя — дворовый, «бывший» опричник Данила Борисович Салтыков был уполномочен вести войска «мимо» воевод, т. е. отстранив их от командования. Только что препиравшиеся между собой из-за мест князья все разом были подчинены дворовому

* Так в тексте.

Д. Б. Салтыкову, человеку по сравнению с ними и во все «молодому».

На этом примере можно убедиться в том, что такие атрибуты высокого положения, как родовитость, прежние заслуги, вековой обычай и даже действующий порядок назначений, учитывающий родовитость, — все померкло перед главным принципом: все подданные государя — «холопы», и в жизни, и в имуществе, и в службах которых он «волен». Волен потому, что обладает силой, аппаратом принуждения. Руководящая верхушка этого аппарата — государев двор.

Проникновение «своих», государевых людей из опричнины и из двора в органы управления земщины происходило постоянно. По свидетельству Штадена, которому в данном пункте верить можно, в 60-х гг. «на земском дворе начальником и судьей был... Григорий Грязной». Явными опричниками, хотя и числившимися в земщине, были дьяки Щелкаловы Андрей и Василий. Последний был особо доверенным лицом царя. Он постоянно выполнял самые что ни на есть «опричные поручения» вплоть до палаческих — вместе с опричниками лично истязал и казнил в 1570 г. своего знаменитого предшественника — дьяка Ивана Висковатого. Брат известного опричного полководца и сам опричник — Федор Иванович Хворостинин, правда, после кратковременной опалы оказался «дворецким из земского» и служил в этой должности с 1576 по 1584 г. Эта земская должность не случайно была замещена «своим» человеком опрично-дворовой принадлежности. «Дворецкий из земского», так же как и «дьяки из земского», сопровождал царя в походах. Так, в частности, в сентябрьском походе 1579 г. видим «дворецкого из земского» Ф. И. Хворостинина рядом с «бывшими» опричниками — Б. Ф. Годуновым, Б. Я. Бельским, Д. И. Черемисиновым, В. Г. Зюзиным, — словом, в своем обычном окружении.

С другой стороны, что также вполне естественно, происходит приток новых лиц в царский двор. Пользуясь для выявления новых опричников — дворowych определением В. Б. Кобриня — опричное поручение, можно увидеть в разрядах нескольких несомненных «новоопричников», оказавшихся в составе двора после 1573 г. и потому не вписанных в список от 20 марта этого года. Это, например, князь М. Тюфякин, «дворя-

нин свой» Андрей Крюков, Репчук Клементьев, Андрей Хлопов, Григорий Литвинов, Фома Бутурлин, Родион Биркин, Проня Балакирев, Пучок Молвятинов, боярин Н. Р. Юрьев, П. И. Головин.

Разрядные книги вполне определенно свидетельствуют о наличии двух отдельных Разрядных приказов — опричного (позднее дворового) и земского. Так, например, в разряде царского похода из Слободы в 1577 г., составленном в дворовом Разрядном приказе, отмечено: «С государем царем и великим князем Иваном Васильевичем быти в полку его детем боярским дворовым, да из земского приказу по выбору, кому государь велит быти». Оснований для дальнейших сомнений не остается — дворовые получают назначения в дворовом Разрядном приказе, земские числятся в земском Разрядном приказе. Здесь же находим еще одно подтверждение тому, что путь в дворовую службу был именно таков — в нее попадали из земского разряда «лутчие люди» по выбору самого царя или по утвержденному им списку.

Анонимный редактор царского летописца

В царствование Ивана Грозного был создан грандиозный летописный свод. Он описывал всю историю человечества в виде смены великих царств. Венцом развития изображалось царствование самого Ивана IV. Летопись эта называется «Лицевой свод», поскольку ее текст был иллюстрирован, написан «в лицах».

Еще никогда не было на Руси столь роскошной летописи. Все 10 томов свода были написаны на великолепной бумаге, специально закупленной во Франции из королевских запасов. На такой бумаге писали Генрих II, Карл IX, Генрих III, Екатерина Медичи. Более 15 000 искусно выполненных рисунков украсили текст. С особой тщательностью был изготовлен последний том свода, посвященный царствованию Ивана Грозного. Он охватывает события 1535—1567 гг. Этот том принято в науке именовать «Синодальным списком», поскольку он долгое время принадлежал библиотеке Синода.

Когда роскошный последний том Лицевого свода был в основном готов, чья-то рука прямо на чистовых иллюстрированных листах сделала многочисленные до-

бавления к тексту, вставки, вычеркивания, исправления. Великолепная рукопись — плод долгих усилий составителей, редакторов, многочисленных писцов и художников — разом превратилась в черновик. Писцы и художники снова засели за свой кропотливый труд. Огромный том был заново переписан ровными рисованными буквами — полууставом. Рисунки на каждой странице были перерисованы. Каждое мельчайшее исправление последнего властного редактора было учтено и внесено в текст. Забракованные им рисунки были исправлены согласно его указаниям. Казалось бы, он мог быть доволен. Но ничуть не бывало. На новом роскошном экземпляре, который вошел в науку под названием «Царственная книга», та же рука сделала множество новых приписок и поправок — в десять раз больше, чем на листах Синодального списка. Но дело не в их числе. Новые приписки и поправки носят еще более остро политический характер, чем прежние. А главное — коренной переделке подверглись и те места, которые сам редактор собственноручно написал при прошлом редактировании.

Если к сказанному добавить, что именно из приписок познаются наиболее существенные события эпохи Ивана Грозного за 1533—1557 гг., то станет ясным, какое первостепенное значение имело выяснение их происхождения. Предстояло ответить на два основных вопроса. Кто автор приписок? Когда они были сделаны?

Содержание приписок наталкивало на мысль, что они делались не позднее 1570 г. В том году Грозный жестоко казнил своего «канцлера» — главу посольского приказа дьяка Ивана Михайловича Висковатого за измену. Между тем в последней приписке к Царственной книге Висковатый превознесен до небес. Ясно, что эта последняя приписка могла появиться только до изобличения его в измене, т. е. не позже 1569—1570 гг. С другой стороны, Синодальный список, на котором редактор делал свои первые приписки, доведен до описания событий 1567 г. Но обязательно ли все-таки приписки на нем делались после этой даты? Не могло ли быть так: на просмотр неизвестному нам редактору была представлена только та часть рукописи, которая была готова к моменту, когда он ее затребовал, а другая часть дописывалась уже после его правки?

Первое, что наводит на такую мысль, — то, что синодальный список может быть разделен на две неравные части по очень важному для нас признаку — на редактированную и переданную. Приписки и поправки сделаны к изложению событий 1535—1557 гг. Ко всему последующему тексту за 1557—1567 гг. не сделано ни одной, хотя бы мельчайшей поправки. Между тем это десятилетие отмечено важнейшими политическими событиями. Достаточно назвать такие, как измена и бегство князя Курбского, учреждение опричнины. Трудно допустить, чтобы редактор оставил их без всякого внимания. Обратим внимание на оформление текста за 1535—1560 гг. Оказывается, оно резко отличается от оформления его продолжения за 1560—1567 гг. Если первая из этих частей изобилует киноварными заголовками, открывающими каждый рассказ, — их там 308, то во второй части заголовков почти нет.

Нашлось и прямое подтверждение выводу о том, что редактору была представлена не сразу вся рукопись, а только ее первая часть, доведенная до 1560 г. В дошедшей до нас описи архива Ивана Грозного, составленной в XVI в., обнаружилась такая запись: «Ящик 224. А в нем списки что писати в летописец лета новые. Прибраны от лета 1560 до лета 1567». Иначе говоря, мы имеем прямое указание, что в архиве хранились подготовленные для включения в летопись материалы за 1560—1567 гг., что точно соответствует размеру второй, переданной части синодального списка. Отсюда же следует, что материалы, относящиеся к событиям до 1560 г., уже «не прибирались» и ни в одном из ящиков архива не хранились. Это значит, что они были «прибраны» раньше, использованы для упомянутого «летописца лет новых» и отосланы из архива.

Итак, первые приписки делались на рукописи, доведенной лишь до 1560 г. Таким образом, выясняем время, в течение которого могли быть сделаны приписки на синодальном списке, а затем на царственной книге: не раньше 1560 г. и не позже 1570-го.

Исследование приписок показывает, что первые из них — те, что на синодальном списке, сделаны до начала опричнины, если можно так выразиться в мирное время, приписки же к царственной книге делались

в разгар опричнины, после многих измен и заговоров бояр, после жестоких с ними расправ.

В Синодальном списке под 1539 г. к рассказу о вражде между боярами Шуйскими и Бельскими в малолетство Ивана Грозного редактором сделана приписка: «...а боярина Михаила Васильевича Тучкова сослаша с Москвы в его село». Итак, специальной припиской редактор счел нужным подчеркнуть, что Михаил Васильевич Тучков явился жертвой усобицы. В Царственной книге этой приписки нет, и Тучков из жертвы усобицы превратился в одного из зачинщиков кровавых местнических споров. Чем же знаменит боярин Михайло Тучков и в связи с чем отношение к нему могло так сильно поколебаться? Многое объяснится, если вспомнить, что Тучков был дедом Андрея Курбского. В своем письме к изменнику князю Иван Грозный резко враждебно высказался о Тучкове, сопроводив свои слова таким обращением к его внуку: «Понеже еси порождение исчадия ехиднова, — по сему тако и яд отрыгаеши». В этом же письме Грозный вспоминает о боярской усобице 1539 г., в которой участвовал Тучков, но о его ссылке не говорит ничего.

Таким образом, выясняется, что Синодальный список (в первой, отредактированной части) и приписки к нему сделаны раньше 1564 г., когда и сам Курбский и предки его поминались добрым словом в составляемой истории царствования, что Царственная книга и приписки к ней сделаны после 1564 г. Иначе говоря, очевидно, что измена Курбского и цитированное письмо Грозного от 5 июля 1564 г. хронологически лежат между двумя редакциями летописи. Дальнейшие исследования подтвердили этот вывод.

Наиболее интересным вопросом при изучении приписок к Синодальному списку и к Царственной книге является, естественно, вопрос о том, кто их автор? Кто этот человек, который через самые бурные годы царствования Ивана IV пронес свое право безжалостно и столько раз, сколько он считал нужным, править и переделывать официальную царскую летопись?

Он должен был быть в живых и находиться при дворе после 1564 г. Был лицом весьма полномочным, а при редактировании сводов являлся последней инстанцией. Его политические взгляды суть политические

взгляды Грозного. Личности царя он исключительно предан.

Редактор этот — человек с большим политическим кругозором, он в курсе всех важных событий, происходящих как непосредственно возле и при участии царя, так и на самой отдаленной периферии государства. Он — участник взятия Казани (об этом бесспорно свидетельствуют его поправки). Он в деталях знаком с делом о боярском брожении 1553 г., следственным делом об измене князя Лобанова-Ростовского, с целым рядом других менее значительных дел.

Человеком, который безусловно отвечает всем без исключения установленным признакам автора приписок, является сам царь Иван IV Васильевич Грозный.

Изложенное еще не доказывает, что царь Иван был автором приписок к Лицевому своду, однако дает основание такое предположение сделать и заняться его проверкой.

Если наше предположение верно, то в других произведениях Грозного мы обязательно найдем элементы, родственные припискам по содержанию, по основной политической направленности и по оборотам речи.

Весьма существенным документом, вышедшим из-под пера Ивана Грозного, является его письмо к Андрею Курбскому от 5 июля 1564 г. В этом письме царь Иван высказал свои политические взгляды и парировал нападки противников из лагеря боярской оппозиции.

Посмотрим, не найдем ли мы сходства между содержанием приписок и содержанием письма. Рассмотрим все важные приписки в хронологическом порядке. Первая из них, сделанная на листах Синодального списка под 1539 г., добавлена к рассказу летописи о том, как в этом году произошли кровавые столкновения между двумя боярскими группировками — между Шуйскими и Бельскими. Приписка редактора дополняет рассказ подробностями.

Обратимся к письму Грозного к Курбскому. Здесь перечень боярских измен и распрей времен своего малолетства царь начинает именно с мятежа Шуйских в 1539 г. Иначе говоря, тот же эпизод, который привлек внимание редактора Синодального списка, вызвал его дополнения, и Грозным сочтен существенным фактом, подкрепляющим его аргументацию.

Следующая приписка к Синодальному списку подробно описывает новый мятеж Шуйских, который они учинили в 1542 г., силой захватив власть и расправившись со своими политическими соперниками. В письме Грозного и этот мятеж взят им в качестве следующей иллюстрации боярского разгула во времена его юности, причем сходство обоих рассказов совершенно очевидно. И в приписке, и в письме сообщается одно и то же, в приписке более подробно, в письме — короче. Приписка заканчивается следующими словами: «...а митрополит Иосаф в те поры пришел ко государю в комнату, и бояре пришли за ним ко государю в комнату шумом, и сослаша митрополита в Кирилов монастырь...». Этот же рассказ в письме заканчивается так: «Да митрополита Иосафа с великим бесчестием с митрополии согнаша».

Третья приписка к Синодальному списку относится к рассказу летописи о том, что в 1554 г. князь Семен Лобанов-Ростовский, войдя в сношения с литовским послом Станиславом Довоинном, решил изменить, бежать в Литву, и о том, что был за это арестован. Летописец, рассказывая о допросе князя Семена Ростовского, пишет, что тот объяснил свою измену скудостью ума, «палаумством». Редактор, вычеркнув в летописи слово «палаумство», делает к тексту обширные приписки, которые придают делу совсем иные черты. Попытку Ростовского бежать в Литву он объясняет не глупостью его, а политическими причинами.

И этот факт именно в том самом освещении, в каком он дан в приписке, а не в летописи, мы тоже находим в письме Грозного к Курбскому. Снова мы видим явное сходство рассказа приписки с рассказом Ивана Грозного. Редактор, например, рассказывает, как князь Семен клеветал литовскому послу Станиславу Довоину на царя: «...что всех их (то есть бояр. — Д. А.) государь не жалует... да и тем нас истеснил, что женился — у боярина своего дочер взял, понял робу свою, и нам как служить своей сестре...». Грозный пишет о том же: «Своим изменным обычаем, литовским послом — пану Станиславу да Войну... душу пзнесе, нас укоряючи и нашу царицу».

Итак, родство приписок к Синодальному списку и письма Грозного к Курбскому — налицо. Особенно подчеркиваем, что Иван Грозный в качестве примеров

боярских измен и бесчинств берет именно те три эпизода, которые привлекли также главное внимание автора приписок.

Обратимся теперь к Царственной книге. Возьмем первую большую приписку. Она сделана под 1543 г. Вычеркнув рассказ летописи о новом мятеже Шуйских в сентябре 1543 г., редактор заменяет его своим подробным рассказом о нем. В письме Грозного от 5 июля 1564 г. содержится такой же рассказ об этом же событии. Родство текстов и здесь полное. Совершенно очевидно, что рассказ приписки к Царственной книге о мятеже Шуйских в 1544 г. не что иное, как расширенный за счет указания имен виновников и бесчинств рассказ Грозного в его ответе Курбскому.

Следующая приписка к Царственной книге под 1547 г. представляет особый интерес с точки зрения ее непосредственной связи с полемикой между Грозным и Курбским. Летопись под 1547 г. поместила рассказ о пожаре, бывшем в том году. Она рассказывала о том, что черные люди града Москвы «от великие скорби пожарные всколебашася... и пришедше во град и на площади убиша камнем... боярина Юрья Васильевича Глинского». При редактировании Царственной книги редактор весь этот рассказ вычеркнул и взамен написал на полях свой рассказ, совершенно иначе излагающий события, связанные с пожаром 1547 г.

Статья летописи, сухо говорящая об убийстве черными людьми князя Юрия Глинского, под пером редактора превратилась в рассказ о коварном заговоре бояр, враждебных царю и его родственникам. Новый рассказ совершенно тождествен рассказу Ивана Грозного об этом же событии в письме к Курбскому.

Однако здесь интересен и другой вопрос: чем вызвано появление рассказа об обстоятельствах убийства Глинского? Ответ очевиден. Дело в том, что в своем первом письме к Ивану Грозному Курбский, осыпая царя упреками, обвиняет его, в частности, в том, что он, царь, до того пал в своей греховности, что проливал кровь в церквах, да притом еще кровь безвинных людей. Грозный с гневом отвергает в своем письме такое обвинение. Несколько раз возвращаясь к этой теме, царь стремится доказать, что, наоборот, бояре-изменники безвинно проливали в церквах кровь. Прямым ответом на упрек Курбского звучат слова его рассказа

об убийстве князя Юрия Глинского: «...князя Юрия Васильевича Глинского бесчеловечно выволокли в соборную церковь успения пресвятыя Богородицы и убиша в церкви безвинно, против митрополича места, и кровью его помост церковный окровавивше...». Написав эти слова, Грозный для большей убедительности восклицает: «И сие во церкви святой убийство его — всем ведомо!». Однако действительно ли всем было ведомо это убийство в церкви? Чтобы оно стало «всем ведомо», нужно было описать его в официальной летописи. Это и было сделано в приписке.

Изложенное подтверждает, что приписки к Царственной книге делались после того, как Курбский и царь в 1564 г. обменялись письмами, а приписки к Синодальному списку делались до того, как имела место эта переписка, в частности до того, как Курбский в своем письме впервые поставил вопрос о кровопролитии в церквях. Наряду с этим выясняется, что приписки к Царственной книге являются в основном не чем иным, как перенесением в летопись с целью укрепить ее авторитетом и увековечить как оправдательные, так и обвинительные доводы царя из его полемики с Курбским.

Самой большой и, может быть, самой интересной по своему содержанию является приписка, сделанная редактором к тексту Царственной книги под 1553 г. Она рассказывает о болезни царя в марте этого года и о происшедшем в это время боярском мятеже. В самом тексте Царственной книги о мятеже 1553 г. ничего не сказано. Рассказ, который счел необходимым приписать редактор, весьма пространен. Сличив его с тем, что об этих же событиях пишет Грозный в своем письме, мы убедимся, что приписка, как и в прежних случаях, лишь расширяет и детализирует написанное в нем.

Интересно отметить, что и письмо Грозного, и приписка после рассказа об этом мятеже делают вывод о том, что события 1553 г. послужили началом всей дальнейшей вражды в верхах Московского государства. Грозный в своем письме заканчивает рассказ так: «Попу же Сильвестру и Олексею (Адашеву. — Д. А.) оттоле не престающе вся злая советующе и утешение горчайшее сотворити ...князю же Владимиру Андреевичу во всем убо хотение удержаше...». Приписка заканчивается следующими словами: «...»

оттоле бысть вражда велня государю с князем Влади миром Андреевичем, а в боярах смута и мятеж, а цар ству почала быть во всем скудость».

Несомненная родственность текстов может считаться установленной. Рассказы первого письма Грозного и рассказы приписок к летописи по содержанию совпадают полностью. Изложение если и не всегда совпадает дословно, то всегда весьма сходно: те же мысли, те же краски, те же выводы. В некоторых случаях мы видели и дословное сходство изложения. С другой стороны, те различия, которые есть между рассказами Грозного в письме и рассказами приписок, — различия изложения, размера, количества имен и подробностей — доказывают, что прямое списывание из одного источника в другой исключается.

Если учесть хронологическую последовательность появления изучаемых произведений: приписки к Синодальному списку — письмо Грозного — приписки к Царственной книге, то с установлением родства этих памятников предположение о принадлежности их разным авторам исключается. Из такого предположения вытекало бы, что сначала Иван Грозный, отвечая Курбскому, заимствовал наиболее важные сюжеты и манеру изложения из приписок другого автора к Синодальному списку, зато потом этот другой автор, редактируя Царственную книгу, взял для своих новых дополнений все то, что было в царском письме сверх его первых приписок. Естественно, что такое «разделение труда» между царем и одним из его подданных предположить невозможно.

Приписки и письмо имеют, кроме того, еще один весьма важный общий признак: они в большинстве случаев являются единственными источниками тех сведений, которые сообщают. Например, такое значительное событие, как боярский мятеж 1553 г. во время болезни царя, не упоминается ни в одном другом источнике, кроме приписок и письма Грозного. Это также является признаком единого происхождения обоих источников.

Таким образом, и сходства и различия приписок с письмом приводят нас к выводу, что и письмо и приписки написаны хоть и в разное время, для разных целей, но одним автором. Письмо, как известно, написано Иваном Грозным.

Особый интерес для данного исследования представляет собой уже упомянутая опись царского архива. Она свидетельствует о существовании при Иване IV хорошо поставленного государственного исторического архива, где в двухстах с лишним ящиках хранились документы самого различного происхождения, начиная от личной переписки великих князей, включая материалы сысков и кончая памятниками дипломатических сношений.

На указапной описи имеются пометки о том, когда и кем взят из архива тот или иной документ. Эти бесстрастные канцелярские записи приобретают значение объективного подтверждения предположений, которые были сделаны выше. В описи читаем: «Ящик 174. А в нем отъезд и пытка во княж Семенове деле Ростовского». Вверху отмечено: «Взят ко государю во княж Володимерова дела Ондреевича 1563 году июля в 20 день». Итак, мы узнаем, что в июле 1563 г. дело об отъезде и пытке князя Семена Лобанова-Ростовского было затребовано царем и направлено к нему. Мы знаем также, что рассказ об изменном деле князя Лобанова-Ростовского является содержанием самой большой и самой значительной приписки нашего редактора к тексту Синодального списка под 1554 г. Нельзя не поставить эти два обстоятельства в прямую связь между собой.

Царь Иван был в основном единственным человеком, пользовавшимся архивом. На описи царского архива сохранились пометки, рассказывающие о том, что с 4 по 14 августа 1566 г., возможно, ежедневно, а если нет, то по крайней мере 4, 6, 7, 8, 13, 14 августа царь лично проводил дни в своем архиве, пересматривал и перечитывал содержание всех его ящиков и множество документов (из 31 ящика) забрал с собой.

Среди этих документов мы видим в основном поручные записи (о взятии на поруки) и притом именно о тех лицах, которые отрицательно упоминаются в приписках.

Опись царского архива сохранила для нас еще одну запись, которая также подтверждает наши предположения: «Ящик 224. А в нем списки, что писати в летописец лета новые, прибраны от лета 1560 и до лета 1568». В 1568 г. летописец и тетради посланы «ко государю в Слободу».

Итак, сделанные ранее наблюдения получили документальное подтверждение: Иван Грозный — вот кто брал из архива листы «что писать в летописец лета новые» для проверки, утверждения и редактирования.

Признав приписки произведениями Ивана Грозного, мы должны либо признать почерк их написания его автографом, либо отвергнуть такое мнение. Естественно, что отсутствие в нашем распоряжении другого автографа Ивана Грозного делает обнаружение его собственноручных записей весьма желательным.

Представляется очевидным, что приписки на листах Синодального списка и Царственной книги делал человек, который эти памятники читал и тут же в процессе чтения исправлял и дополнял летопись. Кроме ряда больших и важных приписок на листах Царственной книги имеется еще несколько десятков мелких замечаний, добавлений и исправлений. При такого рода тщательной корректуре исключается всякая другая форма работы, кроме личного чтения текста и внесения поправок в процессе этого чтения.

Приписки не списывались откуда-то, а сочинялись с усилиями и сомнениями, присущими только творчеству. Это видно из бесчисленных зачеркиваний и исправлений, сделанных в ходе письма. Сама техника приписывания нового содержания к тексту летописи также исключает всякую иную форму работы, кроме личного чтения и пометок в процессе его. Взять, например, ту же приписку к Синодальному списку об измене князя Семена Лобанова-Ростовского. Приписки сделаны между строк, справа, слева, на полях. Таким путем редактировать текст под диктовку невозможно.

Наконец, сильнейшим средством утвердиться в мнении о том, что приписки наносил на бумагу Лицевого свода тот, кто их сочинил, является характер зачеркиваний, произведенных в ходе работы. Например, автор приписки писал «чт», потом зачеркивал, потом все же писал «чтобы», писал «и», зачеркивал, но потом все же писал «и», писал «бояре», зачеркивал, потом снова писал «бояре» и т. д. Значит, писавший сам обдумывал, что ему писать, сомневался, вычеркивал, но потом решал восстановить зачеркнутое слово. Переписчику не приходится раздумывать — писать данное слово или нет, ведь он следует своему образцу. Кроме того, сплошь и рядом писавший начинал слово, а потом

вдруг, не закончив его, перечеркивал. Таким образом, на бумаге оказывались зачеркнутыми слова, написанные лишь частично. т. е. отдельные слоги или одна, две, три буквы. Такого рода зачеркивания не могут появляться систематически при диктовке одного лица другому. Из трех возможных способов нанесения текста приписок на поля летописи — списывание с образца, письмо под диктовку и личная запись их автора в процессе чтения — два первых бесспорно отпадают. Значит, единственно возможным ответом на поставленный вопрос является такой: перед нами автограф Ивана Грозного.

Приписки к Лицевым сводам XVI в. стали темой кандидатской диссертации автора этих строк. Основное содержание исследования было опубликовано в «Исторических записках» Академии наук СССР.¹

Опубликование в 1947—1948 гг. работы, в которой доказывалось, что Грозный сознательно и настойчиво подменял в создававшемся по его указанию историческом труде действительную историю своего царствования своим собственным ее вариантом, тенденциозно освещал события, «казнил» и «миловал» на страницах летописи бывших сподвижников по своему произволу в зависимости от отношения к ним на момент редактирования летописи — не могло пройти в те годы мимо внимания соответствующих инстанций. Тем более, что автор исследования об Иване Грозном ни разу не сослался на труды И. В. Сталина. Известно, что в то время без ссылок на его труды не обходилась в принципе ни одна научная работа, будь то медицина, геология, математика и в особенности на историческую тему.

В моих статьях усмотрели сделанные на материале XVI в. намеки на обстоятельства создания Краткого курса истории ВКП(б), который, как известно, составлялся и редактировался при активном личном участии Сталина и содержал обвинения его бывших соратников во всех смертных грехах.

После XX съезда КПСС, когда обстановка в исторической науке в некоторой степени нормализова-

¹ *Альшиц Д. Н.* 1) Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 251—289; 2) Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. Там же. М., 1948. Т. 25. С. 266—292.

лась, интерес к вопросу о редактировании Иваном Грозным истории его царствования возродился. В 1963 г. была издана книга писателя Р. Т. Пересветова «Тайны выцветших строк», в которой история летописных приписок была рассказана в популярной форме на основании моих публикаций 1947—1948 гг.

Первым научным откликом на публикацию о приписках к Лицевому своду была статья С. Б. Веселовского, написанная еще в 1947 г. «Я принимаю, — писал Веселовский, — и считаю вполне убедительно обоснованными почти все выводы Д. Н. Альшица... авторство Ивана Грозного в этом деле можно считать неопровержимо доказанным».² К сожалению, отзыв С. Б. Веселовского дошел до меня только 15 лет спустя, в 1963 г., когда была опубликована книга его трудов, не увидевших света при жизни автора.

Существующие на сегодняшний день многочисленные суждения историков о приписках к лицевым сводам XVI в. можно свести к трем основным позициям.

Вслед за С. Б. Веселовским подавляющее большинство исследователей признает доказанным, что автором редакционных приписок и поправок к летописи является Иван Грозный. Вместе с тем многие исследователи оспаривают утверждение, что они написаны им собственноручно. И, наконец, третье. Некоторые историки не согласны с моей датировкой приписок, с тем, что они делались в два приема — первый раз до начала опричнины, до первого письма Грозного Курбскому, т. е. в 1563 г., а второй раз после 1564 г., но до 1570 г., скорее всего, в 1568 г. Мои оппоненты считают, что все приписки делались одновременно, притом не до 1570 г., а в конце 70-х и даже в начале 80-х гг., что вся работа над Лицевым сводом проходила в последние годы жизни Ивана Грозного и оборвалась после его смерти.

Основная критика датировки идет по линии исследования бумаги, на которой написаны листы Лицевого летописного свода. Известно, что она была закуплена во Франции. Как утверждают академик Н. П. Лихачев и его современные последователи — Б. М. Клосс, В. В. Морозов, А. А. Амосов и др., большинство дошедших до нас датированных документов, написанных на

² Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 255—256.

такой же бумаге, что и Лицевые своды, относится к концу 70-х и к 80-м гг. XVI в. При этом, однако, они отмечают, что сохранились рукописи, написанные на той же бумаге, что и Лицевой свод, но датированные 50—60-ми гг. XVI в.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что наблюдения специалистов-палеографов, бесспорные сами по себе, не дают оснований для пересмотра предложенной мною датировки создания Лицевого свода и приписок Ивана Грозного. Тем более, что авторитетный исследователь палеографических особенностей этих памятников Б. М. Клосс без всяких колебаний утверждает, что бумага именно той части Лицевого свода, на которой имеются знаменитые приписки, сделанные при том или ином участии царя, произведена в 60—70-х гг. XVI в.³ Таким образом, на основании сказанного можно заключить, что «бумажный бум», возникший вокруг вопроса о времени создания и редактирования Лицевого свода, не должен заглушить голос собственно исторических свидетельств источников. Ведь помимо водяных знаков и других особенностей бумаги сами исторические документы имеют не менее объективные «мозговые знаки», т. е. признаки тех мыслей и намерений, которые руководили пером автора того или иного документа. Попытки пересмотра датировки создания лицевых сводов и приписок Ивана Грозного на основании исследования водяных знаков не должны мешать осмыслению тех сведений, которые вытекают из многочисленных исторических источников того времени. Между тем принятие новой (точнее, возвращение к старой, по Н. П. Лихачеву) датировки происхождения приписок Грозного приводит к целому ряду, можно сказать, даже к системе явных натяжек в истолковании исторических фактов.

Посмотрим, что получается в результате «перетягивания» наиболее значительных для данной темы фактов в далекие от них по времени 80-е гг.

Как уже говорилось выше, опись царского архива сообщает, что списки «летописца лета новые» за 1560—1568 гг. были в августе 1568 г. «посланы ко государю в Слободу». Выходит все-таки, что работа по созданию

³ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 226.

летописной истории царствования Грозного в 60-х гг.

Относя создание и редактирование Липового свода к 80-м гг., приходится предположить, что летописи направили на просмотр к царю в 1566 г. просто так, без надобности, и что она без всякого движения провалялась в царских палатах лет пятнадцать, пока царь наконец не взялся ее редактировать. Чуждая искусственность подобного предположения достаточно очевидна.

Там же, в описи царского архива, есть, как мы помним, и другая запись, свидетельствующая о том, что в 1563 г. царь взял к себе из архива следственное дело о тайном заговоре князя Семена Лобанова-Ростовского, раскрытом в 1554 г. Именно на основе этого взятого царем к себе дела написана приписка к Синадальному списку Лицевого свода под 1554 г., рассказывающая о заговоре Ростовского и о суде над ним. Весьма трудно представить себе, что царь взял дело Лобанова-Ростовского в 1563 г. и держал его у себя до 80-х гг., т. е. примерно 20 лет, прежде чем перенести его содержание в летопись своего царствования.

Как сообщает опись, царь с 4-го по 14-е августа 1566 г. едва ли не ежедневно посещал свой архив, лично просмотрел содержание 31 ящика и многие дела взял к себе. Материалы дел, содержащихся в этих ящиках, нашли отражение в его приписках к Лицевому своду. Допускать, что и эти материалы царь использовал лет через 15 после того, как взял их из архива, — тоже явная натяжка.

Далее. Всеми историками отмечено исключительное внимание автора приписок к подчеркиванию роли царя Ивана IV в победе над Казанью. Те, кто считает, что они сделаны в 80-е гг., объясняют этот факт тем, что Курбский в своей «Истории» всячески принижает роль Грозного в этих событиях, поэтому-де приписки являются в этой части ответом на «Историю» Курбского. Однако вполне очевидно, что величие самого факта взятия Казани — вполне достаточный повод для царя подчеркнуть свою роль в этих событиях. Тем более, что именно в своем первом письме к Курбскому, т. е. в 1564 г., Грозный гневно обрушивается на воевод, нерадиво действовавших под Казанью, а затем чуть не погубивших русское войско в преждевременном

штурме, подчеркивая при этом свою решающую роль в победе над Казанским ханством.

А как быть с тем фактом, что в Лицевом своде помещен подробный рассказ о введении опричнины и слово «опричина» в нем фигурирует многократно и без всяких оговорок? Мы ведь знаем, что с 1572 г. слово «опричина» исчезло из документов и было заменено словом «двор».

Враждебное отношение, выраженное в приписках, к двоюродному брату царя Владимиру Старицкому и его родичам оппоненты нашей точки зрения объясняют тем, что в конце 70-х гг. «неприязнь» к Старицким усилилась. Можно ли, однако, считать, что неприязнь к покойникам в большей степени толкала на сведение с ними счетов на страницах летописи, чем реальная политическая вражда, приведшая к уничтожению Старицких в конце 60-х гг.? Странно выглядит этот рецидив прежней ненависти в 80-е гг., в период составления поминальных синодиков по ранее убитым.

В этой же связи особенно неубедительно звучит рассуждение о запоздалом посмертном возвеличении в летописи бывшего главы Посольского приказа дьяка Ивана Висковатого, казненного Грозным в 1570 г. «за измену». В приписке к тексту Лицевого свода под 1553 г., повествующей о боярском мятеже, будто бы имевшем тогда место у постели больного царя, буквально пропет гимн верности Висковатого. Более того, как отмечает С. О. Шмидт, Висковатый дважды изображен в самом лучшем виде на миниатюрах, иллюстрирующих текст царской приписки о мятеже 1553 г. Из этого следует вполне естественный вывод о том, что приписки и миниатюры делались до того, как Висковатый попал в опалу и был казнен как злейший враг царя.

Этот факт создает немалые трудности для сторонников гипотезы о позднем происхождении приписок к Лицевому своду. С. О. Шмидт вынужден признать, что подобные тексты и иллюстрации не могли появиться «вскоре после опалы Висковатого». Как видим, выход из положения исследователь находит в слове «вскоре».

Да, сразу же после казни петь гимны своему врагу Иван Грозный не стал бы, а несколько позже — это,

оказывается, возможно. Данная приписка — верный знак реабилитации Висковатого, замечает тем не менее Шмидт. Видимо, понимая шаткость своих рассуждений, исследователь вынужден оговориться: «Но даже и в таком случае остается не вполне понятным особое выпячивание положительной роли именно Висковатого. Думается, что это объясняется, в частности, тем, что при составлении вставок обращались не только к делопроизводственным документам, но и к каким-то летописным заготовкам тех лет, когда официальное летописание было делом Адашева и Висковатого». Что и требовалось доказать: содержание приписок, хотим мы этого или нет, все-таки восходит к 60-м гг. и не поддается усилиям передвинуть его в 80-е гг.

Еще Н. П. Лихачев обратил внимание на то, что книги статейных сношений с Польшей — записи переписки и всякого рода донесений дипломатов — под № 9 за 1570—1571 гг. и № 10 за 1575—1579 гг. написаны на такой же бумаге, на какой и лицевые своды. Зато книга № 11 написана уже на другой бумаге. Отсюда следует, что закупленная во Франции бумага была израсходована в основном на официальную парадную царскую летопись (около 16 тыс. листов), а небольшой остаток ее, когда работа над летописью прекратилась, был использован в Посольском приказе на две служебные книги, писавшиеся обычно на обыкновенной бумаге. Поскольку роскошная бумага была использована на служебные надобности впервые в 1570 г., естественно заключить, что работа над летописным сводом к этому моменту закончилась. Признавая правильность этого вывода, С. О. Шмидт тем не менее продолжает настаивать на том, что Лицевые своды создавались в конце 70-х—начале 80-х гг.⁴ Получается, что работа над царской Лицевой летописью закончилась раньше, чем началась. Верно-де и то, что в связи с ее окончанием остатки бумаги передали на другие нужды в 1570 г. (таково бесспорное время написания служебной книги № 9), но при этом «верно» и то, что работа только началась лет 10 спустя... Вот к каким трудностям порой приводит истолкование «моз-

⁴ Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 193, примеч. 5.

говых знаков» источников в духе непрременной задапности гипотезы.

Представление о том, что лицевые своды и приписки к ним делались в эпоху «смягчения репрессивного режима», всякого рода покаяний и амнистий, вступают в непреодолимое противоречие с главным и вполне очевидным содержанием летописных рассказов и особенно приписок. Они насквозь полемичны и проникнуты воинствующей идеологией «самодержавства», замечает С. О. Шмидт. «Реестром зла», причиненного царю и государству боярами, справедливо характеризует приписки царя С. Б. Веселовский. Словом, попытки «пересадить» грандиозную эпопею создания Лицевых сводов и написания царем приписок — страстных, пронизанных духом острой и непримиримой политической борьбы — в эпоху «смягчения» и покаяния выглядят противоестественно. Подобная «трансплантация» неминуемо ведет, как мы видели, к отторжению друг от друга несовместимых, искусственно сживляемых тканей.

По вопросу, чьей рукой были нанесены на листы летописи скорописные приписки, типичную точку зрения наших оппонентов высказывает С. О. Шмидт. «Иван Грозный, — пишет исследователь, — наиболее вероятный автор или соавтор вставок в летописный текст и даже многих мелких редакционных замечаний, и это убедительно показано в исследованиях Д. Н. Альшица. Но принимать летописную правку за собственноручную правку царя, за его автограф, нет серьезных оснований».⁵

Посмотрим, каковы соображения, обосновывающие подобные сомнения.

Одно из них состоит в том, что царь вряд ли обладал «профессиональными» навыками редактора. Что в этом суждении верно, так это кавычки, поставленные к слову «профессиональные». В самом деле, кто из саповных лиц, ответственных за составление официальной летописи, обладал «профессиональными навыками редактора»? Митрополит Макарий? Дипломат Висковатый? Да и какие «навыки редактора» проявил автор приписок на листах Лицевого свода? Умение грамотно писать, заполнять свободные места на листах, давать указания, педантично уличать своих подчиненных

⁵ Там же. С. 211.

в ошибках... Последнее, если учитывать, что многие ошибки текста остались неисправленными, не навык редактора, а свойство характера, вполне присущее Ивану Грозному. Более того, ошибки, повторы и тому подобные огрехи самого автора приписок свидетельствуют как раз об отсутствии у него «профессиональных» навыков редактора, а также о полном отсутствии у него чувства какой бы то ни было ответственности перед кем-либо. Таковую «безответственность» навряд ли мог позволить себе кто-нибудь из царских подчиненных, хорошо знавших, что царь лично и активно вмешивается в процесс создания летописи. Дотошность и скрупулезность необычайно характерны для Грозного как для писателя. Любопытен написанный им текст создает впечатление, что автор сидел обложенный книгами, тщательно выписывал и сверял бесчисленные цитаты. Мы видим его углубленным в сложные генеалогические изыскания при разборе местнических дел, корпящим над архивными делами...

А вот и еще один аргумент, приводимый в пользу того, что Грозный будто бы не мог собственноручно делать пометы на летописных листах. Он состоит в следующем. С конца 1570-х гг., утверждает С. О. Шмидт, Ивану Грозному физически было трудно делать пометы на рукописях столь большого формата, как Лицевые своды. Думается, что этот аргумент и вовсе нельзя считать убедительным.

Во-первых, как известно, приписки делались не на рукописях большого формата, а на отдельных, еще не переплетенных листах. (Кстати сказать, неясно, почему трудно делать пометы на рукописи любого формата, если она лежит на попире)? А во-вторых, как мы видели, и не надо «заставлять» заниматься правкой летописи больного, умирающего царя. Его и нужно оставить за этой работой в 60-х гг., когда он был полон сил, энергии и активной ненависти к своим врагам.

Главное сомнение по поводу того, что царь делал приписки собственноручно, фактически сводится к тому, что Грозный был царем. С таким же успехом можно удивляться тому, что Петр I собственноручно вытачивал детали на токарном станке, что Екатерина II самостоятельно написала шесть томов Российской истории, собирая и изучая для этой цели многочисленные историче-

ские источники. Что касается Грозного, — он был человек **пищущий**, любивший писать и много писавший.

С. О. Шмидт в конечном счете приходит к такому заключению о своих выводах: «Автор сам создает неравнопрочность отдельных частей его конструкции. Многие положения данной работы в той или иной степени гипотетичны».

Памятник, который Иван Грозный замыслил воздвигнуть себе, или, вернее сказать, задуманному им делу создания единого и могучего самодержавного Московского царства, ему **достроить** не удалось. И не по той элементарной причине, что в самый разгар работ «главный архитектор» вдруг скончался. Дело, как нам представляется, в другом.

Грандиозное сооружение Грозного и не могло быть завершено, как не могла быть достроена «до самого неба» Вавилонская башня.

Идея возвеличения самодержавной монархии в качестве венца и конечной вершины исторического развития, как известно, не Грозным порождена и не на нем окончила свое существование.

Апология монархической формы правления всегда была предельно далека от истинного понимания социальной и политической сути монархической власти. Великий философ XIX в., основоположник диалектического метода в изучении исторических событий Гегель, объявив прусскую монархию **вершиной** и конечным результатом развития «мирового духа», оказался ничуть не ближе к истине, чем русский самодержец XVI в. — метафизик и мистик по своим философским воззрениям Иван Васильевич Грозный.

Претензии монархических правителей, хотя бы самых законных, на признание их власти высшей и наиболее совершенной формой политического правления, по сути дела являются не чем иным, как высшей формой самозванства.

Ивану Грозному довелось при жизни испытать всю непрочность своей идеи о венчающем, завершающем историю характере установленного им «самодержавства». Он успел убедиться, что история не прекратила своего течения. Более того, ее бурный поток устремился отнюдь не по тому руслу, по которому его хотел направить «царь и государь всея Руси по божьему велению, а не по многмятежному человеческому хоте-

пию» Иван IV. Стоило ему одолеть одних своих «изменников» и «недоброхотов», как словно из-под земли вырастали новые их когорты и легионы. Стоило ему, например, принять венец самодержавного царя и подавить «старых» родовитых бояр, как свои же соратники и «советники», набравшие силу, стали «снимать с него власть» и «государиться» сами. Только разгромил он с помощью опричнины этих врагов, как появились новые из числа самих опричников. Вот и приходилось снова и снова перестраивать верхний этаж огромной идеологической пирамиды — последний том Лицевого летописного свода. При этом становилось все более очевидным, что завершить задуманный памятник великим успехам и славным делам удастся не скоро. Едва успел царь, потратив много труда и сил, возвеличить в царской летописи свою победу над Казанским ханством, как случилось страшное поражение от «бессерменского» крымского хана, завершившееся сожжением Москвы. Настала полоса поражений в Ливонии. Нищала и приходила в запустение страна. . .

Возможно, что мысль о завершении последнего тома Лицевого летописного свода и продолжала жить в намерениях Ивана Грозного. Но история давала все меньше и меньше материала для рассказов о внутренних и внешних победах, успехах, о процветании царской державы. Вспомним, что последними словами последней по времени появления приписки царя на листах Лицевого свода были такие: «И оттоле бысть. . . в боярах смута и мятеж, а государству почала быть во всем скудость». От такого печального признания, хотя и взваливавшего вину на «бояр», было надо думать, не просто, если не невозможно, перейти к другим, более радужным повествованиям. Вот в чем действительно серьезная причина того, что создание грандиозного летописного свода, памятника, возвеличивающего успехи царствования Грозного, остановилось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Установление в России XVI в. самодержавия было подготовлено всем ходом предшествующей русской истории и соответствовало уровню развития производительных сил (характер и уровень сельскохозяйственного производства, характер и уровень развития городов).

Победа самодержавия над силами, препятствовавшими его установлению, готовилась тщательно и исподволь. Огромное значение придавалось идеологическому обоснованию перехода к единовластию. Помимо собственных публицистических произведений царя, ярко и страстно отстаивающих идею самодержавия, большую роль сыграли и другие историко-публицистические произведения того времени, созданные для того, чтобы на историческом материале доказать исконность самодержавия на Руси и несравненное его преимущество перед всеми другими видами государственного устройства.

В предшествующей историографии период Избранной рады — правительства политического компромисса конца 40—50-х гг. XVI в. обычно рассматривался как противостоящий во всех отношениях опричнине. Однако уже в тот период создавались предпосылки перехода к реальному самодержавию. Многие реформы и установления правительства Адашева и Сильвестра, направленные на укрепление централизованного монархического государства, объективно вели к опричнине. Верхушечному политическому перевороту, каким явился переход к самовластию Ивана IV, предшествовала длительная практическая подготовка.

Поставив Боярскую думу и синклит церковных

иерархов между угрозой нападения своего особого (опричного) войска и угрозой выступления московского посада, Грозный добился полной их капитуляции, скрепленной соответствующими приговорами. «Государева воля» была признана единственным источником власти и права, единственным источником определения внутренней и внешней политики.

В стране был установлен новый режим, который с полным основанием уже для того времени может быть назван царским режимом.

Факты показывают, что опричный террор отнюдь не сводился к столкновению между монархией и могущественной титулованной аристократией. Позиция феодальной знати по отношению к укреплению централизованного государства с самого начала была противоречивой. Она боролась за сохранение самостоятельности в вопросах владения наследственными землями, за сохранение своего веса и влияния в сфере административной и политической.

Вместе с тем классовое самосознание крупных феодалов неотвратимо толкало их на путь организованной защиты своих интересов, т. е. на путь укрепления центральной власти. Особенно пугали их восстания городских низов — посадских людей, направленные в первую очередь против феодальной аристократии, использовавшей свою власть и влияние для эксплуатации населения. Только крепкая власть, к тому же освященная вековым авторитетом церкви и самой истории, могла прочно охранить интересы класса феодалов в целом, а значит, и интересы крупных феодалов.

Размах борьбы феодальной аристократии против монархии был, таким образом, ограничен даже со стороны ее собственного социального сознания. Удельная фронда была лишь одним из слагаемых среди тех политических сил, которые могли противостоять самодержавию, могли добиваться ограничения власти монарха.

Ни один из этих социальных слоев в отдельности не мог бы добиться своих целей.

Титулованные уже не обладали достаточным политическим могуществом. Дворянство им еще не обладало. Посадская верхушка также была слишком слаба. Церковь, при всем ее духовном и экономическом могуществе не имела собственной военной силы.

Именно в объединении политических сил, стремящихся ограничить власть самодержца, или, как выражался Грозный, «восхитить» ее, таилась большая и вполне реальная опасность — опасность того, что единовластие останется лишь номинальным.

Самодержавие не могло бы ни появиться, ни укрепиться без того инструмента принуждения, который сумела создать окрепшая царская власть, т. е. без опричнины

Признание того, что опричнина является конкретно-исторической формой объективного исторического процесса, в свою очередь ведет к пониманию, что исторические деятели того времени, в том числе и облеченные высшей властью, вольны были создавать и отменять те или иные политические учреждения, давать им наименования, хотя бы самые произвольные, каким и является наименование «опричнина», что они могли по-всякому, в том числе и весьма театрально, обставлять создание этих учреждений, что они могли формировать и изменять их личный состав, но что они не могли ни породить своей волей, ни отменить объективное историческое развитие.

Смещение внешних проявлений объективного исторического процесса с его сущностью порой сказывается в оценках событий, связанных с учреждением опричнины и с ее так называемой отменой. И то и другое нередко изображается как волевые решения царя, продиктованные главным образом субъективными причинами.

Для того чтобы правильно понять действительную сущность опричнины, необходимо расстаться с некоторыми традиционными представлениями о ней. Прежде всего это касается представления о том, будто опричнина и в самом деле разделила («рассекла») государство на две части («на полы»).

Основоположителем такого толкования опричнины является опять-таки сам ее творец — царь Иван Васильевич Грозный. Именно он на начальном этапе осуществления своего замысла представил дело так, будто, уходя от измен и преследований со стороны бояр, он отделяет для себя небольшой удел — «опричнину», а боярам, воеводам и всем приказным людям оставляет в управление все остальное огромное государство — «земщину».

Впечатлению о разделении государства на две части — опричную и земскую — способствовало и то, что царь действительно выделил себе «особный» двор, отдельно «испоместил» поначалу своих опричников на земле, создал отдельные опричные полки, устроил у себя в Слободе опричные приказы. Опричники были одеты в отличающее их от прочих служилых людей одеяние и пользовались особыми привилегиями. Нет поэтому ничего удивительного в том, что современники увидели в опричнине некое разделение государства.

Как пишет П. А. Садилов, это была только внешняя сторона опричного царского «обихода», прикрывавшая и затемнявшая его настоящую сущность и назначение.

Подлинная суть опричнины отнюдь не соответствовала ее внешней форме. Все перечисленные «разделения» и прежде всего разделение государства на земщину и опричину, были по существу не чем иным, как созданием «верхнего этажа» власти. Препятствия, исторически сложившиеся ее институты, сохранявшиеся в земщине, включая Боярскую думу, были тем самым все разом подчинены власти самодержца.

Для того чтобы стать реальностью, единовластие нуждалось не только в формальном его провозглашении — «венчании на царство», не только в намерении самого монарха быть самодержцем и даже не просто в поддержке тех или иных влиятельных социальных слоев. Как и всякое государство, оно нуждалось в организованной политической силе — в собственных вооруженных отрядах и в аппарате власти.¹

В опричнине царь освободился наконец от традиционной опеки со стороны Боярской думы и князей церкви.

Опричнина опиралась на насилие и располагала властью, которой ранее не обладало ни одно из московских правительств.

Современные историки в общем единодушно указывают на то, что опричнина решительно укрепила аппарат власти самодержавия.¹

Особняком, как уже говорилось, стоит мнение С. Б. Веселовского. Признавая, что в опричнине были

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 10.

созданы свои, опричные приказы, Веселовский подчеркивает, что «далеко не все», какие существовали в земщине, и что функции их были весьма ограничены. Исследователь утверждает, будто Грозный, создавая опричнину, не проводил каких-либо государственных начал и не внес принципиальных структурных изменений в организацию служилого класса.

Между тем Грозный внес в «государственные начала» управления русским государством такое «структурное изменение», как фактическое установление самодержавия. Номинально оно существовало и раньше, но стало самодержавием реально только после учреждения опричнины.

Новейшие исследования показали, что в опричнине существовали главные приказы: Разряд, Ямской, Дворец государев, Казна. В опричнине была «учинена» система государственного управления — Боярская дума, бояре, окольные, думные дворяне и дьяки.

Вполне очевидно, что опричная Боярская дума управляла не делами двора, а делами государства, иногда собираясь вместе с земской Боярской думой, иногда же навязывая последней свои решения. Опричная дума была и территориально, и по существу более близка к царю, чем земская. Соответственно земская дума занимала в отношении опричной подчиненное положение.

Опричный Разрядный приказ ведал формированием привилегированной, сопровождающей самого царя части войска, его головных полков, как сказали бы позднее, царской «гвардии».

С. Б. Веселовский верно указывает на то, что в опричнине не было отдельного Посольского приказа. Но в этом, как отмечает П. А. Садиков, не было нужды, так как опричнину от иноземцев скрывали. При этом, однако, хорошо известно, что важнейшие вопросы взаимоотношений с иностранными государствами, в том числе вопросы войны и мира, решала опричная дипломатия.

К сказанному следует добавить, что сторонники точки зрения, будто опричнина окончила свое существование в 1572 г., закрыли себе возможность исследовать процессы дальнейшего развития опричных (дворовых) общегосударственных учреждений, процесс расширения их функций и общегосударственного влия-

ния. Ввиду этого их выводы о значении опричного двора в истории Московского государства зачастую сделаны на основании неполного материала, относящегося лишь к первым годам существования, становления и развития аппарата власти самодержавия, каким являлась опричнина.

Опричный двор с самого начала и до конца дней Грозного осуществлял верховное руководство всеми главными службами и учреждениями царского государства, воплощал практически власть самодержца. Из людей «государева двора», пишет С. О. Шмидт, формировались кадры для военной, придворной и административной службы.

Об этом же говорит и Р. Г. Скрынников: опричнина изменила значение важнейших дворцовых чинов, они заседали в думе, вели дипломатические переговоры, командовали полками, судили. При этом это положение продолжалось и в 70-х и в начале 80-х гг.

Дворовое правительство, замечает исследователь, продолжало функционировать до конца жизни Ивана Грозного. Именно так — дворцовое правительство страны.

Никаких данных, подтверждающих отмену опричнины в 1572 г., не существует. Опричнина была переименована в двор. Соответственно сохранилось разделение земель, городов и службы на земские и опричные, именуемые дворовыми.

Специальное исследование сочинений Генриха Штадена — единственного современника Грозного, заявившего об отмене опричнины, показало, что, во-первых, Штаден никогда не служил в опричнине и что, во-вторых, его свидетельство об отмене опричнины не заслуживает ни малейшего доверия.

Официальные разряды свидетельствуют, что бывшие опричники, ставшие дворовыми, сохранили свои особые функции — надзор за земскими военачальниками, разведка, карательные операции, конвоирование, допросы пленных. С годами царский двор в широком, а не просто в дворцовом смысле слова приобретает все больший вес в государственном управлении, в организации финансовой службы и дипломатии.

Список служилых людей двора 1573 г., как подтвердило его тщательное исследование, является списком опричников, в основном идентичным спис-

ку опричников 1572 г. Этот документ показывает, что опричина продолжала существовать и после 1572 г.

Соответственно нельзя признать правильной гипотезу ряда ученых о так называемой второй опричнине, будто бы возродившейся в 1575 г. на одиннадцать месяцев и снова отмененной. Идеи двукратного возникновения и двукратной отмены опричины противостоят факты, явно указывающие на то, что опричина явилась не чем иным, как начальной формой аппарата власти утверждавшегося самодержавия, орудием его укрепления и консолидации.

«Именно в опричнине Грозного и при помощи опричнины начался исторический путь царизма.»

Самодержавие пришло на смену сословно-представительной монархии, которая начала свое существование венчанием на царство первого русского царя и закончила его в результате опричного переворота.

Тот факт, что после перехода к опричнине продолжала функционировать Боярская дума и что изредка созывались земские соборы, отнюдь не свидетельствует о том, что царская монархия продолжала оставаться сословно-представительной и не превратилась в самодержавную. Никаких реальных возможностей ограничения самодержавия Грозного ни дума, ни соборы не имели. Как справедливо замечает историк русского права Б. П. Сыромятников, «в составе думы все еще продолжали до самого конца XVII в. заседать, „брады свой устава“ ... отпрыски боярской знати, но они уже „только были спектакулями“, говоря языком петровской эпохи».²

Дума уже при Грозном превратилась в государственное учреждение. А в Уложении 1649 г. был подчеркнут ее подзаконный характер: «Сидети в палате и по государеву указу всякие дела делати».³

К ситуации, сложившейся при Грозном, вполне подходят слова Н. М. Карамзина: «Внутри самодержавие укрепилось. Никто, кроме государя не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием воли монаршей. Жизнь, именные зависели от произвола ца-

² Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа. М., 1915. С. 16—180.

³ Там же.

рей, и знаменитейшее в России титуло было не княжеское, не боярское, но титуло слуги царева». «Правда, — говорит далее историк, — и у нас писали: „Государь указал, бояре приговорили“, по сия законная пословица была на Руси... панихидой на усопшую аристократию боярскую».⁴

Слова, сказанные современником царя Алексея Михайловича, не только полностью, но несомненно в еще большей мере относятся к Ивану Грозному: «У нас государь царь благочестивый. Ереси некоторые не любит. И во всей его государьской земле ереси нет. У печати сядят книги правят избранные люди и безпрестанно над тем делом следят. А над теми людьми надзирают по государеву указу... кому государь укажет».⁵

Уже в XVI в. формируется представление о «самодержавстве» как неограниченной власти монарха, независимой от своих подданных.

Именно к такому «самодержавству» последовательно и упорно стремился Иван Грозный, личная власть которого над подданными отличалась ничем не сдерживаемым произволом и деспотизмом, отмечал известный специалист по истории государственных учреждений Древней Руси А. К. Леонтьев.⁶

Представление о «самодержавстве» как о неограниченной власти монарха складывается во второй половине XVI в. не само собой. И сам Грозный, и его клизмики приложили к этому немало усилий.

Уже в то время формируется не только представление о неограниченной власти царя, но и сама его власть. Грозный не только упорно стремился к ней, но и сумел ее установить.

Власть царя над подданными опиралась не только на его личный деспотизм, но и на созданную им хорошо продуманную и организованную систему обеспечения единовластия. Этим правление Грозного отличается от единовластия тех или иных правителей, не-

⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 12, 65.

⁵ Суханов А. Проскиптарий: Сб. сочинений, содержащий описание путешествия автора в Египет и Иерусалим по поручению царя Алексея Михайловича // ГИБ, Эрм. собр., № 409. С. 30.

⁶ Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1. С. 297.

ограниченная власть которых держалась главным образом на их тираническом праве.

В подобных случаях необузданная власть тирана обычно кончалась вместе с ним. Система единовластия, созданная Грозным, не умерла вместе с первым царем, а стала основой для дальнейшего укрепления и развития аппарата власти неограниченной монархии.

Функционировавшая в XVII в. система центральных и местных органов власти и управления, их структура сложились в основных чертах уже в середине—второй половине XVI в., свидетельствует А. К. Леонтьев. Именно этого и не замечают исследователи, которые стремятся увидеть в укрепившемся к середине XVII в. самодержавии иную по характеру форму монархического управления, чем «самодержавство» Ивана Грозного.

Опричнина сыграла решающую роль в консолидации класса феодалов вокруг царской власти. Благодаря достигнутому единству (путем подчинения интересов всех слоев и прослоек феодального класса интересам самого большого и могущественного его слоя — служилых людей, помещиков) класс феодалов и его государство смогли провести прикрепление крестьян к земле. Полное подчинение единовластия, по существу всеобщее «похолопление», признание над собой абсолютного, неограниченного господства царской воли и власти — такова была та цена, которую феодалы всех степеней должны были уплатить за порабощение в их пользу крестьян.

Отнесение возникновения самодержавия к более позднему времени — к середине XVII в. представляется неверным и с этой точки зрения. «Крепостническое самодержавие» не «моложе» крепостного права, а «старше» его. Самодержавие провозгласило крепостное право и привело его в жизнь. Обеспечение интересов феодалов-крепостников — таков основной классовый смысл возникновения и существования самодержавия.

Введение крепостничества на большей части территории государства требовало наличия ряда условий. Барщинное поместье стало господствующей формой феодального землевладения. Соответственно интересы дворян-помещиков стали господствующими, определяющими государственную экономическую политику и ее

юридическое оформление. Допускать поэтому, что фактическое закрепощение крестьян и его юридическое оформление указами 1581, 1586, 1592/93 и 1607 гг. имели место до установления самодержавия, совершенно неосновательно. Характерно, что ни один из этих указов не обсуждался на земском соборе, хотя бы для формы.

Крестьянская война начала XVII в. явилась сильнейшим ударом по системе самодержавной власти, установленной при Грозном. Возродились на время сословно-представительные формы управления страной. Тем не менее социально-политические изменения, внесенные в общественную структуру Московского государства в эпоху Ивана Грозного, оказались необратимыми.

Речь идет о таких важнейших социально-политических моментах, как превращение поместного землевладения в основную социально-экономическую базу господствующего класса; введение крепостничества; государственная организация воинской службы; подчинение церкви царскому государству; установление административной регламентации и налогового обложения торговли; создание единой государственной налоговой системы.

Укрепление царского государства в середине XVII в., отразившееся в Уложении 1649 г., явилось реставрацией основ самодержавной власти, которые были заложены в опричнине Грозного, и их дальнейшим развитием.

История создания самодержавного государства в России — яркое подтверждение марксистского положения о том, что государство является продуктом непримиримости классовых противоречий. Не случайно усиление консолидации феодалов, приведшее к опричнине в середине XVI в., и усиление консолидации феодалов в середине XVII в., отразившееся в Уложении 1649 г., произошли под прямым воздействием антифеодальных народных движений.

Как видим, в основе ожесточенной внутривполитической борьбы, происходившей в Московском государстве во второй половине XVI в., лежат исключительно серьезные причины. Результат этой борьбы — победа самодержавия как формы политической и государственной организации господствующего класса — тоже

достаточно серьезел с точки зрения его исторического значения. Не только многочисленные факты, но, если можно так выразиться, вся фактура исторической действительности второй половины XVI в., вся «ткань» тогдашней жизни решительно восстают против попыток отрицания ожесточенной внутривполитической борьбы в Московском государстве и глубоких причин, лежащих в ее основе. Утверждать, как это делает В. Б. Кобрин, что борьба между боярством и дворянством в эпоху Грозного — миф, оказывается возможным только при условии подмены подлинных причин этой борьбы причинами мнимыми, «мифическими». Оспаривая мнение, будто «реакционная» феодальная аристократия боролась против централизации страны, а «прогрессивное» дворянство во главе с царем за централизацию, В. Б. Кобрин, разумеется, без труда доказывает, что ни та, ни другая сторона борьбы по данному поводу не вела. Против централизации, за возврат к удельной старине, к раздробленности, в XVI в. действительно никто ни с кем не боролся.

И в историографии даже сторонники теории так называемого обычного конфликта, критике которой здесь было уделено много внимания, вовсе не представляют себе дело так просто, будто боярская аристократия боролась с дворянством за возвращение к удельной старине.

Больше того, в той мере, в какой можно говорить об «антиудельной» направленности опричнины (вывод А. А. Зимина, поддерживаемый В. Б. Кобриным), речь может идти лишь о ликвидации некоторых пережитков удельной системы, сохранившихся в тех или иных остаточных формах землевладения.

Замечая, в частности, что Грозный обвинял бояр во всех смертных грехах и преступлениях, но никогда не обвинял их в стремлении вернуться к временам раздробленности страны, В. Б. Кобрин совершенно прав. Таких обвинений не было и быть не могло.

Однако отсутствие данной конкретной причины борьбы между феодальной аристократией, с одной стороны, и дворянством, с другой — отнюдь не доказывает отсутствия других, действительных ее причин.

Борьба между феодальной аристократией и дворянством шла не за или против централизации, а за то, какой быть этой централизации, за то, кто и как будет

управлять централизованным государством, интересы какой социальной группы (прослойки, части) класса феодалов оно будет преимущественно выражать, в чьих руках, как говорили в более поздние времена, будут находиться командные высоты.

В то же время объявлять мифом как саму борьбу между боярством и дворянством во времена Грозного, так и существенные причины этой борьбы нет никаких оснований.

Борьба не на жизнь, а на смерть шла за консолидацию класса феодалов, за его укрепление путем подчинения интересов отдельных его прослоек и групп общим классовым интересам. «На пользу прежде всего совокупному классу феодалов», как очень удачно выразился сам В. Б. Кобрин.

Ожесточенность этой борьбы вполне понятна. Она является отражением, можно сказать даже формой, борьбы классовой именно потому, что ведется за укрепление эксплуататорского класса в интересах подавления, подчинения противостоящего ему класса эксплуатируемых, крестьянства.

Разумеется, «невозможно назвать прогрессивной террористическую диктатуру опричнины» — в этом В. Б. Кобрин не ошибался. Но ведь дело не в подобных «бирках», навешиваемых порой на те или иные исторические явления.

Ярлыковая историография, сортирующая исторические явления по рубрикам «прогрессивное», «реакционное», нередко приходит в противоречие с существенным анализом исторических фактов, пониманием, например, исторической необходимости возникновения тех или иных политических институтов и форм отнюдь не «прогрессивных».

В этой связи необходимо указать на тот значительный ущерб, который нанесли изучению эпохи Ивана Грозного и ее отражению в литературе и искусстве субъективно-идеалистические оценки личности Грозного, получившие хождение в 40-х гг. нашего века.

Вокруг имени Ивана Грозного возник тогда самый настоящий ажиотаж. В романах, кинофильмах, театральных спектаклях, а также в учебниках и научных трудах его изображали в качестве «великого государя». Именно так — «Великий государь» — называлась пьеса

В. А. Соловьева, чуть ли не ежедневно шедшая на сцене Академического театра им. А. С. Пушкина в Ленинграде.

С тревогой и грустной иронией писал в те дни о безудержном возвеличении личности Грозного в литературе, искусстве, в трудах историков крупнейший знаток эпохи Грозного, подлинный патриот своей науки академик С. Б. Веселовский:

«Итак реабилитация личности и государственной деятельности Ивана IV есть новость, последнее слово и большое достижение советской исторической науки. Но верно ли это? Можно ли поверить, что историки самых разнообразных направлений, в том числе и марксистского, 200 лет только и делали, что заблуждались и искажали прошлое своей родины, и что „сравнительно недавно“ с этим историографическим кошмаром покончено и произошло просветление умов».⁷

Естественно, что работы Веселовского на эту тему писались тогда, как говорится, «в стол». Опубликованы они были много позже, в 1963 г.

Что касается «просветления умов» деятелей искусства, литературы, а также ряда историков того времени, оно объясняется тем, что Иван Грозный оказался любимым историческим деятелем Сталина, от которого и исходил соответствующий социальный заказ. Свою точку зрения на первого российского царя Сталин высказал весьма определенно в беседе с создателями фильма «Иван Грозный» режиссером С. Эйзенштейном и исполнителем роли Грозного Н. Черкасовым. По утверждению Сталина, Иван Грозный являлся великим и прогрессивным государственным деятелем, притом куда более значительным, чем Петр I. «Говоря о государственной деятельности Грозного, товарищ И. В. Сталин заметил, — вспоминал Н. К. Черкасов, — что Иван IV был великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния и стремился объединить Россию. В частности, говоря о прогрессивной деятельности Грозного, товарищ И. В. Сталин подчеркнул, что Иван IV впервые в России ввел монополию внешней торговли, добавив,

⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 36—37.

что после него это сделал только Ленин. Иосиф Виссарионович отметил также прогрессивную роль опричнины, сказав, что руководитель опричнины Малюта Скуратов был крупным русским военачальником, героически павшим в борьбе с Ливонией. Коснувшись ошибок Ивана Грозного, Иосиф Виссарионович отметил, что одна из его ошибок состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами, — если бы он это сделал, то на Руси не было бы смутного времени. . . И затем Иосиф Виссарионович с юмором добавил, что „тут Ивану помешал бог“: Грозный ликвидирует одно семейство феодалов, один боярский род, а потом целый год кается и замаливает „грех“, тогда как ему нужно было бы действовать еще решительнее!».⁸

Тогда же в исторических трудах и учебниках появилось определение — «прогрессивное войско опричников». Безудержный кровавый террор опричнины и тиранический характер правления Грозного изображались чуть ли не как политика, выражавшая интересы широких народных масс. По утверждению Сталина, причиной, породившей Смутное время, была недостаточная последовательность Грозного в «ликвидации» старинных боярских родов. Из подобных рассуждений полностью выпадала классовая оценка опричнины, истреблявшей не только бояр, но и разорявшей страну в политических интересах военно-феодальной диктатуры, обеспечивавшей в качестве ударной силы класса феодалов закрепощение крестьян.

Нет никакого сомнения в том, что «путь опричнины был более мучителен для народных масс, более разорительным для страны», чем, скажем, путь, намеченный Избранной радой. Однако историческая действительность Московской Руси того времени предопределила путь установления и укрепления именно самодержавной (по существу), а не сословно-представительной монархии. Понимание исторической неотвратимости развития тогдашней Руси не имеет, естественно, ничего общего с одобрением, а тем более восхвалением тех «отвратительных деспотических форм, которые

---

⁸ Черкасов Н. К. Записки советского актера. М., 1953. С. 379—383.

приобрело самодержавие» и которые «многим были обязаны опричнине», как справедливо пишет В. Б. Кобрин.

Разумеется, начальные формы аппарата власти самодержавия со временем уступили место другим его формам, которые в свою очередь менялись в процессе исторического развития. При этом, однако, трудно обнаружить во всей дальнейшей истории самодержавия периоды, когда не проявляли бы себя те или иные опричные методы управления. Иначе и не могло быть. Социальное происхождение самодержавия неразрывно связано с опричниной. А происхождение, как известно, можно отрицать, но нельзя отменить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Спор, затянувшийся на 400 лет (вместо введения)	3
Глава 1. Экспедиция в недра старинных шкафов	18
Глава 2. Первый русский царь	32
Глава 3. Годы больших реформ	45
Глава 4. Турнир публицистов	62
«Поп-невежа» Сильвестр	62
Кто таков «Иванец Пересветов»?	73
Глава 5. Идеологическая подготовка перехода к едино- властью	85
История Руси, переписанная заново	85
Парламентаризму — нет!	93
Глава 6. Установление самодержавия	102
Конец правительства компромисса	102
Подготовка и проведение опричного пере- ворота	108
Опричный террор	120
Песня про царя Ивана Васильевича и купца...	130
Глава 7. Опричнина остается опричниной	139
Логические построения и факты действи- тельности	139
Опричник-самозванец Генрих Штаден	159

Глава 8. Царский строй в начале своего исторического пути	177
Список опричников двора Ивана Грозного	177
Царское войско. Система подчинения и управления	192
Анонимный редактор царского летописца	207
Заключение	228

Даниил Натанович Альшиц

**НАЧАЛО САМОДЕРЖАВИЯ
В РОССИИ.**

Государство Ивана Грозного

Утверждено к печати
Редколлегией
научно-популярных изданий

Редактор издательства Ю. А. Прохвятилов
Художник И. П. Кремлев
Технический редактор О. В. Любимова
Корректоры Е. А. Гинотлинг, А. Х. Салта-
наева и Г. В. Семерикова

ИБ № 33394

Сдано в набор 13.01.88. Подписано к печати
06.05.88. М-42059. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага книжно-журнальная № 2. Гарнитура
обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л.
13.02. Усл. кр.-от. 13.17. Уч.-изд. л. 13.0.
Тираж 100 000 (1-й завод — 1—50000 экз.).
Тип. зак. № 36. Цена 50 к.

Утверждено Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
1934 Ленинградское отделение.
1990г. Ленинград, В-34,
Менделеевская линия, 1.

на Трудового Красного Знамени
типография издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, 12.